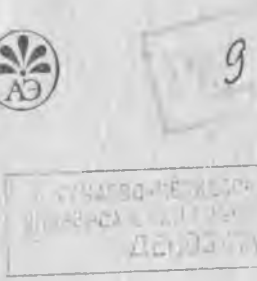
63.5(2Р37)я7
Ф33

Я. А. Федоров

450636

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

«АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»



Я. А. Федоров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ИСТОРИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Ответственный редактор доцент *Г. Г. Громов*

Рецензенты:

кафедра истории древнего мира и средних веков
Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Л. Хетагурова
доктор исторических наук *Б. А. Калоев*

Федоров А. Я. Историческая этнография Северного Кавказа. Учебное пособие. — М., Изд-во Моск. ун-та, 1983, 128 с.

В учебном пособии на основе новейших сведений по этнографии, археологии, антропологии и лингвистике рассматриваются ранняя этническая история, особенности хозяйственной деятельности региона, содержатся данные о происхождении современных народов Северного Кавказа, прослеживаются историко-генетические связи северокавказского мира с Передней и Центральной Азией, Средиземноморьем, Юго-Восточной Европой.

Для студентов исторических факультетов университетов и других смежных специальностей.

Ф $\frac{0\,508000000-086}{077(02)-83}$ 34—83

© *Издательство Московского университета, 1983 г.*

450036

Карачаево-Черкесская
областная
библиотека

ВВЕДЕНИЕ

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что Кавказ как историческая область уже своим географическим положением как бы призван играть роль своеобразного моста между близлежащими областями Евразии. И действительно, первые же письменные свидетельства о Кавказе рассказывают о том, как киммерийцы, скифы, а вслед за ними и многие другие народы, совершали военные походы через Кавказ. Те же письменные источники упоминают два основных пути завоевателей — по берегам Черного и Каспийского морей. Этническое разнообразие современного населения Кавказа (здесь живут 50 из 130 народов нашей страны) на первый взгляд кажется следствием многочисленных миграций, имевших место на Кавказе.

Однако внимательное изучение разнообразных источников, характеризующих прошлое народов Кавказа, заставляет ученых относиться более осторожно к столь простому решению проблем этнической истории Кавказа. С каждым годом увеличивается количество исследований отдельных этапов длительной и сложной истории населения Кавказа. Растет и количество самих источников. К письменным свидетельствам присоединились многочисленные данные археологии, которые приносят новые сведения о жизни, культуре предков современных народов Кавказа. Уточняются и результаты лингвистических анализов. Немалую роль играет и антропология, отражающая сложные процессы перемещения населения, взаимоотношения различных групп. Много нового дают этнографические данные, которые сопоставляются с результатами родственных наук. Важнейшим страницам этнической истории народов Северного Кавказа и посвящена книга Я. А. Федорова. Многие годы на кафедре этнографии исторического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова Я. А. Федоров читал лекционный курс, который составляет основу этой работы. Автор раскрывает всю сложность этнических процессов, обобщая достижения самых различных научных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, этнической антропологии, этнографии. Я. А. Федоров сам руководил работой этнографических и археологических экспедиций, изучавших историю народов Кавказа. Проблемы Кавказа, его этнической истории представляют большой научный интерес; они помогают более успешно

решать вопросы генезиса и развития человеческого общества, формирования его культуры, истории этнических процессов.

Комплексный научный подход к культурной и этнической истории Кавказа позволяет установить, что тенденции и основные процессы заселения Кавказа проявились уже на самых ранних этапах его истории, когда наметились два основных пути расселения по побережьям Черного и Каспийского морей. В дальнейшем эти пути связывали население Кавказа с их южными соседями, а когда сложились необходимые условия, население продвигалось дальше на север, используя эти дороги. Много позднее на Кавказ и через него устремились многочисленные завоеватели из степей Причерноморья и Прикаспия.

Вместе с тем, уже на ранних этапах начинает складываться культура местного кавказского населения, которая при всех сложных перепитиях политической истории, испытывая неизбежные влияния, впитывая и перерабатывая привнесенное извне, развивалась на местной основе по общим законам развития человеческой культуры в конкретных и очень своеобразных кавказских условиях. Поэтому постоянные перемещения населения и связи его с соседними пришлыми группами, с одной стороны, а также становление и развитие местных и устойчивых традиций в развитии культуры, экономики, социальной жизни народов Северного Кавказа — с другой, обусловили как сложность в изучении этих процессов, так и особый интерес к ним.

Данные антропологии достаточно убедительно говорят как о родстве части населения Кавказа с регионами, областями, прилегающими к Кавказу с юго-востока, юго-запада и севера, так и об устойчивости антропологических особенностей основного населения Кавказа на протяжении длительного исторического периода. Складывается впечатление, что отмеченные миграции пришлых групп не затрагивали основного массива собственно кавказского населения, оказывая на него слабое влияние, быстро поглощавшееся местным субстратом. Учитывая устойчивость местных традиций в развитии культуры, можно сделать вывод об индеферентности, безразличии населения Кавказа к влияниям извне. В действительности же дело обстояло совсем не так. Об этом говорит вся история культуры Кавказа, итоги изучения которой нашли отражение в книге Я. А. Федорова.

Нужно хорошо помнить, что данные антропологии отражают лишь специфическую сторону человеческой жизни, а именно биологические контакты между группами населения. Далеко не всегда взаимоотношения в области культуры сопровождались процессами смешения и самого населения, изменением его антропологического облика.

Еще более сложные процессы скрываются за языковой пестротой населения Кавказа. Как явление человеческой жизни, культуры, бытия язык отличается значительной подвижностью. Процессы дифференциации языков и их ассимиляции происходят одновременно с развитием самих языков не только в лингвистическом аспекте, но и в социальном. Язык — средство общения людей и всегда зависит от форм, характе-

ра такого общения. И в этом смысле на языковую карту Кавказа на протяжении тысячелетий могли оказывать и оказывали влияние самые разные факторы, проявлявшиеся неодинаково в разные исторические периоды. В чем причина языкового многообразия современного Кавказа? На этот вопрос не так легко ответить, хотя наука и немало сделала в изучении языков Кавказа, их истории.

Несомненно, что на языковом разнообразии сказались контакты, взаимовлияния местного, коренного населения с пришлыми группами. К результатам этого процесса следует отнести появление среди горского населения ираноязычных осетин и тюркоязычных карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев. Однако при сопоставлении истории культуры этих народов, антропологических заключений мы вынуждены говорить об органическом родстве их с теми группами горцев, которые говорят на кавказских языках. Следовательно, речь идет лишь о языковой ассимиляции, изменении только языковой принадлежности. Но почему в одних случаях эта ассимиляция произошла, а в других нет, почему сравнительно небольшие группы пришлого населения смогли «навязать» свой язык местным жителям, которых всегда было больше? Ответить однозначно трудно, видимо, всегда следует иметь в виду сложные и многообразные социальные взаимоотношения.

Языковая дробность в еще большей степени характерна для тех кавказских языков, которые принято считать древнейшими языками местного населения. Чем же можно объяснить, что в одних случаях язык жителей одной долины или даже одного аула сильно отличается от языка соседей, а в других мы имеем дело с достаточно крупными языковыми общностями. Географическую изолированность вряд ли можно признать решающим фактором. При всех особенностях и трудностях горной страны общение между населением отдельных долин (тем более в пределах одной долины или ущелья) всегда имело место и в прошлом, и теперь. Но в одних случаях оно приводило к становлению и распространению общих языков (аварцы, чеченцы и др), а в других — языковая обособленность продолжала оставаться до последнего времени.

Возможно, разрешить эту проблему поможет изучение социальных явлений. Живя достаточно замкнуто, люди не испытывали потребностей в общении с другими, что и приводило к своеобразной языковой изоляции. Однако ученые давно отказались от излишней архаизации процесса социального развития народов Кавказа. Археологические материалы и данные письменных источников убедительно свидетельствуют о сравнительно раннем возникновении не только имущественной и социальной дифференциации у населения Северного Кавказа (по крайней мере, с I тыс. до н. э.), но и о раннем образовании социального неравенства. Мы вправе говорить о появлении классового расслоения в I тыс. н. э. И эти процессы захватывали не только равнинные или предгорные части Северного Кавказа, но и горные области.

Я. А. Федоров в своей работе главное внимание уделяет тем про-

цессам, которые явились основой становления современных народов Северного Кавказа уже в нашу эру. Такое обширное историческое введение крайне необходимо для понимания проблем позднейшего этногенеза. Например, если появление иранских или тюркских языков среди горцев Северного Кавказа можно объяснить, опираясь на факты не такого уж далекого прошлого (I—II тыс. н. э.), то культурное единство этих некавказоязычных народов с их кавказоязычными соседями можно выявить только при условии комплексного изучения истории развития населения Кавказа.

Я. А. Федоров настойчиво и последовательно проводит мысль о единстве всех народов Кавказа как наследников местного древнего населения. В то же время автор показывает и различия, неизбежные для столь обширного региона. Видимо, такой подход составляет основу определения терминов «этнос», «этнический» в широком смысле. Эти категории получили в последнее время развитие в работах Ю. В. Бромлея (Этнос и этнография. М., 1973; Современные проблемы этнографии. М., 1981), Я. А. Федоров часто употребляет понятия этнос, этнический не в конкретно-историческом выражении этнической общности данной эпохи (племя, народность, нация), а как определение группы народов разных эпох, генетически связанных общностью культуры, традиций. Такое понимание исключает представление о некоем «пранароде», т. е. общем предке всех кавказских народов.

Важной особенностью подхода Я. А. Федорова к этнической истории является употребление древних этнонимов (скифы, меоты и др.) в их этническом смысле, т. е. в трактовке письменных источников. По-видимому, сказался характер издания, которое представляет курс лекций для студентов, уже подготовленных в процессе обучения к правильному восприятию смысла подобных терминов. Данные современной науки позволяют достаточно убедительно объяснять понимание подобных этнонимов в узком и широком смысле. С одной стороны, это имена собственные конкретных народов, этносов. С другой — в письменных источниках упоминаются обширные этнополитические объединения, возглавлявшиеся этими народами. Например, говоря об ираноязычных соседях народов Северного Кавказа, мы должны иметь в виду, что уже в начале I тыс. до н. э. под общим именем скифы где-то на востоке, в степях Приазовья кочевали и предки сармат, в составе которых позднее находились аланы, аорсы и другие племена. Поэтому их появление на исторической арене не было неожиданным; новостью они были лишь для письменных свидетельств. Это важно для понимания длительности их связей, контактов с населением гор и предгорий Кавказа.

У нас нет письменных данных о том, что в состав подобных этнополитических объединений входили и группы населения собственно кавказских народов (предков адыгов, черкес и др.), но возможно, они входили в состав народов прикавказских степей, объединенных в данном случае понятиями аорсы, аланы и др.

Важно иметь в виду, что смена политического гегемона таких сложных объединений чаще всего не приводила к исчезновению или вытеснению отдельных составных частей такого военно-политического союза. Отдельные племена, имевшие свои собственные имена и названия, продолжали жить на своих местах и, таким образом, не нарушалась преемственность их связей, как внутри этих племен, так и с населением горных областей, что способствовало устойчивости культурных черт, стабильности населения и процессов обмена. С развитием и специализацией производства и усилением процессов обмена такие связи неизбежно расширялись и укреплялись, несмотря на изменчивость политических и военных взаимоотношений.

Я. А. Федоров, может быть, меньше, чем следовало, уделил внимания социально-политическим вопросам, которые естественно играли весьма существенную роль и в этнической истории народов Северного Кавказа. Но эти интереснейшие моменты кавказской истории находятся пока в стадии разработки. К тому же введение подобных сюжетов слишком расширило бы объем книги.

Доцент Г. Г. Громов

I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Кавказ — крупная географическая и историко-этнографическая область. Ее площадь 440 тыс. кв. км. Принято считать, что северная граница Кавказа проходит по Кумо-Манычской впадине. Здесь Кавказ граничит со степными пространствами Восточной Европы, степями Волго-Донского междуречья. Южная граница Кавказа совпадает с государственной границей СССР — Турцией и Ираном. С запада Кавказ омывается Черным и Азовским морями, с востока — Каспием. Таким образом, по своему географическому положению Кавказ представляет гигантский перешеек между Черным и Каспийским морями, соединяющий Восточную Европу со странами Передней Азии.

На Кавказе есть и горные системы, и значительные холмистые пространства, обширные низменные равнины. Однако именно горы определяют разнообразие физико-географических и природных условий этого региона. Кавказ обычно делят на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Границей служит Водораздельный (или Главный) хребет Большого Кавказа. Западную его оконечность — район Новороссийска и Тамани — относят целиком к Северному Кавказу. Водораздельный хребет тянется через весь Кавказский перешеек на протяжении 1500 км в направлении с северо-запада на юго-восток, от Тамани на Черном море до Апшерона на Каспийском. Это — система складчатых образований, так называемый Большой Кавказ. В орографическом отношении его можно расчленить на осевую полосу, северный склон и южный склон. Осевая полоса, за исключением ее крайних отрезков, западного и восточного, носит высокогорный характер. Природные условия здесь крайне суровы. Труднодоступные долины горных рек часто служили местному населению убежищем от врагов в период их нашествий.

К югу от Большого Кавказа, в Закавказье, между Черным морем и нижним течением р. Аракс располагается вторая система складчатых гор, так называемый Малый Кавказ или Закавказское нагорье. В границах Советского Союза Закавказское нагорье не представляет целостную географическую область: его внутренняя вулканическая часть — Армянское нагорье — простирается далеко на юг. Другая важная орографическая область — Предкавказье. Оно простирается

от Кумо-Манычской впадины на севере до подножия Большого Кавказа на юге. Западная часть Предкавказья — Кубано-Приазовская равнина; в средней ее части выделяется Ставропольская возвышенность. Она имеет вид широкого куполовидного поднятия. Высшая точка возвышенности — гора Стрижамент — имеет отметку 832 м. Повышенное количество влаги, получаемое Ставропольской возвышенностью, по сравнению, например, с Прикумскими степями, создает условия для существования лесостепных ландшафтов.

Восточное Предкавказье заметно отличается по своим природным условиям от остальных его частей. Влияние Прикаспийской низменности делает климат более засушливым; степная растительность здесь обеднена. Зато малоснежные зимы позволяют содержать скот в самые суровые месяцы на подножном корму. С древнейших времен через Предкавказье жители степей общались с населением горного и предгорного Кавказа; через узкие низменности Предкавказья, протянувшиеся вдоль береговой полосы Черного и Каспийского морей, пролегли основные пути движения масс кочевников в страны Передней Азии. Эти же пути в обход Кавказского хребта и через его перевалы издавна связывали Закавказье и Северный Кавказ. Эти связи в известной степени и определили этнические процессы как на Северном Кавказе, так и в Дагестане.

Большой Кавказ является исполинской стеной, защищающей Закавказье от зимних холодных ветров. Влажный воздух из Восточного Средиземноморья создает в зимнее время условия для образовани. субтропического климата в юго-западном Закавказье. В районе Эльбруса ширина горных складок достигает 180 км. В центральной части Большого Кавказа находятся и самые значительные вершины, превышающие Европейские Альпы (Шхара, Дых-тау, Коштан-тау, Казбек). Недоступные вершины Большого Кавказа никогда не были непреодолимым препятствием для общения народов Северного Кавказа и Закавказья. С глубочайшей древности были известны перевальные пути: Марухский и Клухорский в верхней Кубани, Мамисонский в верховьях Риони, Крестовый в верховьях Терека. Существовали и перевалы местного значения, их насчитывается несколько десятков.

Основной климатообразующий фактор — Кавказский хребет. Он преграждает массам холодного арктического воздуха путь на юг, в Закавказье, и, наоборот, задерживает продвижение на север потоков теплого средиземноморского воздуха со стороны Черного моря. Вследствие этого создается существенная разница в климате Северного Кавказа и Закавказья: средняя температура января в Предкавказье —6°, в восточном Закавказье +3°, а в западном +5° и даже выше. Для нас особое значение имеет значительная разница в климате (в первую очередь, в летний период) между западной его частью и восточной. На Северном Кавказе линия климатораздела проходит на Ставропольской возвышенности. На западе сказывается влияние Средиземноморья, поэтому здесь лето менее жаркое и сухое; на востоке

(от Ставропольской возвышенности) в степных пространствах Прикаспия, в нижнем течении Терека и Кумы лето сухое и жаркое, так как сюда вторгается раскаленный воздух среднеазиатских пустынь. Среднеиюльские температуры на западе Северного Кавказа, в Прикубанье +23—24°, на востоке — +25—30°.

Природные условия горного Кавказа подчинены закону вертикальной зональности. По мере повышения рельефа климат меняется: на южных склонах Большого Кавказа — от субтропического к умеренно-теплому и далее — к холодному, вплоть до пояса вечных снегов и льдов. Соответственно меняется и ландшафт. В предгорьях, а также на равнинах Северного Кавказа расположена зона широколиственных лесов, это область возделывания зерновых культур, разведения фруктовых деревьев, винограда. Выше расположена зона хвойных лесов, еще выше — субальпийские и альпийские луга. С древнейших времен они служили пастбищами для диких животных, позднее — летними пастбищами для домашнего скота. Растительный покров Северного Кавказа представляет два типа ландшафтной зональности: западнокавказский, включающий весь северо-западный Кавказ, и восточнокавказский, в который входят степные и предгорные районы Дагестана.

Для западнокавказского ландшафта характерно наличие зоны луговых степей с участками широколиственных лесов. Зона эта занимает подножие горной системы со сравнительно мягким рельефом. Для восточнокавказского ландшафта типичны сухие степи, а у самого подножья и крайней восточной части северного склона Большого Кавказа — зоны полупустынь. Таким образом, низменные и равнинные зоны Северного Кавказа, а также склоны Ставропольской возвышенности до сравнительно недавнего времени были чрезвычайно благоприятны для кочевого хозяйства. Предгорья же — район давней оседлости; высокогорные пастбища уже в эпоху бронзы были освоены человеком.

ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Современное население Кавказа многонационально, оно отличается необычайной языковой дробностью. И то и другое объясняется особыми географическими условиями, так как Кавказ расположен на стыке двух миров — переднеазиатского и восточноевропейского. С глубокой древности взаимоотношения горского населения со степняками сказывались на этнической истории Кавказа в целом, Предкавказья и северо-предгорной зоны в особенности.

На Кавказе живет около 50 народов и этнических групп, большинство из них говорит на самостоятельных языках. По лингвистическим признакам можно выделить три языковые семьи: собственно кавказскую или, как ее иногда называют, иберо-кавказскую, индоев-

ропейскую и алтайскую. Вопрос о существовании иберо-кавказской семьи языков спорный, так как до сих пор не доказана их общая генетическая близость или родство[1].

Кавказские языки принято делить на три группы: западную — адыго-абхазскую, восточную — дагестано-нахскую и центральную, или картвельскую (иберийскую). Некоторые исследователи рассматривают отдельно нахскую или вайнахскую группу и группу дагестанскую и, таким образом, делят собственно кавказские языки на четыре группы. Все они, по мнению этих ученых, представляют собою языковый союз.

К западной, абхазс-адыгской группе кавказских языков относятся абхазский (на нем говорит 91 тыс. человек) и абазинский (29 тыс.) языки[2], рассматриваемые нередко как единый язык с диалектными различиями; оба языка представлены в Абхазии и отчасти на северном склоне Кавказа; убыхский язык с 1864 г. распространен только в Турции (у берегов Мраморного моря) — ныне на нем говорят менее двух десятков человек; адыгейский (109 тыс.) — в Адыгейской АО Краснодарского края и кабардинский (322 тыс.) — в Кабардино-Балкарской АССР и в Карачаево-Черкесской АО Ставропольского края. Все западнокавказские языки, кроме убыхского, имеют свою письменность.

К постоянной нахско-дагестанской группе относится до 28 языков. Это наиболее многочисленная по составу группа кавказских языков. Она представлена в основном в Дагестанской и Чечено-Ингушской автономных республиках, частично же — на смежных территориях Азербайджана и Грузии. На языках нахской подгруппы говорят родственные народы Чечено-Ингушетии — чеченцы (756 тыс.) и ингуши (186 тыс.). Чеченцы живут в восточной и центральной части автономной республики, а также в сопредельных районах Дагестанской АССР. Ингуши живут в западной части Чечено-Ингушетии и некоторое их число — в Северо-Осетинской АССР. К восточнокавказским языкам относится язык небольшой этнографической группы бацбийцев или

---

[1] Говоря о лингвистических особенностях иберо-кавказской группы, нужно иметь в виду, что существуют две точки зрения на эту проблему. Первая заключается в том, что ученые признают единство собственно кавказских языков (картвельских, абхазо-адыгейских, дагестано-нахских), но отрицают родство этих языков с языком басков на Иберийском полуострове. Гипотеза о таком родстве и родила название «иберийско-кавказские языки».

Вторая точка зрения возникла в связи с проблемой родства между самими кавказскими языками. Господствовавшая длительное время гипотеза А. С. Чикобавы и его школы о бесспорном родстве самих кавказских языков была недостаточно обоснована лингвистически. Сейчас ученые склонны рассматривать языковые группы прежних классификаций как самостоятельные семьи. Видимо недостаточная изученность закономерностей развития отдельных групп кавказских языков делает подобную ориентацию обоснованной. Я. А. Федоров исходит из концепции А. С. Чикобавы о языковом родстве всех кавказских языков. (Здесь и далее примечания научного редактора Г. Г. Громова) Подробнее см.: Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. (Современное состояние и проблемы). М., 1981, с. 276—311.

[2] О численности народов Кавказа см.: Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.

цова-тушинов. Бацбийцы проживают в соседнем с Чечено-Ингушетией Ахметовском районе Грузинской ССР. Находясь долгое время под воздействием грузинского языка, бацбийский язык значительно отличается от чеченского и ингушского. Литературный язык бацбийцев — грузинский.

Подавляющее число народов Дагестана — одного из самых сложных по своему этническому составу района — говорит на языках дагестанской подгруппы восточнокавказских языков. В нее входят: аварско-андийско-цезские языки в составе трех диалектов аварского языка (483 тыс.), достаточно сильно различающиеся между собою; семь андийских языков — андийский, ботлихский, тиндинский, каратинский, ахвахский, чамалинский, багулальский; пять цезских или дидойских языков — цезский или дидойский, хваршинский, бежитинский, гунзебский и гинухский. К дагестанской подгруппе восточнокавказских языков относятся лакский (100 тыс.) и даргинский языки (287 тыс.). Лакский язык сравнительно монолитен; даргинский же состоит из нескольких сильно расходящихся диалектных разновидностей. Особенно обширно самое южное (по своему положению) лезгинское подразделение восточнокавказских языков. Здесь насчитывается десять языков; в некоторых из них имеются сильно различающиеся диалекты. К числу лезгинских языков относятся собственно лезгинский (383 тыс.), табасаранский (75 тыс.), агульский (12 тыс.), рутульский (15 тыс.), цахурский (14 тыс.), будухский, крызский, удинский, хиналугский и арчинский. Хиналугский и арчинский языки — одноаульные, а на удинском говорят в двух селах. Удины живут в Азербайджане; языки удинской письменности — азербайджанский и армянский. Небольшая группа удин живет в Кварольском районе Грузинской ССР и пользуется грузинским литературным языком.

К центральнокавказской или южной группе кавказских языков относятся три языка: грузинский (3.571 тыс.), занский или мегрелочанский и сванский. Грузины — основное население Грузинской ССР. Небольшая группа грузин — ингилойцы — проживает в западной части Азербайджанской ССР. Несмотря на большое число диалектов, грузинский язык в общем однороден. Из языков южной или картвельской группы только грузинский имеет древнюю письменную традицию, восходящую к V в. н. э. На сванском языке, наиболее сохранившем архаичные элементы древнего общекартвельского языка, говорят жители Сванетии. Сваны живут в горах Западной Грузии, в верховьях рек Ингур и Цхенис-Цхали. Занский язык имеет два диалекта — на одном говорят мегрелы, на другом — лазы. Основное местопребывание мегрелов — между реками Цхенис-Цхали (на востоке) и Чалидзаг (на западе); часть мегрелов осела в Абхазской АССР. Лазы живут в селении Сарпи Аджарской АССР. Для дальнейших исследований в области этнической истории Западного Кавказа важное значение имеет то обстоятельство, что занский язык представлен в Восточном Причерноморье двумя ареалами, ныне разобщенными грузинским язы-

ком. Один ареал (мегрельский) находится по соседству с Абхазией, другой (лазский) почти целиком в современной Турции. Их разделяет территория, заселенная аджарцами, имеретинами, гурийцами, говорящими на диалектах грузинского языка.

Индоевропейская семья языков представлена на Кавказе русскими, украинцами, армянами, осетинами, курдами, татами, талышами, греками. Русские составляют основное население Краснодарского и Ставропольского краев — около 90% всех жителей. Много русских живет в городах национальных республик Кавказа — в Тбилиси, Баку, Орджоникидзе, Грозном, Черкесске, Нальчике, Махачкале. Большой процент русских составляет население автономных республик и областей Северного Кавказа. Общая численность русских на Кавказе более 7 млн.; из них на Северном Кавказе приживает более 6 млн. человек. Русский язык стал языком межнационального общения народов Советского Союза. Для народов Кавказа он стал вторым родным языком. Так, по данным переписи 1970 г. 41,7% населения Дагестана владели русским языком; еще выше процент овладения русским языком, у балкарцев — 71,5; у кабардинцев — 71,4; у черкесов — 70,0; у абазин — 69,5; у адыгейцев — 67,9; у чеченцев — 66,7; у карачаевцев — 67,6; у осетин — 58,6%.

На Кавказе живет свыше 300 тыс. украинцев; из них 200 тыс. — в Краснодарском и Ставропольском краях. Значительную часть русского и украинского населения Северного Кавказа составляют кубанские и терские казаки. Небольшими группами представлены на Кавказе другие славянские народы — белоруссы, поляки, болгары.

Второе место по численности среди народов индоевропейской семьи на Кавказе занимают армяне (около 3-х млн; всего в СССР 4.151 тыс. армян) [3].

Остальные индоевропейские языки Кавказа относятся к иранской группе. На Северном Кавказе они представлены осетинским языком. Всего осетин насчитывается более 542 тыс. Большинство из них живет на Северном Кавказе на территории Северо-Осетинской АССР (299 тыс.) и Юго-Осетинской АО (65 тыс.), входящей в Грузинскую ССР. Отдельные осетинские селения находятся в Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкесской АО Ставропольского края. Остальные ираноязычные народы — курды (116 тыс.), таты (22 тыс.) обитают в Закавказье, частично — в Южном Дагестане.

На языках алтайской семьи говорит целая группа народов Кавказа. Самый многочисленный из тюркоязычных народов — азербайджанцы (5,477 тыс.), живущие в основном в Закавказье. На Северном Кав-

---

[3] Армянский язык несомненно относится к числу индоевропейских языков, хотя его место в классификациях языковых групп этой семьи до сих пор вызывает споры среди исследователей. Принято считать этот язык самостоятельным, не входящим ни в какие группы современных индоевропейских языков.

(Подробнее см.: Сравнительно-историческое изучение языков, с. 170—205).

казе, в Дагестанской АССР проживает второй по численности тюркоязычный народ Кавказа — кумыки (228 тыс.). Небольшие группы кумыков населяют Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую АССР. Язык кумыков относится к половецкой ветви кипчакских языков; кумыкский язык содержит некоторое число огузских элементов.

В верховьях Кубани и Терека живут близкородственные народы — карачаевцы (131 тыс.) и балкарцы (66 тыс.). У них один язык — карачаево-балкарский с диалектными различиями. Карачаевцы населяют Карачаево-Черкесскую Автономную область Ставропольского края. Балкарцы живут в горах южной и юго-западной частях Кабардино-Балкарской АССР. Карачаево-балкарский язык относится к западной, половецкой группе кипчакских языков.

К этой же группе по языку относятся ногайцы (60 тыс.). Основная часть ногайцев находится в пределах Дагестанской АССР, отчасти — Чечено-Ингушетии; остальные — в восточных районах Ставропольского края и в Адыго-Хабальском районе Карачаево-Черкесской АО.

К числу тюркоязычных народов Кавказа следует отнести и татар, большинство которых осело в Закавказье. На Северном Кавказе, в Ставропольском крае, живет небольшая группа туркмен (около 6 тыс. человек), самоназвание их — трухмены.

Таковы факты, отражающие необычайную языковую дробность, характеризующую лингвистическую картину Кавказа. Тут, конечно, сыграли свою роль особенности орографии страны, особые условия жизни в горах, естественно приводящие к большей или меньшей изоляции целых районов в верховьях Кубани, Терека, в теснинах Дагестана. Все это способствовало языковой дифференциации и замкнутости. Но был и другой фактор, способствовавший консервации и самостоятельному развитию диалектов. Об этом писал в свое время Л. И. Лавров. Он обратил внимание на неравномерность языковой дробности в пределах Кавказа и на максимальную ее выраженность в Дагестане. Л. И. Лавров справедливо заметил, что одной из причин исключительной дифференциации языков Дагестана был широко распространенный здесь обычай эндогамии. Именно в Дагестане мы встречаем одноаульные языки, на долю Дагестана падает половина всех языков Кавказа.

В условиях строительства коммунистического общества формируется особая этническая историческая общность — советский народ. Преодолена вековая изоляция отдельных этнических групп. Некоторые малочисленные народы и этнические группы консолидируются с родственными или близкими им по языку более крупными народностями, язык которых и становится их родным языком. Примером такого процесса может служить консолидация мелких этнических групп горного Дагестана вокруг аварского этнического массива.

В СССР исчезла национальная разобщенность, взаимоотношения всех народов Кавказа строятся на базе пролетарского интернационализма, братской дружбы и взаимопомощи.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

По представлению современной антропологической науки, коренное население Кавказа целиком относится к большой европеоидной расе, точнее к ее южной разновидности или ветви. Исключение составляют некоторые пришлые группы — русские, эстонцы, ногайцы.

Южная ветвь европеоидной расы, получившая название индосредиземноморской, распространена на территории от Индии до Атлантического океана и имеет в составе три больших подрасы — памирскую, средиземноморо-балканскую и переднеазиатскую. Рассмотрим последнюю из них.

Группа типов, объединяемая в кругу переднеазиатской подрасы, характеризуется сильным развитием третичного волосяного покрова, большим наклоном лба и некоторыми другими признаками, часто встречающимися у населения Закавказья и сопредельных стран. К типам переднеазиатского круга следует отнести в первую очередь выделенный М. Г. Абдушелишвили иберийский тип. Он преобладает среди грузинского населения восточной и южной части Грузинской ССР, среди армян, удин Азербайджана. Этот вариант переднеазиатского типа характеризуется изменениями основных показателей в сторону горно-кавказских групп. К этим же типам М. Г. Абдушелишвили относит колхский тип. Он доминирует среди западногрузинских групп — мегрелов, гурийцев, аджарцев, имеретин, рачинцев, а также некоторых групп абхазов. Характерные признаки людей этого типа — узкое лицо, светлые глаза, светлые волосы, толстые губы. По основным показателям колхский тип представляет собою переднеазиатский тип в измененном (в сторону понтийского типа) виде. Понтийский тип был в свое время выделен В. В. Бунаком из обширного ареала средиземноморско-балканской малой расы. Присутствие его элементов у населения Западной Грузии неоспоримо свидетельствует, что формирование западногрузинских, особенно причерноморских, групп проходило в тесном взаимодействии с понтийским типом, некогда распространенным у автохтонов Юго-Восточного Причерноморья. Да и формирование его скорее всего связано с этническими процессами неолитического времени, протекавшими в современной Абхазии и в Западной Грузии.

К наиболее «чистому» типу средиземноморско-балканской расы на Кавказе следует отнести адыгский тип. Он выделен также М. Г. Абдушелишвили и вполне идентичен понтийскому типу, выделенному В. В. Бунаком. Адыгский тип входит в состав аборигенных групп северо-западного Кавказа — кабардинцев, адыгов, абазин, черкесов, частично ингушей. К этому типу относятся ногайцы Адыго-Хабльского района КЧАО. Характерными признаками этого типа следует признать горизонтальное или приподнятое положение кончика носа, узкая глазная щель, наличие складки верхнего века, светлые глаза, средний продольный диаметр головы и низкий или ниже среднего показатель головы, слабое развитие бороды и светлая пигментация волос.

450636 Карачаево-Черк

Выше было отмечено, что некоторые признаки, характерные для понтийского типа, свойственны некоторым группам Западной Грузии — рачинцам, лечхумцам, а также абхазам. Это позволило некоторым антропологам (В. В. Бунаку, М. Г. Абдушелишвили) предположить, что адыгский тип формировался на базе понтийской малой расы и формирование это происходило в более южных областях, т. е. на Северном Кавказе, точнее, на территории Западного Закавказья. Отсюда делается вывод, что на формирование западногрузинских, особенно причерноморских групп, особое влияние оказал адыгский тип.

Третий тип — каспийский — преобладает среди азербайджанских и курдских групп. В его северную периферию входят также некоторые группы дагестанцев, прежде всего, кумыков. Этот тип характеризуется темной пигментацией волос и глаз, низким головным указателем, с особенно малым поперечником головы, малой скуловой и наименьшей шириной лба, средним или выше среднего выступанием скул, ниже среднего поперечным профилем носа. Кавказские каспийцы населяют северную периферию единого массива — всего Прикаспия и смежных с ним территорий Передней Азии.

Последний тип — кавкасионский. Термин этот предложен грузинскими исследователями и, по мнению Г. Ф. Дебеца, представляет «самый кавказский из кавказских типов». Он распространен среди всех горных групп современной Грузии — сванов, рачинцев, хевсур, пшавов, тушин; за пределами Грузии этот тип преобладает в горно-кавказских группах бацбийцев, кистин, андийцев, дидойцев, аварцев, лакцев, кумыков, крызов, чеченцев, осетин, балкарцев, отчасти карачаевцев. Характерные признаки этого типа — большая или средняя длина тела, широкий поперечный диаметр головы, широкое лицо, рост средний или даже выше среднего, светлые глаза, широкая нижняя челюсть, горизонтальный или опущенный кончик носа и т. д.

Вопрос о происхождении кавкасионского типа до сих пор вызывает дискуссии. В. П. Алексеев, например, допускает, что этот тип характеризуется некоторыми древними чертами, законсервировавшимися в условиях горной изоляции Кавказа. Другие исследователи (В. В. Бунак, М. Г. Абдушелишвили, А. Г. Гаджиев) считают, что палеоантропологические материалы как самой Грузии, так и всего Кавказа свидетельствуют о постепенном и закономерном увеличении ширины лица и поперечного диаметра головы. А так как кавкасионский тип преобладает во всех этнических и национальных группах, населяющих в настоящее время склоны Большого Кавказа, и совершенно изолирован от других групп и типов южных европеоидов, то можно согласиться с М. Г. Абдушелишвили, что он «является результатом внутреннего развития аборигенных типов Кавказа, населявших ранее более обширные равнинные территории Закавказья, а может быть и Северного Кавказа».

Мы выяснили, что к средиземноморо-балканской подрасе относятся группы населения Северо-Западного и, отчасти, Центрального Кав-

каза (его северных склонов). Это — варианты выделенного В. В. Бунаком понтийского типа. Понтийский тип на Кавказе представляет собою северную периферию обширного ареала, включающего Малую Азию, Балканы, Восточное Средиземноморье. Из этого В. В. Бунак делает вывод, что когда-то, возможно, в эпоху неолита, часть племен продвинулась из Малой Азии вдоль побережья Черного моря в нынешнюю Западную Грузию и далее — в современную Абхазию, Адыгею, на Северный Кавказ. Выдвигая эту гипотезу, В. В. Бунак опирался на палеоантропологические материалы как Малой Азии (Анатолии), так и Северо-Западного Кавказа.

Исследования лингвистов последних десятилетий подтвердили гипотезу В. В. Бунака. Лингвистам удалось сопоставить ряд элементов в современных языках абхазо-адыгской группы (в том числе и в убыхском, остатки которого сохранились в турецком Причерноморье) с некоторыми особенностями мертвых языков Малой Азии, а именно языком автохтонов Анатолии — хаттов. Это очень существенный аргумент в пользу гипотезы В. В. Бунака, если согласиться с тезисом антропологов, считающих, что распространение антропологических типов всегда сопровождалось распространением языка и культуры. Тут уместно напомнить, что и археологические данные свидетельствуют об исконных связях Северо-Западного Кавказа через Черноморское побережье с Малой Азией. Речь идет как о памятниках неолита, так и о древностях эпохи ранней бронзы, например, о прославленной майкопской культуре.

Само собою разумеется, что группы современного населения Западного Кавказа, относящиеся к понтийскому типу, далеко неоднородны в антропологическом отношении: понтийский тип на Кавказе исторически сложился в течение многих тысячелетий. М. Г. Абдушелишвили выделяет среди групп понтийского типа два варианта — адыгский и колхский. Если адыгский до сих пор сохраняет наиболее яркие признаки понтийского типа (об этом мы говорили выше), то колхский вариант включает признаки, характерные для населения Закавказья, — картвелов и армян. В связи с этим необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: колхский тип (как говорит его название) распространен среди западно-грузинских и отчасти абхазских групп населения Восточного Причерноморья. А на этой территории, судя по топонимическим реликтам, в глубокой древности звучала абхазо-адыгская речь. Если мы сравним данные топонимики с особенностями колхского типа, то обнаружим некую параллель между ними: реликтовые топонимы относятся к коренным языкам Западной Грузии, а именно абхазо-адыгским; в то же время, в основе колхского типа современного населения той же территории лежит реликтовый понтийский пласт, элементы которого привнесли картвельские племена, продвинувшись из Центрального Закавказья к берегам Черного моря.

Говоря о путях распространения понтийского типа, еще раз обратимся к особенностям рельефа Западного Кавказа и соседних с ним

территорий. Восточное Причерноморье, будучи отделено от Северного Кавказа массивом Главного Кавказского хребта — большим Кавказом, вместе с тем составляет одно целое с малоазийским прибрежьем Черного моря. От Закавказья Восточное Причерноморье отделено системой хребтов — Сурамским, Гурийским, Аджарским. Южное Причерноморье также отделено от Внутренней Анатолии мощным Понтийским хребтом, но в районе нынешнего Синопа Понтийские горы прорывает

Антропологические типы народов Кавказа
(карта автора)

р. Галис. Здесь пролегает древнейший путь, связующий Южное Причерноморье с Центральными частями Малой Азии. Так сама природа подсказала древнему человеку путь продвижения из пределов Малой Азии вдоль побережья Черного моря на Северный Кавказ.

Но был и другой путь — в обход Кавказского хребта, вдоль западного берега Каспийского моря. Как и первый, он связывал страны Передней Азии и Закавказья с Северным Кавказом, со степями Юго-Восточной Европы. Здесь, в восточных районах Кавказа, в нынешних Азербайджане и Дагестане, сложилась ситуация, аналогичная ситуации на Западном Кавказе.

Если на западе распространился понтийский тип, основной ареал которого находился за пределами Кавказа, в Восточном Средиземноморье господствующим типом был каспийский. Характеристику его мы привели выше. Здесь же следует отметить, что некоторые исследовате-

ли (например, В. В. Бунак) предлагают называть его западно-каспийским, и к этому есть все основания. Дело в том, что группы каспийского типа, представленные в пределах Восточного Кавказа, занимают лишь северо-западную часть обширного ареала распространения вариантов этого типа — в Северном Иране (эльбурский вариант), а также в прилегающих к Каспию районах Средней Азии. В пределах же самого Кавказа находится периферийная часть ареала. Варианты каспийского типа наиболее характерны для населения низменности Куры от Ганджи до Шемахи. В наиболее выраженной форме каспийский тип выступает на среднем Араксе и в Нахичевани. Несколькими вариантами каспийский тип представлен среди приморского населения Дагестана — у кумыков, некоторых групп даргинцев, лезгин, а также в Азербайджане среди тюркского населения.

Периферийное положение западнокаспийского типа на Кавказе находит объяснение в науках, смежных с антропологией, — в археологии, языкознании. Например, исследование памятников материальной культуры показало, что в глубокой древности Восточный Кавказ, включая нагорную его часть, входил в обширный ареал (заселенный древними земледельцами Иранского плоскогорья) южной части Средней Азии, Иранского Азербайджана. Таким образом, и здесь, в Прикаспии, Кавказ принадлежал к периферии культурного мира Закавказья и прилегающих к нему районов Передней Азии. Это подтверждается, к сожалению, скудными находками черепов из плоскостного и горного Дагестана, Восточного Закавказья и Северного Ирана. Но и то, что имеется в руках ученых, подтверждает тезис М. Г. Абдушелишвили, что формирование западнокаспийского типа безусловно увязывается с формированием восточнокаспийского типа, вместе с которым он образует единый каспийский тип большой индопамирской расы.

Последние исследования лингвистов в области дагестанского языкознания, а также изучение древних (ныне мертвых) языков Передней Азии свидетельствуют как будто бы о древних миграциях групп населения из районов озера Урмия и озера Ван на северо-восток, в пределы Кавказа. Речь идет об элементах хурритского языка, на диалектах которого говорило древнее население Армянского нагорья и некоторых районов, прилегающих к нему с юга и востока. Лингвисты обратили внимание, что эти элементы присутствуют в реконструируемых учеными моделях дагестано-нахского праязыка.

Выше была дана характеристика переднеазиатского типа; сейчас же заметим, что распространен этот тип не только в Закавказье, но и в Месопотамии, Сирии, Палестине и в Аравии, т. е. в смежных с Закавказьем районах Передней Азии. Следовательно, и здесь Кавказ предстает перед нами как северная периферия обширного ареала переднеазиатского типа индо-средиземноморской расы.

На Кавказе представлены по крайней мере четыре локальных типа переднеазиатской подрасы. Мы их перечислим в порядке, соответствующем степени выраженности признаков переднеазиатской ра-

сы: ассироидный, арменоидный (или, по В. В. Бурнаку, понто-загросский), иберийский и колхский. Колхский мы относим как к переднеазиатскому, так и к понтийскому варианту, поскольку это имеет непосредственное отношение к вопросам этнической истории северо-западного Кавказа.

Судьбы населения Центрального Закавказья коренным образом отличаются от судеб населения Западного и Восточного Кавказа. На западе и востоке развитие этноса связано с миграционными процессами, в результате которых установились генетические отношения аборигенов Причерноморья и Прикаспия с Югом. Другое дело в Закавказье, в ареале переднеазиатских вариантов. Палеоантропологический материал всего бронзового века свидетельствует о непрерывности населения того времени. Как отмечает М. Г. Абдушелишвили, все последующие серии антропологических данных с территории Грузии, вплоть до раннефеодального периода, связаны между собой тесным морфологическим сходством, которое в данном случае носит характер генетической преемственности. Некоторые изменения антропологического типа за весь период, конечно, имели место. Однако, как особо подчеркивает М. Г. Абдушелишвили, эти изменения носили постепенный характер, что, в свою очередь, свидетельствует о непрерывности населения и исключает возможность проникновения на территорию Грузии больших масс чуждых, неродственных, отличающихся от местных антропологических типов, групп.

Вот здесь-то и коренится основа споров вокруг так называемого кавкасионского типа. Некоторые аспекты мы рассмотрели выше. Сейчас стоит обратить внимание на генезис кавкасионского типа.

Дело в том, что палеоантропологические материалы не только самой Грузии, но и горных районов Кавказа (например, Гинчи в Дагестане и в равнинных местах Северного Кавказа, в его предгорьях, Нальчикский курган ранней бронзы) отмечают существование длинноголового типа, характерного для южных средиземноморцев. Если бы этот тип сохранился в течение последних тысячелетий и даже веков, грузины, например, должны были бы быть одной из самых узколицых групп во всем мире. Однако, уже средневековые серии XVI—XVIII вв., например, руставская и хевсурская, дают черепа с необычайно большим скуловым диаметром. Группы грузинских горцев, а также некоторых горцев Северного Кавказа — осетин, карачаевцев, балкарцев — представляют наиболее широколицых европеоидов в мире.

Есть несколько других гипотез об образовании антропологического типа горцев Кавказа, так называемого кавкасионского типа. Одни исследователи (В. П. Алексеев) считают, что кавкасионцы — потомки древнего европеоидного типа, массивного и широколицего, населявшего испокон веков склоны Кавказских гор. По мнению Алексеева, вековая изолированность горского населения способствовала сохранению широколицых и массивных форм, сказывающихся в наше время на представителях кавкасионского типа. Другие исследователи (М. Г. Аб-

душелишвили, А. Г. Гаджиев) резонно замечают, что объяснить широколицесть и брахикефалию на Кавказе сохранением в горных областях древних европеоидных элементов и дальнейшим распространением их в низменных районах невозможно: это просто не соответствует количественному соотношению населения горных и равнинных областей Кавказа (1 : 10). Вряд ли горы способствовали количественному росту широколицых брахикефалов: в древности (как мы уже говорили) узколицые долихокефалы доминировали в равнинах Кавказа в течение двух с лишним тысяч лет. Да и в горах узколицый тип в древности был широко распространен, о чем говорят серии горных могильников Дагестана. Как же объяснить происхождение кавкасионского типа?

Наблюдения, которые провели М. Г. Абдушелишвили, Г. Ф. Дебец и другие исследователи, позволяют присоединиться к вескому предположению, что явное преобладание широколицых брахикефалов в современном населении почти всего Кавказа (особенно в его горной части) находит объяснение в закономерном процессе эпохальной брахикефализации. Подавляющее число светлых волос и глаз у жителей горских групп Кавказа, характерное для кавкасионского типа, объясняется как повышенной солнечной радиацией в горах, так и большой изолированностью от внешнего мира. Дальнейшие исследования антропологов-кавказоведов покажут, какая из приведенных гипотез будет преобладающей.

II

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

ЗАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА

Самые ранние местонахождения памятников палеолита обнаружены в Армении и Южной Осетии. Они относятся к шелльскому времени. На Северном Кавказе первобытные люди появились не позже ашеля. Таким образом, Кавказ в целом был заселен человеком уже на донеандертальской стадии.

Естественной границей расселения первобытных людей через Кавказский перешеек была нынешняя Манычская впадина, так как в ледниковую эпоху здесь неоднократно образовывался широкий пролив; он соединял акватории древнего Каспия и Черного моря. Наибольшей ширины этот пролив достигал в межледниковые периоды, когда талые воды устремлялись по руслу Волги в Каспий и уровень моря поднимался на десятки метров, а Манычская впадина превращалась в глубокий и широкий канал, в непреодолимую преграду для первобытного человека. Однако и в периоды оледенений степное Предкавказье, как и все Волго-Донское междуречье, было малопривлекательным для охотников и рыболовов. Правда, уровень воды в Манычском проливе резко понижался, а подчас пролив вообще пересыхал, но зато здесь устанавливался арктический приледниковый климат и животные, а с ними и человек вынуждены были мигрировать на юг, ближе к предгорьям. Здесь во времена похолоданий люди искали убежище в гротах и пещерах, под скальными навесами. Следы таких стоянок ашельского и мустьерского времени обнаружены в окрестностях г. Орджоникидзе, в Дагестане и в предгорных районах Северо-Западного Кавказа. По-видимому, в то время человек не поднимался высоко в горы, и это понятно: снеговая линия периода оледенения спускалась весьма низко, порой до 500 м. Только в послеледниковое время, в эпоху позднего палеолита, человек начал осваивать горные районы Кавказа. Так, Манычская преграда обусловила предел миграции первобытного человека через Кавказский перешеек, а особенности рельефа Кавказской горной страны определили характер истории первобытности и ранних стадий развития человека на юге нашей страны.

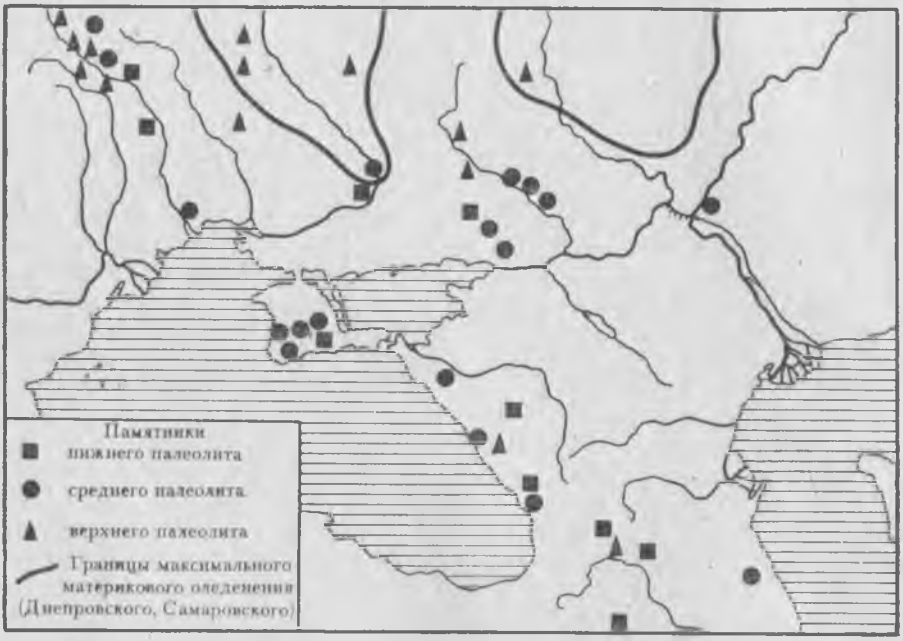
Нельзя, конечно, утверждать, что в суровые времена ледникового периода связи Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы полностью отсутствовали: какие-то группы неандертальцев преодолевали трудно-

доступные пространства нынешних Сальских и Придонских степей. Об этом можно судить, например, по особенностям каменного инвентаря Ильской стоянки мустье на нижней Кубани. Но это были единичные случаи. В целом же в эпоху палеолита жизнь первобытных людей Северного Кавказа была ориентирована на связи с югом, с Закавказьем. Здесь находились древнейшие на Кавказе стоянки шелльского и ашельского времени, сюда, двигаясь из пределов древнейшей зоны расселения на север, проникли первые группы первобытных людей. Для правильного осмысления закономерностей этнической истории Кавказа в целом и его северной части необходимо проследить пути, по которым первобытные люди проникали в Закавказье.

Древнейшие памятники первобытности — шелль и ашель обнаружены в Армении, южной Осетии и в Абхазии. Стоянки шелльской поры Армении, т. е. Малого Кавказа, несомненно связаны через Араратскую долину с одновременными древностями верхнего бассейна Тигра и Ефрата. Верховья этих рек расположены непосредственно вблизи верховий Куры и Аракса, это, по существу, единая горная система, своего рода узел, куда сходятся пути из Месопотамии и Закавказья. Эти древнейшие связи нашли свое отражение в особенностях каменной индустрии раннего палеолита: и на верхнем Евфрате, и в Армении, а затем и в южной Осетии каменные орудия шелльского и раннеашельского времени представлены массивными рубилами из кремня и обсидиана. Такие же рубила известны из Азербайджана и Дагестана. Видимо, традиция изготовления ручных рубил из цельного нуклеуса, кремневого или обсидианового, проложила себе путь из Северной Месопотамии через Малый Кавказ в бассейны Куры и Аракса. Дальше носители этой традиции обогнули южные отроги Большого Кавказского хребта и проникли в Дагестан и западный Прикаспий. Это был восточный путь из Передней Азии в сторону Кавказского перешейка.

Другой путь—западный—вел в Кавказское Причерноморье, в современную Абхазию. Этот путь прослеживается по распространению особого способа изготовления каменных орудий. Речь идет об орудиях из отщепов кремня. Такой прием характерен для абхазских древностей, а также для раннепалеолитической индустрии Малой Азии. Можно полагать поэтому, что древнейшие связи Западного Кавказа с Передней Азией осуществлялись именно через Восточную Анатолию. Малоазиатское плоскогорье, где были обнаружены целые мастерские по изготовлению каменных орудий из отщепов кремня, надежно защищено от южного побережья Черного моря труднодоступными хребтами Понтийских гор. Однако вблизи от мыса Синоп Понтийские горы прорывает мощный поток р. Галис или Кызыл-Ирмак. Эта река, основной бассейн которой обводняет Анатолийское плоскогорье, впадает в Черное море. Здесь, вдоль течения реки по глубокому ущелью проходил древний путь из пределов Малой Азии в Причерноморье. Этим путем первобытный человек мог проникнуть из западной части ойкумены вдоль побережья Черного моря в Абхазию и нынешнюю Западную Грузию.

Уже на заре человечества люди освоили два основных пути переселений из Передней Азии на Кавказ. Один путь, восточный, — через Малый Кавказ и Центральное Закавказье вел в сторону Каспия. Другой, западный, — через Малую Азию (Анатолию) к Черному морю. Оба они вели на Северный Кавказ в обход Главного хребта и его отрогов.



Археологические памятники эпохи палеолита

На Северном Кавказе известны памятники как палеолитической эпохи так и мезолита. Можно поэтому утверждать, что процесс развития древнего человека через неандертальскую стадию к неантропу протекал в пределах всего Кавказа, а не только Закавказья, как предполагали некоторые исследователи. Непрерывное развитие собственной каменной индустрии, обнаруженное на Северном Кавказе, начиная с раннего палеолита, важно для этногенетических исследований; последовательность развития материальной культуры отражает постоянство обитания человека на Кавказе. Это был первичный пласт древнего населения. Древние люди жили в недоступных дебрях ущелий и предгорий Северного Кавказа. Здесь их застали миграционные потоки последующих времен; они проникали сюда как в обход Главного Кавказ-

ского хребта, так и из степей Юго-Восточной Европы. Взаимодействие пришельцев с аборигенами и составляет содержание этнической истории на разных ее этапах.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Один из ранних этапов этнической истории Северного Кавказа связан с событиями позднего неолита (VII—V тыс. до н. э.). Известно, что во втором периоде неолитической эпохи экономика первобытного человека претерпевает так называемую «неолитическую революцию». От собирательства, охоты, рыболовства, т. е. от присваивающего хозяйства, люди переходят к хозяйству производящему. Появляются зачатки примитивного земледелия, происходит одомашнивание некоторых животных. Появляется прибавочный продукт; происходит переворот в первобытной технике. Люди научились шлифованию камня, изобрели гончарство. Каменные шлифованные топоры были необходимы для расчистки леса под пашню, а водонепроницаемая гончарная посуда использовалась для сохранения запасов продуктов животноводства — молока, масла.

Относительная обеспеченность продовольствием и даже его избыток позволяли прокормить большее число детей в семьях первобытного человека; семьи стали многолюдными, население увеличилось. Людям стало тесно на обжитых местах. Понадобились новые территории, посевные площади, пастбища, охотничьи и рыболовные угодья. Эти две основные отрасли присваивающего хозяйства первобытности не только не угасли в условиях производящей экономики, но приняли более интенсивный характер: люди научились изготовлять более совершенные орудия лова и охоты. Племена дробились, люди расходились в поисках новых мест для посевов, выпаса скота, охоты и рыболовства. Вот почему в позднем палеолите наблюдаются миграции населения, иногда — на большие расстояния.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Подобная ситуация возникла и в странах, соседних с Кавказом, где «неолитическая революция» произошла раньше. Речь идет о Передней Азии, в частности, об Анатолии, где люди раньше перешли к производящему хозяйству, где уже в неолите возникли обширные очаги древней земледельческой культуры. Так было в Двуречье, в Палестине, в Малой Азии.

Выше мы рассмотрели пути, которые издревле вели из стран Передней Азии на Кавказский перешеек, в частности, черноморский путь, который обеспечивал традиционные связи Западной Анатолии с Причерноморьем. Этим путем в свое время первобытный человек проник из пределов Малой Азии на Западный Кавказ, в Центральную часть Северного Кавказа. Через много тысячелетий, уже в эпоху неолита,

этим путем воспользовались группы земледельческого населения Анатолии в поисках новых мест обитания; они прошли вдоль побережья Черного моря и расселились на северо-западном Кавказе среди аборигенов, неолитического населения Западной Грузии, Абхазии, Адыгеи. Частичная миграция малоазийских земледельцев в сторону Западного Кавказа подтверждается как археологическими открытиями (А. А. Формозов), так и наблюдениями антропологов (В. В. Бунак, М. Г. Абдушелишвили). Именно в эпоху неолита проникли на Западный Кавказ некоторые специфические переднеазиатские орудия земледелия — каменные мотыжки, двусторонние обработанные пластины, пластины с выделенной головкой. В то же время среди населения Западного Кавказа, включая Прикубанье, распространяется понтийский антропологический тип, к которому принадлежало и население Малой Азии. Вероятно тогда же на Западном Кавказе создались условия формирования абхазо-адыгской языковой общности: в западнокавказских языках и ныне наблюдаются сходства и в лексике, и в грамматическом строе с ныне мертвым языком малоазийских аборигенов — хаттов. Пережитком былой языковой общности в пределах южного и восточного Причерноморья являются реликтовые топонимы Западной Грузии, Абхазии, Северо-Западного Кавказа.

Там, где сейчас обитают картвельские народы (западные грузины, мегрелы, лазы), реликтовые топонимы как бы просвечивают сквозь сплошной пласт картвельской топонимики и могут быть сопоставлены с топонимами абхазо-адыгского происхождения. Абхазские элементы прослеживаются и в самих языках мегрелов и лазов. Все это говорит о том, что в прошлом, скорее всего уже в эпоху неолита, весь Западный Кавказ, включая прилегающие к нему с юга районы Малой Азии, составляли единый этнокультурный регион. Здесь обитали родственные племена, здесь говорили на диалектах абхазо-адыгско-хаттской группы языков (И. М. Дьяконов), развивались общие традиции материальной культуры. Так, в глубокой древности началось формирование этнического пласта носителей культур эпохи ранней бронзы Западного Кавказа. Процесс был сложным: Манычская водная преграда давно перестала существовать, и степи Предкавказья стали продолжением степных пространств Юго-Восточной Европы.

Теперь уже естественные преграды не мешали осуществлению разного рода связей аборигенов Кавказа со степным населением Волго-Донского междуречья, с племенами — носителями ямной культуры. Отражение этих связей можно обнаружить в материальной культуре Агубековского поселения эпохи позднего неолита вблизи Нальчика, в погребениях нижнего горизонта Нальчикского могильника эпохи ранней бронзы, наконец, в памятниках этапа майкопской культуры. В то же время майкопские древности носят отпечаток влияния культуры восточного Причерноморья и Малой Азии вплоть до ее западной части — Троя-II (А. А. Формозов). Двуприродность майкопской культуры надо считать доказанной (Р. М. Мунчаев, А. А. Формозов).

Об исконных связях майкопцев с Закавказьем и Передней Азией свидетельствуют не только аналогии их материальной культуры с материальной культурой некоторых памятников Анатолии и Восточного Причерноморья, но и непосредственно памятники майкопской материальной культуры раннего периода, обнаруженные в Абхазии. Однако уже в конце III тыс. до н. э. южные связи майкопцев начинают ослабевать. По-видимому, это было следствием начавшегося распада праабхазо-адыгской этнической общности. Этот процесс нашел отражение не только в материальной, но и в духовной культуре: языковеды отмечают, что к этому же периоду следует отнести начало дивергенции праабхазского и праадыгского языков. С этого времени начинается их самостоятельное развитие. Какие причины могли вызвать распад абхазо-адыгской этнокультурной общности и дивергенцию абхазо-адыгско-хаттских диалектов? На этот счет у исследователей нет единого мнения.

А. А. Формозов, например, считает, что связи Северо-Западного Кавказа с Закавказьем и странами Передней Азии определялись необходимостью заимствования некоторых достижений в области культуры и техники в эпоху освоения навыков земледелия и животноводства, а также металлургии меди. Когда же эти важнейшие завоевания культуры были освоены племенами Северного Кавказа, стимул сношений с отдельными районами сам собою отпал. Можно, однако, предложить другую гипотезу. Впервые она была высказана В. И. Марковиным, который полагает, что, по крайней мере, одну из причин расселения майкопских племен на восток следует усматривать в проникновении в Причерноморье и предгорья Северо-Западного Кавказа племен — носителей дольменной культуры. Они могли потеснить майкопские племена. Это ближе к истине: позднемайкопских памятников нет в ареале дольменной культуры. Что же касается Новосвободненских курганов, относящихся ко второму этапу развития майкопской культуры, то наличие в них своеобразных дольменов может свидетельствовать о каком-то периоде сосуществования на Западном Кавказе майкопцев с носителями дольменной культуры.

Если принять версию В. И. Марковина (а среди других гипотез она наиболее аргументирована), придется согласиться с тем, что дольменные и майкопские памятники составляют особые ареалы и принадлежат племенам различного круга. Видимо, эта обособленность еще раз подтверждает, что уже тогда, в конце III тыс. до н. э., произошло разделение праабхазских и праадыгских племен, а также и их языков. Вот почему предположение некоторых исследователей (В. И. Марковина, Е. П. Алексеевой, Л. И. Лаврова), что носители дольменной культуры принадлежали к племенам — предкам абхазов и адыгов, вряд ли правомерно. Установилось мнение, что майкопцы — далекие предки именно адыгов; в то же время дольменная культура тяготеет к современной Абхазии и сопредельным районам Северо-Западного Кавказа. Видимо, поселение носителей дольменной культуры среди местных племен Западного Причерноморья оказало влияние на их самостоятельное

развитие и укрепило связи со Средиземноморьем; в то же время племена майкопской культуры в своем развитии стали ориентироваться на степи Предкавказья и на предгорья Северного Кавказа. Об этом мы можем судить по интенсивному обмену между пастушескими племенами древнеямной историко-культурной области и племенами Северного Кавказа. Вслед за обменом наблюдается и прямое продвижение как степняков в пределы Кавказа, так и кавказских аборигенов в степи Предкавказья и даже Нижнего Дона. Об этом можно судить по зооморфным стелам, из которых была сооружена Нальчикская гробница майкопского времени: здесь стелы нашли свое вторичное применение, раньше они, очевидно, служили надгробиями. Известно, что зооморфные стелы связаны обычно с древнеямными похоронными обрядами. О продвижении степняков в сторону кавказских предгорий можно судить и по смешанному характеру погребального обряда некоторых майкопских памятников Чечено-Ингушетии. С другой стороны, и какие-то группы майкопцев проникали в степи Подонья. Об этом говорят древности Левенцовского поселения в низовьях Дона: нижний слой насыщен керамикой майкопского облика.

Уже на раннем этапе развития майкопской культуры ее носители продвинулись далеко на восток. Продвижение это отмечено рядом памятников майкопского облика в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. В землях современной Чечни, по-видимому, майкопцы были остановлены встречным движением племен куро-аракского ареала: самый восточный памятник майкопской культуры — Луговое поселение — отражает как майкопские, так и куро-аракские этнокультурные связи. Продвижение майкопских племен вдоль северных предгорий Кавказа подтверждается исследованиями антропологов. О связях со степняками свидетельствуют особенности адыгского языка: исследователи-лингвисты обнаружили типологические параллелизмы ранней адыгской и общеиндоевропейской фонологических систем (Г. А. Климов). В связи с этим напомним, что среди степных племен Восточной Европы эпохи ранней бронзы (древнеямные племена) ученые видят далеких предков индоевропейцев[1]. И еще одно наблюдение — оно может в какой-то мере объяснить встречу в Чечне двух потоков: с запада и востока. С запада вдоль северных склонов Кавказа продвигались, как уже говорилось, майкопцы, далекие предки адыгов, с востока, через Дагестан — куро-араксцы, как

[1] Где прародина древних индоевропейцев, т. е. та первичная область, в которой они формировались еще в рамках этноязыковой общности — пока неизвестно, Я. А. Федоров в данной книге придерживается одной из гипотез, по которой предками индоевропейцев были неолитические племена Приазовья и Восточного Причерноморья. Некоторые современные исследователи считают Причерноморье лишь своеобразной «вторичной» прародиной индоевропейских языков (кельтских, германских, славянских, балтийских, иллирийских), хотя эти выводы нуждаются в дальнейшем лингвистическом обосновании. Без соответствующих памятников письменности трудно отождествлять какую-либо археологическую культуру с носителями индоевропейских языков.

увидим дальше, предки нахско-дагестанских народов. Может быть, этими давними контактами можно объяснить некоторые общие элементы в языках чеченском и адыгском?

Длительное взаимодействие майкопских племен с коренными жителями Северного Кавказа, потомками неолитического населения его предгорий, создателями ямной, потом катакомбной культур, послужило основой формирования новой этнокультурной общности, носителей так называемой северокавказской культуры. Ее расцвет относится к середине II тыс. до н. э. Исследователь этой культуры В. И. Марковин выделяет три ее варианта. Рассмотрим эти варианты, начиная с западного.

Западный вариант северокавказской культуры занимает степи Нижней Кубани, в предгорьях, с запада, граничит с ареалом дольменной культуры. Носители западного варианта северокавказской культуры подверглись сильному влиянию степных племен — носителей древнеямной, затем катакомбной культур. На позднем этапе развития северокавказской культуры ее западный вариант являл черты почти полного поглощения местного этноса пришлым. Можно предположить, что процесс, наблюдаемый археологами, отражал определенный этап этнической истории Северо-Западного Кавказа. Тут продолжал складываться этнический субстрат — основа адыгского этноса. Характерно, что именно на Северо-Западном Кавказе в наиболее ярко выраженном виде можно выделить понтийский антропологический тип. Он прослеживается на палеоантропологическом материале от современности до майкопского времени включительно. А это подтверждает генетическую связь современных адыгских народов с их далекими предками, носителями западного варианта северокавказской культуры, а через них — с майкопцами. Методом ретроспективного анализа мы можем проследить генетическую преемственность материальной культуры Северо-Западного Кавказа в течение бронзового века. Последний этап — ранний железный век — мы рассмотрим несколько позже, а сейчас обратимся к этнической истории Восточного Кавказа и Дагестана эпохи бронзы.

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ. ДАГЕСТАН

Выше мы говорили о куро-аракских племенах, которые проникли в нынешнюю Чечню через Дагестан, обогнув Кавказский хребет с востока. На этом пути они столкнулись с племенами майкопской культуры на рубеже III-го и II-го тыс. Мы рассказали о движении древнейших групп человека в область Кавказских гор и предгорий по западной их границе, по побережью Черного моря. Здесь уместно более подробно остановиться на втором основном пути заселения Кавказа из областей Передней Азии и Среднего Востока, который шел по побережью Каспийского моря. Этот путь расселения, подтверждаемый антропологическими и археологическими исследованиями, обнаружи-

вает древние и устойчивые генетические и культурные связи с областями, лежащими к югу от Кавказа, но уже с их более восточными регионами.

В эпоху неолита, в V—IV тыс. до н. э., в восточных областях Северного Кавказа, как и на остальных его территориях, происходит медленный, но неуклонный переход населения к производящим отраслям хозяйства — земледелию и скотоводству. В те далекие времена люди предпочитали селиться по берегам рек, в горных речных долинах, выбирая такие места, которые бы обеспечивали наилучшую защиту в случае вражеских нападений. Поселения были редкими и малочисленными. Процессы хозяйственного и политического развития местных племен протекали медленно, население жило в известной изоляции, поддерживая с внешним миром лишь периодические и слабые контакты. Резкие изменения вносит последующая эпоха энеолита и ранней бронзы.

Археология достаточно уверенно может доказать, что значительная часть технологических навыков, приемов обработки изделий человеческого труда и многие другие формы древних культур отличаются поразительной устойчивостью во времени, изменяются очень медленно и постепенно, переходя из одной формы в другую через ряд последовательных этапов. Например, когда мы сталкиваемся с тем, что в глиняном тесте сосудов значительна примесь дресвы, что орнаментирована керамика сквозными отверстиями по венчику, что следующим приемом орнаментации будет накладной валик с защипами по его окружности, если такие особенности прослеживаются не только в неолите, но сохраняются и на протяжении энеолита, и в течение всего бронзового века, то мы вправе сделать вывод, что эта устойчивость традиций, навыков в гончарстве говорит и об устойчивости местного населения, о том, что основная часть этого населения так и оставалась в пределах распространения данной археологической культуры, генетически однородной. Внешние связи не нарушали этой стабильной преемственности.

В этом отношении чрезвычайно характерны древности Гинчинского поселения, исследованного в Дагестане М. Г. Гаджиевым. Нижний слой относится к энеолиту, верхний — к ранней бронзе. Указанные выше гончарные приемы характерны для всей гинчинской керамики. Но ранняя керамика IV тыс. до н. э., наряду с местными особенностями, уже отражала связи с древними культурами Закавказья и Передней Азии. Речь идет об ангобировании и лощении поверхности, примесях соломы в глине. Известно, что эти приемы характерны для памятников того же времени Закавказья, района озера Урмия, для древностей Восточной Турции. Можно полагать, что появление в горном Дагестане новых приемов гончарства свидетельствует не столько о культурных связях, сколько о появлении расселения отдельных племен или групп из стран Передней Азии через Восточное Закавказье в обход Кавказского хребта. Скорее всего это были группы раннеземледельческого населения, проникшего в Дагестан. Кроме керамики, особое значение для нашего предположения имеют аналогии в отношении

конструкции и планировки жилищ Гинчинского поселения и поселений в районе озера Урмия. Необычно для Дагестана и вообще для Кавказа также и захоронение покойников в пределах поселка (даже под полом жилья). Но известно, что такая традиция характерна для раннеземледельческих культур Ближнего Востока.

Большое значение для наших умозаключений имеют данные антропологического материала из раскопок Гинчи и из соседних с ним археологических памятников горного Дагестана. Исследуя большие серии черепов, А. Г. Гаджиев пришел к выводу, что на всем протяжении меднобронзового века население Восточного Кавказа сохраняло свой исходный тип. Он был сходен по большинству показателей с типом населения того же времени Восточного Закавказья и прилегающих к нему районов Передней Азии. При этом наиболее древние черепа, относящиеся к эпохе энеолита, были особенно близки по всем параметрам черепам из одновременных памятников Северного Ирана, одного из районов древнейшего земледелия. Может быть, они-то и принадлежали переселенцам из Передней Азии? Видимо прав В. А. Алексеев, считая, что корни этногенеза народов Дагестана восходят как к местному автохтонному населению, так и к переселенцам из южных областей. Переселение могло идти по древним путям, проторенным первобытными людьми еще в эпоху палеолита. Позднейшее расселение в северном направлении могло быть связано с ростом населения в позднем неолите при его переходе к производящему хозяйству.

Второй поток переселенцев связан с расширением ареала куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы. Во второй половине III тыс. до н. э. элементы этой культуры прослеживаются уже в древностях Дагестана, а затем и в Чечне. Здесь и характерный орнамент куро-аракской керамики — концентрические круги, и круглые в плане жилища, появляющиеся в это время в Южном Дагестане и в горах — прототип таких жилищ мы находим в Закавказье, в ареале распространения ранних памятников куро-аракской культуры. В то же время дагестанская керамика «куро-аракского» облика сохраняет основные черты гончарной традиции местных мастеров. Опираясь на местные традиции, один из исследователей ранней бронзы Восточного Кавказа Р. М. Мунчаев допускает, что выходцы из Закавказья вступили в Дагестане в разносторонние связи с коренным населением, с далекими потомками гончаров энеолитической эпохи, изготовлявших местную грубую керамику. В эпоху ранней бронзы наблюдалось как реальное продвижение на север племен-носителей куро-аракcской культуры, так и последующее их смешение с аборигенами. Только так можно объяснить двуприродность материальной культуры Дагестана эпохи ранней бронзы и общность антропологического типа его населения с населением смежных районов Закавказья и Передней Азии. Можно допустить, что, вливаясь в массу аборигенов, куро-араксцы не только передавали им свои культурные достижения, но и заимствовали элементы культуры местного населения. Это относится и к языку.

При современном уровне изученности древностей Кавказа мы можем воспользоваться методом сопоставления ареалов материальной культуры, антропологического пласта и его этнолингвистического выражения.

Исконный район обитания предков куро-араксцев — Закавказье, точнее та его часть, где расположено Куро-Араксское междуречье. Этот район входит в ареал переднеазиатского антропологического типа. Можно полагать поэтому, что носители куро-араксской культуры эпохи ранней бронзы искони принадлежали к коренному антропологическому пласту, так же как и их предки — раннеземледельческие племена всего Закавказья и смежных районов Передней Азии. Это были узколицие долихокраны, относящиеся к восточной части средиземноморской расы.

Теперь посмотрим, как соотносится археолого-антропологический ареал с этнолингвистической ситуацией в Передней Азии в эпоху ранней бронзы (III тыс. до н. э.). На основании исследований эпиграфических памятников И. М. Дьяконов установил, что границы куро-араксской культуры в эпоху ее расцвета не выходят за пределы распространения хурритского языка. Этот язык, ныне мертвый, очень близок урартскому. На нем говорило древнейшее население верховьев Тигра и Евфрата, южного Закавказья и Приурмийского района Ирана. В связи с этим И. М. Дьяконов высказал мысль, что носители куро-араксской культуры были в то же время носителями хурритской речи. Ученые-лингвисты исходят из того, что распространение языка или его диалектов не означает вытеснения автохтонов пришельцами, носителями этого языка-победителя: в процессе соприкосновения народностей происходит внедрение иноязычных групп в чуждый языковый массив. При этом случается, что язык пришельцев воспринимается местным населением. Но может иметь место и обратный процесс. Язык же автохтонов, как правило, выступает в качестве субстрата. Примером может служить языковая ситуация, сложившаяся в связи с проникновением групп носителей куро-араксской культуры из Закавказья в нынешний Дагестан и в Чечню. При этом формирование северо-восточного варианта куро-араксской культуры происходило в процессе ассимиляции пришельцев местным населением.

В свое время И. М. Дьяконов осуществил реконструкцию общехурритского языка. Совершенно независимо от Дьяконова другой лингвист (Е. А. Бокарев) воспроизвел модель общедагестано-нахского праязыка. Сличение обеих моделей показало, что по некоторым показателям оба праязыка схожи. И. М. Дьяконов высказал мысль, что хурито-урартские языки, будучи родственны дагестано-нахским, составляли в глубокой древности единую восточнокавказскую общность. Теперь, когда данные археологии, антропологии и лингвистики совпали, можно заключить, что именно куро-араксцы, продвинувшись на Северо-Восточный Кавказ, в Дагестан и в Чечню, привнесли в местный языковый пласт элементы, которые определили характер общедагестано нахского праязыка. В процессе ассимиляции пришельцев произошел распад это-

го праязыка-основы, началось расхождение диалектов и формирование современных языков восточнокавказской группы — дагестанских и нахских[2].

Особые условия горного края сказались на дальнейших судьбах его населения в эпоху поздней бронзы. В конце I тыс. до н. э. обширные районы Дагестана и горной Чечни занимали племена — носители каякентско-хорочоевской культуры. Анализ древностей этой культуры позволил В. И. Марковину сделать вывод, что каякентско-хорочоевская культура связана с предшествующими эпохами. Это отражало преемственность этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа на протяжении многих тысячелетий. Сохраняя некоторую обособленность, впитывая разноэтничные элементы, племена Дагестана в горной Чечне развивались не в едином потоке, а в условиях длительной обособленности горного края в целом и отдельных групп — в долинах. Уже в эпоху поздней бронзы, как это явствует из анализа древностей каякентско-хорочоевской культуры, наметилось выделение племенных объединений, зачатков формирования современных народов Северо-Восточного Кавказа.

Сопоставляя характерные черты этнической истории Восточного и Западного Кавказа, мы не можем обойти вниманием одну очень важную закономерность: в то время, как приморская низменность с древнейших времен служила надежным путем свободного передвижения людей и связывала этнокультурный мир Закавказья с этнокультурным миром Юго-Восточной Европы, горные районы Кавказа играли роль известного аккумулятора иноэтнических элементов. И это понятно: труднодоступные ущелья, особенно Дагестана и горной Чечни, отсутствие оживленных путей сообщения, мощные горные потоки, — все это отнюдь не способствовало внутренней миграции населения, стимулировало его прочную оседлость. Не последнее место сыграла в этом необходимость затраты огромного труда на освоение земледельческих угодий, на их сохранение во время дождей и лавин. К этому надо добавить трудоемкость устройства террасированных и орошаемых систем. Это особенно выражено в Дагестане и на Центральном Кавказе.

Возвращаясь к вопросам этнической истории Восточного Кавказа, мы вправе отметить, что здесь в горах все способствовало изолирован-

---

[2] Это был один из узловых моментов этнической истории Дагестана и Северо-Восточного Кавказа. Те группы пришлого населения, которые оставили памятники куро-аракской культуры, неизбежно на новых землях вступали в различного рода контакты с местным населением; неизбежны были и брачные отношения. По-видимому, пришельцев было не так много, чтобы заметно и существенно изменить антропологический облик местного населения, да и общие их антропологические черты были близки к облику местного населения. Можно думать, что уже в ту эпоху в результате расселения по горным долинам сложились условия для известной изоляции этих групп, для консервации у них определенных антропологических признаков. Да и на языковые нормы изоляция отдельных групп должна была оказать свое влияние. Видимо, этим можно объяснить консервацию наиболее древних элементов систем дагестано-нахских языков именно в горных районах.

ному и консервативному развитию отдельных групп населения, языка, культуры. Даже в общественной жизни особые условия горного Дагестана сыграли свою роль. Можно думать, что они были одной из причин возникновения обычая эндогамии. Попадая в условия горных районов, немногочисленные группы пришельцев были вынуждены ассимилироваться под влиянием местного населения, гораздо лучше приспособленного к столь необычным условиям жизни. Пришлые группы, передав часть новых культурных навыков хозяевам горных долин, сами бесследно растворялись в их среде.

Преемственность, стабильность в населении Восточного Кавказа и особенно Дагестана сыграла немалую роль и в развитии этнических процессов этого региона. Внешние влияния, включения иноэтничных групп в эти процессы оказались минимальными.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ

Мы проследили, как на заре человеческой истории люди группами, скорее всего родовыми, обогнули Кавказский хребет с запада и востока и вышли в предгорья и на равнины Северного Кавказа. Движение это совершалось вдоль побережья Черного и Каспийского морей по путям, проложенным еще во времена глубокой древности. Так несколькими потоками оформился этнический пласт на Северо-Западном и на Северо-Восточном Кавказе, а также в его Центральной части. Первый этап завершился в эпоху ранней бронзы, в майкопское время. На протяжении всего II тыс. до н. э. развитие северокавказских племен шло по тому же пути взаимодействия со степняками, носителями сначала ямной, потом — катакомбной и срубной культур. Сохранились связи и с Закавказьем. Особенно интенсивны они были в эпоху поздней бронзы, когда в Центральной части Кавказа расцвела ни с чем не сравнимая по выразительности кобанская культура. Своими корнями кобанская культура уходила в глубь северокавказской бронзы, но носители ее уже стояли у порога эпохи раннего железа.

Для изучения этнической истории Центрального Кавказа придется обратиться не только к данным археологии; особое значение будут иметь исследования антропологов и лингвистов. Очень важно, например, наблюдение В. В. Бунака и М. Г. Абдушелишвили, свидетельствующие о многовековой антропологической стабильности населения Восточного Причерноморья и Северного Кавказа. Эта устойчивость сохраняется, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы и до средневековья. Отголоски ее могут быть обнаружены и в типе современного населения Северного Кавказа. Ареалы антропологических типов сложились еще в эпоху первых миграций, рассмотренных нами в предыдущих главах, и без существенных изменений сохранились до нашего времени. Речь идет, прежде всего, о понтийском антропологическом типе, к которому принадлежат адыгские народы и который в особых вариантах бытует и сейчас среди народов Восточного Причерноморья, а также выражен в антропологиче-

ских материалах средневековых памятников Центрального Кавказа — Северной Осетии и отчасти Чечено-Ингушетии.

Можно предположить, что в отдаленные времена в пределах Восточного Причерноморья и Центрального Кавказа обитали племена, генетически восходящие к общему этническому субстрату, носителю единой языковой системы и культуры. По всем данным это была языковая среда, включавшая ранние формы языков абхазо-адыгского круга, а также носителей кобанской культуры, племен Центрального Кавказа. Конечно, происхождение племен Северного Кавказа не было однозначным процессом: это мы наблюдали по материалам Западного и Восточного Кавказа. То же относится и к Центральной его части. Но ведь этническая неоднородность субстрата не означает неоднородности его происхождения. К тому же приводит нас и вариантность понтийского антропологического типа. И все же, можно привести множество доказательств, свидетельствующих о генетическом единстве этнического субстрата Восточного Причерноморья и Центрального Кавказа.

Об этом говорят и реликты абхазо-адыгской топонимики в нынешней Западной Грузии, в частности в районах, прилегающих к перевальным путям Западной Грузии — Центральному Кавказу, о том же свидетельствуют элементы абхазской речи в западногрузинских языках — мегрельском и занском. Вместе с понтийским типом в майкопское время праадыгские диалекты распространились вдоль предгорий Северного Кавказа на восток вплоть до Чечни. Возможно, именно тогда отложились в нахском праязыке, предке чеченского и ингушского, элементы адыгской речи, отмеченные С. М. Трубецким. Продвижение носителей понтийского типа прослеживается на археологических памятниках конца III — начала II тыс. до н. э. Это — памятники эпохи бронзы Карачаево-Черкессии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Здесь майкопцы встретились с племенами куро-араксской культуры. Об их продвижении мы уже говорили.

В кругу племен, в значительной степени впитавших культурные традиции носителей майкопской культуры, в эпоху развитой бронзы в предгорьях Северного Кавказа сформировалась, расцвела и угасла так называемая северокавказская культура эпохи средней бронзы (II тыс. до н. э.). Носители этой культуры, потомки майкопцев и аборигенов, постоянно находились в разнообразных взаимоотношениях со степняками. Но и с племенами Закавказья, прежде всего, Западного, северокавказцы не теряли связей. Ярким свидетельством этого служит выделенный В. И. Марковиным дигорский вариант северокавказской культуры. Носители этого варианта занимали горные районы нынешней Северной Осетии, прилегающие к самому надежному перевальному пути — Мамисонскому. Дигорские древности по своему облику очень близки древностям Сачхери, расположенного в верховьях р. Риони, и Рачи — в Западной Грузии.

Сходство материальной культуры Дигории и Рачи, разделенных Кавказским хребтом, — одна из проблем этнокультурной общности

Западного Кавказа и его Центральной части. Эта общность возникла, очевидно, во время расселения племен из Западного Кавказа в обход Кавказского хребта и сохранилась в течение всей эпохи бронзы. После заселения горной Осетии в докобанское время связи северокавказцев с их дальними родичами Западной Грузии восстановились через горные перевалы. В связи с этим особое значение приобретает вывод В. В. Бунака, что даже в средние века понтийский тип сохранялся в ущельях Дигории — в Северной Осетии. Здесь, как известно, в эпоху поздней бронзы обитали носители кобанской культуры.

Существенно, что и по ту сторону перевала, в Западном Закавказье, до нашего времени сохранился вариант понтийского типа, к которому относятся грузины Ашурского, Чиатурского и Сачхерского районов. Здесь в эпоху бронзы был один из важнейших центров металлургии. Здесь же в кобанское время (в конце II — начале I тыс. до н. э.) была в расцвете колхидская культура поздней бронзы, синхронная кобанской на Северном Кавказе. Да и по своим основным показателям колхидская культура была чрезвычайно близка кобанской. Так как в ареалах этих культур испокон веков бытовал понтийский антропологический тип в его вариантах, можно полагать, что и вышеназванные культуры были созданы генетически близкими племенами. Как мы знаем, это были предки абхазо-адыгских племен. Характерно, что в ныне заселенных картвелами районах Рачи сохранились, как и в Западной Грузии, топонимы, которые расшифровываются с помощью абхазского и адыгского языков. Да и западногрузинские языки сохранили элементы абхазо-адыгской лексики. Это говорит об исконном бытовании предков абхазо-адыгов на территории Западной Грузии и о связи древней абхазо-адыгской этнической среды с понтийским антропологическим типом и материальной культурой данного района Кавказа. Некоторые грузинские исследователи считают, что колхидская культура создана предками грузин-картвелов. Разберемся в этом вопросе.

Расцвет колхидской культуры падает на последние века II тыс. до н. э. Бытовала эта культура на Юго-Западном Кавказе и в первые века I тыс. до н. э. Однако предки современных западногрузинских народов (мегрелов, занов) в это время жили на своей прародине, в Центральном Закавказье. Лингвисты (Г. А. Климов, И. М. Дьяконов) установили, что выделение мегрельского языка из общекартвельского должно было начаться не ранее середины первой половины I тыс. до н. э. Причиной могли послужить, в первую очередь, уход группы картвельских племен со своей прародины и передвижение их в Колхиду и Понт, ранее занятых племенами абхазо-адыгской группы.

Так мы подошли к одному из коренных вопросов этнической истории Западного и Центрального Кавказа — к вопросу об этническом содержании понятия колхидская и кобанская культуры. Как мы убедились, сопоставление археологических, лингвистических и антропологических данных неизбежно приводит к заключению, что колхидская культура Юго-Западного Кавказа сложилась в среде носителей прото-

абхазской речи: к этому времени абхазский и адыгский праязыки уже разделились.

Теперь обратимся к Центральному району Северного Кавказа, расположенному по соседству с современной Западной Грузией в Дигории. К сожалению, нам неизвестен язык племен, обитавших в горах Северной Осетии во второй половине II тыс. до н. э., в пору бытования кобанской культуры. Теперь здесь говорят на осетинском языке, принадлежащем к восточно-иранской группе языков. Но в горах сохранились топонимы — реликты, не имеющие ничего общего с иранским языком. Больше того, ряд собственных названий осетинских племен — ир, туал, дигор также не имеет ничего общего с иранским языковым миром и, по мнению В. И. Абаева, представляют старые, доиранские этнические наименования. А так как, по мнению подавляющего большинства ученых-кавказоведов, осетинский народ формировался на коренном кавказском субстрате носителей кобанской культуры, то и самих кобанцев надо ввести в круг племен, генетически связанных с протоадыгами.

Как мы убедились, этническая история Центрального и Западного Кавказа на уровне поздней бронзы и раннего железа развивалась в едином потоке. Это нашло выражение в антропологической характеристике населения края. Даже теперь сохранилась антропологическая вариантность типа в пределах общих признаков понтийской малой расы. Таково же положение и в области языка: и на Западном Кавказе, и в прилегающих к нему районах Центрального нагорья Северного Кавказа говорят на языках абхазо-адыгской группы. Там же, где победили языки пришельцев, абхазские и адыгские реликты «просвечивают» как в самих языках-победителях, так и в местной топонимике. Мы проследили пути контактов, связей и, вероятно, миграций, осуществлявшихся по перевальным путям между нынешней Западной Грузией и Осетией. Это привело к удивительному сближению позднебронзовых культур — колхидской и кобанской. Еще удивительнее факты отражения этих связей через тысячелетия. О них говорят ученые-кавказоведы Ш. Д. Инал-ипа и В. И. Абаев, которые подчеркивают, что абхазо-осетинские сходства в области языка и культуры достаточны, чтобы говорить об общем этнокультурном субстрате.

Выше указывалось, что материальная культура также подтверждает глубокую древность общих генетических корней племен — носителей колхидской и кобанской культур. Надо только не забывать, что расщепление этих корней произошло задолго до колхидо-кобанской эпохи, по крайней мере в конце III тыс. до н. э. Тогда протоабхазский и протоадыгский языки и все образующие их диалекты начали свою самостоятельную жизнь, самостоятельное развитие. Поэтому наблюдаемую в наше время дивергенцию (степень расхождения языков абхазской и адыгской групп) нельзя сопоставлять со степенью расхождения языков их предков в эпоху бронзы: три тысячи лет тому назад, племена — носители колхидской и кобанской культур на Западном и Центральном Кавказе были разобщены в языковом отношении значи-

тельно меньше, чем теперь разобщены их потомки, народы Северного Кавказа и Восточного Причерноморья.

В те отдаленные времена межплеменные отношения, включая и связи по горным перевалам, были достаточно прочными. Вероятно прав один из исследователей бронзы Кавказа Б. В. Техов, который видит в необычном взлете металлургического искусства на исходе бронзового века выражение стойкости межплеменных связей и даже расширение их на базе обмена металлом и металлическими изделиями. Особое место играли в этом обмене племена современной Рачи-Сачхери. Здесь был один из главных центров древней металлургии Кавказа эпохи бронзы. Здесь же была основная магистраль, связывающая Западный и Центральный Кавказ — Мамисонский перевал.

В позднем палеолите из пределов Малой Азии по путям, проторенным первобытным человеком, вдоль восточного побережья Черного моря продвинулись земледельческие племена. Пришельцы расселились не только в Восточном Причерноморье, но и проникли на Северо-Западный Кавказ. Это были далекие предки современных абхазов и адыгов. Тогда они еще не размежевались и, по определению И. М. Дьяконова, составляли протоабхазо-адыго-хаттскую языковую общность. Лишь в III тыс. до н. э. в силу ряда причин начался распад этой общности, и с тех пор развитие абхазского и адыгского языков (со всеми их диалектами) пошло разными путями.

Как в Причерноморье, так и на Северо-Западном Кавказе пришельцы расселились среди древнего местного населения, потомков носителей палеолитических культур края. Время шло, и пришельцы постепенно растворились в коренной этнической среде. Так образовался этнический субстрат — подоснова формирования абхазов и адыгов. Пришлые земледельческие племена стояли на более высокой ступени развития; вот почему язык пришельцев лег в основу местных диалектов: в Причерноморье — праабхазских, на Северо-Западном Кавказе — праадыгских. В эпоху ранней бронзы носителями праабхазского языка были племена так называемой Очамчирской культуры, носителями праадыгского языка — племена майкопской культуры.

В конце III тыс. до н. э. в ареале праабхазских племен, в Восточном Причерноморье и в прилегающих к нему горных районах Северо-Западного Кавказа распространился обычай захоронения в дольменах. Один из исследователей дольменной культуры В. И. Марковин полагает, что дольмены были занесены на Западный Кавказ из стран Средиземноморья скорее всего морским путем. Вряд ли была занесена лишь сама идея дольменного строительства: скорее всего, навыки устройства дольменов были занесены в нынешнюю Абхазию и сопредельные горные районы Северного Кавказа самими строителями мегалитических погребальных сооружений. Это были очень активные племена; они внедрились в праабхазскую среду местного населения и освоили горные районы по обе стороны Кавказского хребта. В. И. Марковин считает, что именно дольменщики потеснили майкопские племе-

на из верховьев левых притоков Кубани — Белой, Лабы, Пшиш. Начинается особенно интенсивное продвижение на восток майкопских племен, а майкопская культура распространяется вдоль кавказских предгорий вплоть до современной Чечни. По-видимому, внедрение носителей дольменной культуры в пределы Северо-Западного Кавказа послужило одной из причин затухания связей «майкопцев» с Закавказьем, их ориентации на степи Прикубанья и Подонья, окончательного расхождения протоабхазского и протоадыгского языков.

Майкопские племена раздвигают границы распространения не только понтийского антропологического типа, но и диалектов, а также особенностей своей культуры. Так возникает так называемая северокавказская культура эпохи средней бронзы II тыс. до н. э. Она носит в себе все признаки интенсивных связей коренных племен с пришлыми майкопскими, с племенами степей Предкавказья — носителями древнеямной и катакомбной культур.

Исследователи выделяют в северокавказской культуре западный и центральный вариант. По-видимому, уже тогда население Северного Кавказа было неоднородным как в языковом, так и в этнографическом отношении. Племена Прикубанья, носители западного варианта северокавказской культуры, подверглись наибольшему влиянию степных катакомбных племен. Здесь определился субстрат — подоснова адыгского этноса. Племена, носители центрального варианта северокавказской культуры, обитали в верховьях Терека и Кубани, отчасти в прилегающих предгорьях и равнинах. Ядро этих племен занимало труднодоступные горные районы северных склонов Кавказского хребта. Они меньше подвергались влиянию степняков. Племена Центральной части Северного Кавказа установили интенсивные связи с населением Западного Закавказья — нынешней Рачи и Сачхери, где в те времена обитали их близкие сородичи — праабхазские племена. Этнические и культурные связи отразились на необычайной близости культур поздней бронзы Центрального Кавказа и нынешней Грузии — кобанской и колхидской. Этому способствовали не только этническое сходство их носителей, но и общий очаг металлургии, который, по мнению Б. В. Техова, был расположен в верховьях р. Риони близ Мамисонского перевала — главного пути, по которому осуществлялась связь Центрального Кавказа с Западным Закавказьем. Племена кобанской культуры стали основой формирования северокавказских народностей — осетин, карачаевцев, балкарцев.

Другими путями шло развитие этнической истории Восточного Кавказа. Здесь все связи были ориентированы на юг, в страны Закавказья и Передней Азии. Уже в позднем неолите в горы Дагестана проникли племена из раннеземледельческих районов Передней Азии. При их участии на Восточном Кавказе оформился этнический пласт — подоснова дальнейшего развития этнической истории Дагестана и горной Чечни в эпоху ранней бронзы. Связи с Закавказьем нашли отражение как в антропологическом типе населения эпохи бронзы, так и

в материальной культуре Восточного Кавказа. Решающее значение имели эти связи и в развитии языков дагестано-нахской группы. Некоторые языковеды (Е. А. Бокарев, И. М. Дьяконов) полагают, что языки народов Дагестана и Чечни на первоначальном этапе были очень близки языку и диалектам хурритов. Ареалы хурритского языка почти полностью совпадают с ареалом куро-араксской культуры. Эта культура на позднем этапе распространилась вдоль Каспийского побережья и через перевалы на Восточном Кавказе. Р. М. Мунчаев считает, что это было результатом продвижения в Дагестан и Чечню групп носителей этой культуры эпохи ранней бронзы. Так, на заре бронзового века при взаимодействии племен—носителей куро-араксской культуры с племенами аборигенами на Восточном Кавказе образовался новый субстрат — подоснова формирования современных народов Дагестана и Чечено-Ингушетии. Уже в эпоху поздней бронзы на этой подоснове расцвела каякентско-хорочоевская культура. Носители ее были прямыми предками нынешних дагестанцев, чеченцев и ингушей. Их коренные связи с Восточным Закавказьем сохранялись на всем протяжении бронзового века, а сам Дагестан оставался северной периферией обширного района Передней Азии.

Таким образом, через всю историю Северного Кавказа прослеживаются прочные связи его населения с Закавказьем и с более отдаленными областями Передней Азии и Среднего Востока. Несколько позже становятся все ощутимее взаимоотношения населения Северного Кавказа, особенно его северо-запада, со степным миром Юго-Восточной Европы. Так складывались условия в эпоху бронзы для дальнейшего развития народов Северного Кавказа в железном веке, о чем пойдет речь в следующих главах.

ГОРЫ И СТЕПЬ

В конце II тыс. до н. э. население Северного Кавказа подверглось сильнейшему воздействию своих северных соседей, племен, населявших степи Юго-Восточной Европы. Здесь археология знает целый ряд культур (древнеямную, катакомбную, позднее срубную), которые в целом отражают не столько этно-культурное единство их создателей, сколько становление и развитие нового уклада жизни. Наряду с мотыжным земледелием и старыми, традиционными занятиями (охотой, рыболовством, собирательством), все большее значение приобретает скотоводство.

Этническая принадлежность этих племен не определена точно, но большая часть исследователей склонна видеть в этих племенах (или среди этих племен) древних индоевропейцев, в частности их ираноязычную ветвь. Об этом свидетельствуют не только памятники материальной культуры, не только данные антропологии и топонимики. И северокавказские языки обнаруживают несомненные следы контактов древних адыгских диалектов с индоевропейцами. Это было просле-

жено в работах языковедов Г. А. Климова, Н. С. Трубецкого, К. Д. Дондуа.

Уже на рубеже второй половины II тыс. до н. э. продвижение с запада на юго-восток племен срубной археологической культуры, в которых видят древних иранцев по языку, заставило их соседей (племена катакомбной культуры) в свою очередь постепенно переселиться с нижнего Дона в Прикубанье. Здесь пришельцы столкнулись с местным, коренным населением, потомками майкопцев, создателями местного варианта общей северокавказской культуры. Несмотря на мощное воздействие пришлых катакомбных племен в Прикубанье, традиции местного населения не исчезли: их сохранили местные племена, пережившие нашествие иноплеменников. Влияние степняков на аборигенов сильнее сказалось на Нижней Кубани и на равнинах Предкавказья. Чем глубже в горы, тем это влияние становилось менее ощутимым. Так, в эпоху поздней бронзы, в последних веках II тыс. до н. э. на Северном Кавказе наметились две линии этнического развития: первую представляет смешанное население с преобладанием степных элементов, другую — уцелевшие в горных районах группы коренных кавказцев. Смешанное население оставило нам памятники так называемой прикубанской культуры, горцы — памятники западного и центрального вариантов кобанской культуры.

Там, где был расположен ареал прикубанской культуры эпохи поздней бронзы в начале I тыс. до н. э., мы застаем племена синдов и меотов. Меоты — прямые потомки уцелевшего местного населения. Кто же такие синды? Некоторые исследователи объединяют тех и других в одну группу — синдо-меотов (Н. В. Анфимов). Однако в свете последних исследований языковедов (например, О. Н. Трубачева) реликты синдского языка сохранили элементы, свидетельствующие, что именно синды были носителями древнеиндийской речи[3]. Об этом говорят данные топонимики, ономастики и других лингвистических памятников Северо-Западного Кавказа.

Переходная эпоха от бронзы к раннему железу ознаменовалась на Северном Кавказе смешением носителей прикубанского варианта северокавказской группы с пришлыми степняками. Существенную роль северокавказских аборигенов подтверждают данные археологии, языкознания, этнографии и антропологии. В это время завершилось смешение степных племен с местной этнической средой. В результате произошло затухание катакомбной культуры в Предкавказье, где она просуществовала до самой предскифской поры. Надо подчеркнуть, что почти всюду коренное кавказское население не только ассимилировало пришельцев-степняков, но и сохранило ведущие позиции в формировании местной культуры. В Прикубанье сохранился исконный антропологический тип [illegible] комплекс, [illegible] развитый культурно-исторический [illegible] своим внутренним законам [illegible] предков [illegible]

[3] Каким образом попала сюда группа именно индоязычного населения пока неясно, хотя существует [illegible].

развивался язык. Тогда, в преддверии эпохи раннего железа, на Северо-Западном Кавказе сложилась этнокультурная общность, на которой позже возник мир непосредственных предков адыгских народов.

В Приэльбрусье и на Центральном Кавказе, в горных районах этническая история развивалась более спокойно. Редкие пришельцы из степей Предкавказья полностью растворялись в среде аборигенов. Об этом мы можем судить как по памятникам материальной культуры рубежа и первых веков I тыс. до н. э., так и по антропологической характеристике населения той эпохи. Понтийский тип сохранялся в горах Центрального Кавказа вплоть до средневековья. Носителями древних традиций были здесь племена — носители кобанской культуры, далекие предки осетин, карачаевцев, балкарцев. Также равномерно текла жизнь народностей Дагестана. Лишь в приморье можно проследить влияние соседей как с севера, так и с юга. В горных районах только связи с Закавказьем сохраняют характер глубокой традиции. Впрочем эти связи очень мало влияли на ход развития этнической истории: они ограничивались почти исключительно областью материальной культуры.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Уже в эпоху поздней бронзы люди начали осваивать металлургию железа. Новый металл требовал при выплавке бо́льшего труда и сноровки, а поэтому на первых порах ценился дороже бронзы. И в Прикубанье, и в Приэльбрусье, и в Дагестане местные племена кобанской и каякентско-хорочоевской культуры вначале применяли железо только для орнаментации бронзовых изделий. Особенного искусства достигли местные мастера в инкрустации железом бронзовых поясных пряжек и кобанских боевых топоров. И лишь позднее железо стали употреблять для изготовления оружия; причем новый металл быстро вытеснил бронзу и завоевал господствующее положение в металлургии. На Кавказе наступила новая эпоха — ранний железный век.

В Юго-Восточной Европе начало раннежелезного века совпало с образованием Скифского государства. Скифы, как и их предшественники киммерийцы, были прямыми наследниками племен срубной культуры и принадлежали к иранскому миру. В скифскую эпоху политическое господство скотоводческих племен установилось как в Причерноморье, так и в соседних с ним степных пространствах Нижнего Подонья и Предкавказья. Было бы неправильно, однако, представлять иранизацию языков Северного Кавказа упрощенно. Полевые исследования археологов-кавказоведов показали, что культурные слои поселений первой половины I тыс. до н. э., содержащие скифские элементы, связаны с более ранними элементами тех же поселений. Очень важно, что поселения Северного Кавказа, даже его степной части, относящие-

ся к скифскому времени, представляли собой неукрепленные поселки. Здесь жили земледельцы-скотоводы, продолжавшие традиции своих предков, находившихся в условиях сравнительной безопасности.

И все же можно говорить об иранизации северокавказских племен, даже предгорных. На первых порах появились степные «скифоидные» элементы в материальной культуре этих племен. Пусть пребывание собственно скифов на Северном Кавказе было периодическим и кратковременным; скифские полчища проходили северокавказскими степями во время своих походов в Закавказье и в Переднюю Азию. Примечательно, что основные их силы так же, как это делали люди в глубочайшей древности, огибали Кавказский хребет вдоль берегов Каспия и Черного моря. Но если встарь это движение шло с юга на север, то теперь оно имело направление с севера на юг. Эти походы нашли яркое отражение в культуре местных племен. На Северном Кавказе известно большое количество памятников, содержащих предметы, типичные для культуры причерноморских степей скифского времени, особенно много предметов вооружения. Их заимствовали аборигены у скифов, и не случайно: именно скифы располагали совершенными по тем временам средствами войны. Но и в мирной жизни скифское влияние нашло свое отражение. Каково было взаимовлияние иранского мира и кавказских аборигенов, мы рассмотрим применительно к отдельным регионам.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Для характеристики эпохи можно привлечь не только археологические данные, но и свидетельства древних авторов. Впервые на Северном Кавказе мы получаем сведения о реальных народах и племенах, их названиях и местах расселения.

Исследуя греческие эпиграфические памятники Северного Причерноморья, Крыма и, что особенно важно, Таманского полуострова и прилегающих к нему районов Прикубанья, известный иранист В. Ф. Миллер пришел к следующему заключению: больше половины упоминаемых в эпиграфических памятниках личных имен принадлежат скифам. Эти имена местного происхождения. Однако анализ показал, что и имена, и топонимические названия Восточного Причерноморья принадлежат к одному из древних диалектов адыгского языка (И. А. Джавахишвили). К таким названиям надо причислить и этнонимы племен, известных обычно в составе меотов. Места обитания этих племен во времена I тыс. до н. э. подтверждают археологические памятники поздней бронзы, которые относятся к майкопским древностям. Если же мы вспомним, что в Нижнем Прикубанье, как и на всем Северо-Западном Кавказе, прослеживается генетическая связь в материальной культуре от майкопского времени до периода расселения предков адыгов, можно утверждать, что меоты — далекие потомки майкопцев и предки современных адыгов. Этот вывод подтверждают

и материалы антропологии. Так сходятся показания археологов, лингвистов и антропологов.

Выше мы упомянули синдов, живших в приморской полосе от Тамани и почти до нынешнего Новороссийска. Как полагают некоторые лингвисты, синды — осколок праиндийских племен, мигрировавших в конце II тыс. до н. э. через Кавказский перешеек в южную Азию. В раннем железном веке синдские и меотские племена обитали в Нижнем Прикубанье. Характерно, что античные авторы обычно не смешивают и не сопоставляют эти этнонимы. Противопоставляет синдов меотам и народная память адыгов. В сказаниях о нартском богатыре Бадыноко рассказывается, как «пришло войско чинтов с нартами воевать и остановилось у границы их края. Лазутчик чинтов, посланный к нартам, принес своим весть, что в крае нартов находится Бадыноко... Бадыноко оседлал коня и вступил в бой с чинтами... Еще не занялась вечерняя заря, как Бадыноко победил войско чинтов». В этом отрывке слышится отзвук реальных событий далекого времени, когда предки адыгов — меоты воевали со своими угнетателями синдами. Археологические материалы характеризуют меотов как мирных земледельцев; синды же, будучи более тесно связаны с эллинским миром, опережали меотов в общественном развитии: они образовали рабовладельческое государство, одно из древнейших на территории нашей страны.

Синдское царство, так же, как и все Прикубанье, входило в сферу влияния Боспорского государства. И синды, и меоты составляли основное население азиатской части Боспора. При этом местная этническая струя нашла отражение даже в социальной, военной и политической жизни Боспорской державы. При этом, если в Крыму, на Керченском полуострове, где была расположена столица Боспора — Пантикапей, особо чувствуется влияние скифов и их культуры, то на Таманском полуострове и на Кубани преобладали местные племена со своей собственной культурой, уходящей корнями в культуру эпохи бронзы. Здесь, в пределах Северо-Западного Кавказа, в Прикубанье находился, очевидно, очаг формирования собственно адыгских племен. Процесс этот протекал под знаком взаимовлияния аборигенов с иранским миром, причем аборигены даже в самые тяжелые времена сохранили свою самобытность, свой язык, свой антропологический тип.

Действительно тяжелые времена настали, когда скифское государство на юге нашей страны сменилось господством сарматских племен. Уже ко II в. до н. э., племенные союзы сарматов — языки, сираки, аорсы — утвердились на всей территории былого господства скифов. На западе, вплоть до Дуная, расселились языги, между Днепром и Доном — роксоланы, в степях от Дона до Каспия — аорсы, а в Прикубанье и до Кавказского хребта — сираки.

Археологические памятники сарматского времени Прикубанья свидетельствуют о массовом проникновении сираков в местную этническую среду синдов и меотов. Однако вторжение сарматских элементов в Прикубанье не привело к смене населения, несмотря на явную

«сарматизацию» материальной культуры меотов, они сохранили исконный антропологический тип — понтийский; сохранили они, по-видимому, и свой язык. О языке мы можем строить только логические выводы: принимая вместе с большинством исследователей гипотезу, что меоты были непосредственными предками адыгов, придется развить эту гипотезу в сторону языка: больше некому было на стороне сохранять адыгский язык.

Народы Кавказа и сопредельных областей по сведениям античных авторов

В этой связи интересно привести одно историческое предание, передаваемое известным просветителем адыгов Шорой Бекмурзиным Ногмовым. Он писал: еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии (кабардинцев. — *Я. Ф.*) вели свой род от сарматов и потому носят название «шармат». Адыги сохранили предание, что частичное слияние сарматов с исконно кавказской средой не нарушило на Северо-Западном Кавказе генетических связей местного населения сарматского времени с далекими аборигенами. Даже в первые века н. э., в эпоху римской экспансии на Кавказ, эпоху их войн с Боспорским царством, Митридатом, местные племена Прикубанья продолжали тво-

рить свою собственную историю, сумели сохранить и развить особенности древней самобытной культуры и языка. Это подтверждает то обстоятельство, что истоки культуры и этнической общности местного населения Северо-Западного Кавказа прослеживаются в недрах ярких культур переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу, прежде всего, кобанской. Вторжение гуннов в IV в. н. э. нарушило установившийся ход этнической истории Северо-Западного Кавказа.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ

По-другому сложилась судьба местных племен в Центральной части Северного Кавказа — в Приэльбрусье и в верхнем течении Терека. Начиная с рубежа II и I тыс. до н. э. здесь жили племена — носители кобанской культуры. Это было коренное кавказское население, жившее в горных районах Центрального Кавказа еще на заре бронзового века. Вплоть до средневековья они сохранили свой исконный антропологический тип — понтийский и, вероятно, свой язык. В эпоху раннего железа в горы стали проникать отдельные группы ираноязычных сарматов. Они селились среди аборигенов и постепенно сливались с ними.

Уже с VIII в. н. э. проникновение северных степных элементов в высокогорные районы Центрального Кавказа принимает более активный характер. Через перевалы Главного Кавказского хребта просачиваются большие группы скифов. Скифы вряд ли оседали в горах. Это сделали позднее сарматские племена аорсов, а за ними аланов.

Если на Северо-Западном Кавказе, в Прикубанье местные племена меотов сохранили свой язык и своеобразие, то проникновение ираноязычных элементов в горы Центрального Кавказа положило начало языковой ассимиляции части древних племен — кобанцев. Может быть меоты держались своего языка, так как все их взаимоотношения с нахлынувшими ордами кочевников-сарматов носили в основном враждебный характер. В то же время проникавшие в горы отдельные группы степного населения воспринимались на первых порах как «гости». Сначала наступило двуязычье, потом на языке аборигенов стали говорить члены локальных этнических групп. Это не значит, однако, что в горах Центрального Кавказа произошла смена населения: кобанцы и их потомки сохраняли свой антропологический тип — узколицый и длинноголовый. Примесь степного брахикранного элемента так и остается примесью. Характерно также, что в горных районах внешней Северной Осетии прочно сохранялся ритуал погребального обряда: в эпоху раннего железа и даже позже здесь прочно бытовал обычай захоронения в каменных ящиках — типично кобанском погребальном сооружении. То же самое можно сказать о самой материальной культуре, оружии, украшениях. Кобанская зооморфная орнаментика сохранилась до наших дней в ковроткачестве осетин, чеченцев и ингушей.

Можно, следовательно, утверждать, что в горах Центрального

Кавказа, несмотря на распространение иранской речи, сохранился глубокий местный кавказский субстрат, который, способствуя консервации материальной культуры, отразился на языке пришлых степняков: дигорский диалект осетинского языка сохранил много местных языковых элементов. То же можно сказать и о топонимике горного Кавказа[4].

Однако «сарматизация» культуры и в какой-то мере населения Центрального Кавказа наиболее ярко отразилась на памятниках предгорных районов. В горы сарматы — аорсы и аланы — проникли значительно позже, после гуннского погрома. Нет сомнения, однако, что связи населения предгорных районов Кавказа с горцами на всем протяжении эпохи раннего железа не прерывались. Они обогатили культуру местных племен и создали условия для формирования современных народов Северного Кавказа: осетин, карачаевцев, балкарцев.

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ

Итак, ираноязычные скотоводческие племена заняли господствующее положение почти во всех предгорьях Северного Кавказа. Больше того, эти группы населения играли большую роль в этнической истории края в течение всего периода раннего железа. Другая ситуация сложилась на Восточном Кавказе. Здесь, и особенно в Дагестане, ираноязычные племена не изменили ни этнический состав, ни антропологический тип, ни язык аборигенного населения. Как и в Прикубанье, появление в степях этих соседей не оказало решающего влияния на языковое развитие предков современных народов Восточного Кавказа — чеченцев, ингушей, народов Дагестана. Это не значит,

---

[4] Говоря о взаимоотношениях степных скотоводов с населением горных долин Кавказа, Я. А. Федоров акцентирует внимание на непосредственных контактах — переселениях отдельных групп, процессах ассимиляции и т. п. Следует иметь в виду, что с появлением и развитием производящих отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, с развитием металлургии и других видов ремесленной деятельности между населением различных областей все больше и больше развивается обмен, первичные формы торговли. Явно различная ориентация степных скотоводов и горных земледельцев привела к развитию между ними достаточно оживленного обмена продуктами их деятельности. А вслед за этим стали формироваться и стабильные институты гостеприимства «чужестранцев» (куначество), стремление закрепить дружбу брачными связями и т. д. Такие отношения оказывали едва ли не большие влияния на этнические процессы в предгорьях Северного Кавказа, чем прямые «вторжения» иноплеменников. Более того, когда менялась политическая обстановка в степной, равнинной зоне (а это происходило не так уж и редко), скотоводы, имевшие раньше связи с населением горных долин, естественно, искали защиту у своих родственников, свойственников, кунаков, что облегчало им не только переселение в горы, но и оседание, укоренение на новых местах. Конечно, часть их возвращалась на прежнее место жительства и к прежним занятиям. Но какая-то группа оседала и в мирных условиях легче усваивала культурные, языковые и другие достижения. Такие процессы в обычное время шли медленно и существенно не изменяли общий состав населения ни в степях, ни в предгорьях и горных долинах. Но в периоды крупных политических конфликтов они приводили к значительным и заметным преобразованиям этнической карты Северного Кавказа.

однако, что скотоводческие группы вообще не проникали в пределы Восточного Кавказа и не оказали на его население никакого влияния. В последние годы археологические работы в Дагестане обнаружили, что в местной материальной культуре прослеживаются значительные сармато-аланские элементы. Отдельные могильники Северо-Восточного Кавказа (Таркинский, Карабудахкентский, Чир-Юртовский) свидетельствуют, что сарматы проникали в пределы Дагестана. На этих памятниках прослеживается даже проникновение сарматского погребального обряда, а в Чир-Юрте (он расположен при выходе реки Сулак на плоскогорье) обнаружен могильник явно аланского облика. Однако, все эти памятники расположены в предгорьях или в приморской полосе Дагестана. По мере продвижеиня в глубь горного Дагестана в местных памятниках эпохи раннего железа становится меньше сарматских элементов. В горах же сарматское влияние не прослеживается вовсе. Не удивительно, поэтому что в языковой культуре дагестанских народов факты иранизации не обнаружены.

Из краткого очерка этнической истории Северного Кавказа в эпоху раннего железа явствует, что процесс языкового скрещения завершился в пользу иранских языков только в центральной части края. Это оказалось возможным благодаря языковой ассимиляции носителей кобанской культуры и их потомков скифо-сармато-аланскими ираноязычными племенами. Но следует подчеркнуть, что это была лишь языковая ассимиляция; смены коренного населения, его культуры не произошло. Существенное значение при этом имеют наблюдения антропологов. Изучение средневековых антропологических материалов и их сравнение с древними краниологическими сериями показывают общность их происхождения. Очевидно, предками осетин было в основном местное автохтонное население.

Мы рассмотрели некоторые вопросы этнической истории Северного Кавказа и Дагестана в эпоху раннего железа. Уже на исходе бронзового века наметились три локальные зоны с особым направлением развития этноса. Это — Северо-Западный Кавказ колыбель адыгских племен; Центральная часть Северного Кавказа, включая Приэльбрусье — здесь вызревали условия формирования осетинского и карачаево-балкарского народов; и, наконец, Восточный Кавказ и Дагестан, где шел процесс становления нахско-дагестанских народов.

Для эпохи раннего железа на Северном Кавказе характерна активизация скотоводов степей — скифов, сармат и алан[5]. Походы скифов через Кавказ и Закавказье и Переднюю Азию сыграли свою роль в вызревании смешанной культуры и внедрении более совершенных орудий труда и боевого снаряжения из железа. Особенно энергично вступали в сношения с кавказскими аборигенами вышедшие из аорско-

[5] Когда исторические источники доносят до нас древние этнонимы (меоты, скифы, сарматы, аорсы, аланы и др.), то нередко создается несколько искаженное представление о реальных взаимоотношениях этих народов. Если на смену скифам в исторических письменных свидетельствах появляется этноним сарматы, создается впе-

го племенного союза аланы. Им было суждено впоследствии сыграть решающую роль в формировании народов Северного Кавказа.

Степи нижнего Прикубанья, заселенные предками адыгов — меотами, были буквально наводнены кочевниками — сарматами. В этих трудных условиях меоты сумели не только сохранить особенности своей древней самобытной культуры, но и свой язык и антропологический тип. Здесь, на Северо-Западном Кавказе, оформился этнический субстрат — основа формирования адыгских народов.

Наибольшую активность проявили сармато-аланские племена в Центральной части Северного Кавказа. Уже в середине I тыс. до н. э. отдельные группы сармат — сираков проникли вдоль течения Кубани и Терека в глубь гор. Еще более интенсивно этот процесс протекал в горах Кабардино-Балкарии и Пятигорья. Здесь археологи обнаружили множество памятников сарматского облика, здесь же наиболее ярко отразилось влияние сарматской культуры на местную, кобанскую. И наконец, этот процесс завершился проникновением аланских племен в пределы нынешней Северной Осетии, где и началась иранизация коренного населения — первый этап формирования осетинского народа.

На Восточном Кавказе иранское влияние проявилось только в плоскостных районах и в Прикаспийском коридоре. В горы ни скифы, ни сарматы, ни аланы не проникали. Развитие этноса Дагестана и горной Чечни протекало более спокойно и нерушимо. Уже в эпоху поздней бронзы в ареале каякентско-хорочоевской культуры наметились локальные варианты. Это были предвестники этнической и языковой дробности, столь характерные для этой части Кавказа.

чатление, что во-первых, сарматы вытеснили скифов неизвестно куда, а во-вторых, сами сарматы появились неизвестно откуда, т. е. раньше их не было (на самом деле источники поясняют, что прежде сарматы кочевали к востоку от скифов, в Приазовье). За сменой этнонимов на страницах наших письменных источников скрывается лишь смена политического господства того или иного племени, возглавлявшего, как правило, обширный племенной союз, состоявший из многих отдельных племен, названия которых эти источники просто не упоминают в силу ряда причин (по незнанию, не считают это необходимым, из уважения к обычаю скотоводов называть себя во внешних сношениях именем того племени, политический суверенитет которого они признают и т. д.). Но на самом-то деле племенной союз скифов скрывал под общим названием не только собственно скифов, сравнительно небольшую численно группу политических властителей Причерноморья с VIII по III вв., но подчинявшихся им сарматов, которые жили под властью скифов где-то в восточных степях, в Приазовье. Трудно предполагать, но уже в то время в их составе или отдельно от них в общескифском подчинении находились и племена аорсов, алан и многие иные, имен которых мы так и не узнаем.

Смена политического господства вовсе не означала гибель или полное выселение прежних властителей. Реальная картина расселения отдельных племен и распределения за ними кочевий вряд ли существенно менялась в таком случае, хотя бы потому, что скотоводство требует от пастухов прекрасного знания местности, природных условий, где приходится им жить.

Можно думать, что в среде ираноязычных скотоводов (сармат, аорсов, алан) могли быть и какие-то неираноязычные группы, по языку родственные хотя бы западно-северокавказским племенам, предкам позднейших адыгов или других народов Северного Кавказа.

III

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

Кавказ обладает сложной орографией, а следовательно, и очень разнообразными природными условиями, климатом. Поэтому мы будем рассматривать хозяйственную деятельность его населения, во-первых, в развитии, во-вторых, по отдельным регионам — Западный, Центральный, Восточный. Хотя глава посвящена хозяйству Северного Кавказа, в некоторых случаях мы будем вынуждены обращаться к древностям соседних областей, а именно, Закавказья и даже Передней Азии. Не следует забывать, однако, что изложению подлежит развитие хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа в целом.

НЕОЛИТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Памятники эпохи неолита на Кавказе изучены слабо, несмотря на большое значение их в решении ряда важных проблем кавказоведения. Исследование неолитических древностей поможет выявить истоки и начало производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. В эпоху неолита особый смысл приобретают древние этнические и культурные связи кавказских племен с окружающим миром. Переход к производящему хозяйству повлек за собою постепенное изживание первобытнообщинных отношений и образование раннеклассовых форм.

В те далекие времена (VI—IV тыс. до н. э.) при сравнительно большой подвижности населения трудно расчленить историю племен, например, Северо-Западного Кавказа и Восточного Причерноморья, современной Абхазии и Сочи-Туапсинского района нынешнего Краснодарского края. Население этой области уходило корнями в местный этнический пласт, сформировавшийся здесь в пору позднего палеолита.

На Западном Кавказе широко известны два селища неолитического времени — Кистрик в Абхазии и Нижне-Шиловское в районе г. Адлер. Открыты памятники неолита и на Северо-Западном Кавказе и в Прикубанье — слой Каменномостской пещеры в Адыгее и селище

Овечка в Карачаево-Черкессии. Можно было бы назвать несколько других памятников на Западном Кавказе, но они еще мало изучены.

В центральной части Северного Кавказа достаточно полно исследовано Агубековское неолитическое поселение, относящееся к позднему неолиту. На востоке отмечены лишь отдельные находки неолитического облика. Экспедиция Е. И. Крупнова обнаружила в степях Северо-Западного Прикаспия несколько остатков неолитических стоянок. Все они находятся в песчаных выдувах и представляют исключительно богатый подъемный материал. Среди разновременных находок удалось выделить характерные для неолита каменные орудия и фрагменты керамики, в том числе обломки шлифованных топоров. Находки относятся как к ранне-, так и поздненеолитическому времени. Анализ ботанических остатков, спор и пыльцы растений показал, что обильные находки в ныне засушливых степях Северо-Западного Прикаспия не случайны: в древности здесь был достаточно влажный, умеренно теплый климат, который способствовал развитию земледелия и скотоводства.

Ученые располагают достаточным материалом, позволяющим охарактеризовать каменный век Дагестана. В. Г. Котович и М. Г. Гаджиев обнаружили значительное число памятников эпохи неолита как в равнинной части, так и в предгорьях. Несколько памятников открыто в горной части Дагестана; здесь этнические и культурные связи ведут в Закавказье и Переднюю Азию.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

По хронологическим признакам памятники неолита на Западном Кавказе можно условно разделить на две группы — раннюю и позднюю. В первую из них входят некоторые памятники Западной Грузии и Аджарии, а также грот Хупынипшахва на р. Кодор в Абхазии. Очень важно наблюдение ученых (например, А. А. Формозова) о генетической связи ранних памятников неолита Западного Кавказа с местным мезолитом и через него — с позднепалеолитическими древностями Восточного Причерноморья. Отсюда можно сделать вывод, что эти памятники оставлены коренным населением Западного Кавказа. Другой важный вывод сделан археологами: орудия из камня (микролиты) указывают на присваивающий характер хозяйства в раннем неолите. Здесь не встречаются орудия, резко отличающиеся от мезолитических как по форме, так и по приемам обработки. Можно утверждать, что и на ранних стадиях неолита основными занятиями населения Западного Кавказа оставались охота и собирательство. Это подтверждает и инвентарь стоянок.

Более представительна группа поздних памятников неолитической культуры Западного Кавказа. Они известны в Западной Грузии и Аджарии, а также в непосредственном соседстве с Северо-Западным Кавказом — Абхазии и в районе г. Адлер (Нижне-Шиловская стоянка).

Характерный облик этих памятников позволяет отнести их к единому этнокультурному кругу.

Микролитоидная техника — наследие мезолита, сделала шаг вперед, и на причерноморских памятниках позднего неолита не заметно ее угасание. Если в раннем неолите микроорудия изготовлялись в значительном количестве из привозного обсидиана, то на позднем этапе преобладают кремневые изделия. А. А. Формозов отметил появление двусторонне обработанных орудий и орудия «с выделенной головкой-черенком». Этот тип орудий не встречается среди древностей памятников раннего неолита Западного Кавказа, он характерен для поздних натуфийских стоянок Восточного Средиземноморья. Эти факты говорят о возросших связях Западного Кавказа с Передним Востоком в период позднего неолита. Как увидим далее, наше наблюдение очень существенно для понимания этнической истории Западного Кавказа.

В хозяйстве поздненеолитического населения Западного Кавказа охота продолжает играть существенную роль. Однако меняется способ охоты и орудия труда. Если в эпоху мезолита и раннего неолита охотники Восточного Причерноморья использовали лук и стрелы с кремневыми и обсидиановыми наконечниками, то в позднем неолите преобладающим охотничьим орудием становится праща. Об этом свидетельствуют многочисленные находки ядрищ для пращи как на стоянках Абхазии, так и в районе Сочи—Адлер. Наконечники стрел здесь сравнительно редкая находка. А. А. Формозов и Л. Н. Соловьев отмечают, что праща была широко распространена в Месопотамии, Палестине, в Малой Азии. Это обстоятельство еще раз подтверждает широкие связи Западного Кавказа с Передней Азией. Существенно при этом, что связи эти уходят в глубокую древность раннего неолита. В эпоху позднего неолита эти связи не только не ослабли, но наоборот, они приобрели новое содержание, которое определялось хозяйственной деятельностью населения Западного Кавказа.

Широкое распространение в позднем неолите Западного Кавказа получили шлифованные каменные изделия, прежде всего топоры. При развитии земледелия и росте численности населения, характерных для поздней поры неолита, пойменные площади для посева злаков не удовлетворяли требований экстенсивного земледелия. Надо было расширять их за счет расчистки леса. Шлифованные каменные топоры служили именно этой цели.

Производящее хозяйство резко увеличило излишек продуктов. Их надо было хранить. Так первобытный человек пришел к мысли об изготовлении гончарной посуды. Она служила и тарой для хранения запасов, и посудой для приготовления пищи. В эпоху позднего неолита появляется примитивная керамика (у археологов существует особый термин — керамический и докерамический неолит).

На первых порах, во всяком случае на всем протяжении неолитической эпохи, гончарство остается домашним промыслом. Об этом можно судить по несовершенству приемов изготовления посуды, соста-

ву теста и недостаточному обжигу. Доказательством служат также простота и однообразие форм гончарной посуды эпохи неолита. Вся она лепная, в тесте много примесей, иногда случайно подобранных, обжиг слабый. Однако гончарство было важнейшим открытием в условиях перехода к производящему хозяйству. Форма изделия для древнего гончара имела не только функциональное значение: сосуды лепились по выработанному в данном коллективе образцу, и отклонение от формы, от состава теста и способа обжига готового изделия представлялось древнему гончару совершенно невозможным. Это и понятно: изменить процесс изготовления посуды или орудия, отказаться от его обычной, освященной опытом десятков поколений, формы было равносильно отказу от своего тотемного животного, от общепринятых традиций, перешедших от старших поколений. Вот почему важно наблюдение А. А. Формозова в отношении характера гончарного искусства Западного Кавказа.

А. А. Формозов подчеркивает, что в огромном большинстве неолитическая керамика Западного Кавказа представлена сосудами баночной формы с плоским дном. В то же время к северу от Прикубанья, в Крыму и на Левобережной Украине древнейшая керамика остродонная. Поэтому А. А. Формозов сопоставляет западно-кавказскую керамику только с южными образцами, в частности, с Закавказьем и Ближним Востоком, где остродонная керамика не встречается.

И еще одно наблюдение А. А. Формозова. На поздненеолитических стоянках Западного Кавказа обнаружено большое количество каменных мотыжек — основного орудия, применявшегося первобытными земледельцами. Археологи так и называют этот тип мотыжек «мотыжками Сочи-Адлерского типа». Точно такого же типа мотыжки известны из Двуречья — Хассуны, Джамет-наср и других мест Переднего Востока. Если нанести находки мотыжек на карту, получится довольно полная картина распространения этого орудия по основному пути сношения Западного Кавказа с Передней Азией. Этот путь проходил по Восточному побережью Черного моря. Знаменательно, что за пределами Восточного Причерноморья мотыжки этого типа на Кавказе не найдены.

Приведенные данные позволяют согласиться с А. А. Формозовым, Р. М. Мунчаевым и другими исследователями, что неолитические древности Западного Кавказа отражают две тенденции: с одной стороны, они сохраняют (особенно на раннем этапе) черты местного мезолита, с другой — черты, заимствованные у древнейших земледельческо-скотоводческих культур Передней Азии. Очевидно, с юга на Западный Кавказ пришли не только характерные для Ближнего Востока двусторонне-обработанные микролиты, каменные мотыги, но и самые навыки земледелия и скотоводства. Имеются данные, свидетельствующие, что здесь дело не в заимствовании навыков, а в привнесении их конкретными группами древних земледельцев, проникающих в позднем неолите на Западный Кавказ из Передней Азии. При неуклонно растущем населении в эпоху позднего неолита человек уже не мог удовлетвориться

первобытной формой так называемого «лиманного» земледелия[1], т. е. использованием под посевы илистых наносов, оставляемых реками во время разливов. Люди вынуждены были искать новые участки, пригодные для расчистки и возделывания злаков. Так могла возникнуть необходимость расселения земледельческих племен Малой Азии в направлении Западного Кавказа в середине IV тыс. до н. э.

Антропологические исследования, проведенные В. В. Бунаком, М. Г. Абдушелишвили и другими учеными, подтвердили изменения в этнической истории Западного Кавказа, относящиеся к позднему неолиту. Перелом этот наступил благодаря расселению малоазийских племен в сторону Кавказа. Именно поэтому произошло распространение в позднем неолите понтийского антропологического типа из пределов Малой Азии на Западный Кавказ. Тогда же в пределах всего региона могло образоваться праязыковое состояние, на котором в дальнейшем сформировалась хатто-абхазо-адыгская языковая общность, выделенная И. М. Дьяконовым. Известно, что элементы мертвого хаттского языка, бытовавшего в Малой Азии в дохеттское время, до сих пор сохранились в языках абхазо-адыгской группы. Так, уже в эпоху неолита в западной части Кавказского перешейка образовалась обширная этнокультурная область, связанная (по многим показателям) с прилегающей частью Восточной Анатолии.

СРЕДНЯЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ученые не располагают полными данными о неолите срединной части Северного Кавказа. Если исключить отдельные находки, то останутся лишь материалы раскопок единственного Агубековского поселения поздненеолитического времени невдалеке от города Нальчика. В начале 30-х годов нашего столетия А. П. Круглов и Е. Ю. Кричевский провели здесь разведочные работы.

Несмотря на однородность и недостаточность материала, добытого во время раскопок, все же можно представить облик уединенного

---

[1] Понятие «лиманное земледелие» впервые ввел в научный оборот известный немецкий исследователь Юлиус Липс, который считает, что первоначально землю для посева специально не обрабатывали, а использовали периодические разливы рек в предгорных и горных областях. В плодородный ил, образовавшийся после таких разливов, высевали зерно, после его созревания собирали урожай. Появление такого способа земледелия подтверждается и этнографическими наблюдениями у народов Азии, и расположением древнейших очагов зернового земледелия в бассейнах рек с периодическими разливами (Нил, Тигр, Ефрат и др.). При всей убедительности аргументов в пользу этой гипотезы, право на существование имеют и другие теории о происхождении земледелия. Вероятно, что целенаправленное возделывание полезных для человека растений в разных частях земли возникало по-своему. Мы можем уверенно говорить о двух самостоятельных и совершенно независимых центрах возникновения земледелия — Старом Свете (Евразия и Африка) и в Центральной Америке. Но таких центров могло быть больше, если учесть возделывание плодовых деревьев и корнеплодов.

родового поселка, затерянного в лесных дебрях, в предгорьях Кавказского хребта. Хижины поселка, по-видимому, имели вид легких плетеных полуземлянок.

Характерно, что среди мелких каменных орудий не встречаются двусторонне обработанные микролиты, столь характерные для позднего неолита Западного Кавказа. Напомним, что этот вид орудий рассматривается исследователями как признак связей с Ближним Востоком. В этом отношении Агубековское поселение стоит особняком. Скорее всего здесь жили аборигены, далекие потомки местного мезолитического и позднепалеолитического населения Северного Кавказа.

Большинство мелких орудий сделано из местного обсидиана и в меньшей степени из кремня. Древности Агубекова безусловно свидетельствуют о хозяйственной автаркии с некоторыми признаками раннего земледелия. Из-за малого количества костей животных и их фрагментарности трудно говорить о занятиях жителей поселения скотоводством. Можно лишь констатировать разведение свиней. Это вполне логично, если принять во внимание широколиственный лес, окружающий поселение, где эти животные и могли найти подножный корм.

Какие же данные свидетельствуют о земледельческом хозяйстве агубековцев? Среди мелких каменных поделок из обсидиана и кремня значительную группу представляют ножевидные пластины, обработанные по краю ретушью; это могли быть вкладыши для составных серпов, столь характерных для позднего неолита, когда жатвенные ножи из кремневых и обсидиановых отщепов уже не удовлетворяли жнецов при уборке сравнительно больших посевных площадей. Среди предметов, обнаруженных при раскопке поселения в культурном слое и в одной-единственной хозяйственной яме, было немало шлифованных топоров, терочников, зернотерок, пестов, точильных камней. Топоры использовались для расчистки леса под посев злаков; остальные предметы — для приготовления пищи из зерен и из диких плодов, например, орехов и желудей. Для растирания зерен злаков использовались терочники большого размера, для орехов малые терочники. Очень интересна находка каменного жернова с округлым отверстием посредине и четырьмя диаметрально расположенными по краю жернова выемками. Эти выемки, возможно, служили для вращения, которое могло быть не круговым, а аналогичным движению терочника.

Р. М. Мунчаев в монографии о ранней бронзе Кавказа особое внимание уделяет находке на Агубековском поселении глиняной антропоморфной статуэтки. На высокой шее — овальная головка. Лицо моделировано одним защипом; по краям головки сделано девять дырочек. Подобные статуэтки найдены среди древностей трипольской культуры. Такой же прием моделировки лица защипом, такие же дырочки по краю головки. Объяснить такое совпадение пока трудно. Известно, однако, что подобные антропоморфные статуэтки широко распространены в ареале раннеземледельческих культур Старого Света. Очевидно, находка такой фигурки в срединной части Северного Кавка-

за свидетельствует, что и этот регион в рассматриваемую эпоху находился в пределах раннеземледельческого ареала, а обитатели Агубековского поселения добывали значительную часть пропитания земледельческим трудом, при этом, естественно, агубековцы занимались и охотой на диких животных. Об этом можно судить по находкам каменных наконечников стрел. Тут же отметим, что на поселении не было обнаружено ядрищ для пращи, как это было на Черноморском побережье Западного Кавказа. Напомним, что охота с пращой характерна для населения Ближнего Востока и чужда народам Кавказа. Здесь всегда применялся лук и стрелы с каменными наконечниками, которые (как увидим далее) были распространены и на ранних этапах бронзового века.

Как и следует ожидать, на Агубековском поселении обнаружено большое количество керамики: земледельцам нужна была тара для хранения запасов, посуда для приготовления пищи. Исследователи поселения отмечали однообразие гончарных изделий по форме, низкое качество глиняной массы, грубую лепку и слабый обжиг. К сожалению, черепки столь незначительны по величине и так окатаны, что ни одного сосуда восстановить не удалось. Посуда плоскодонная, у некоторых сосудов слегка вогнутое днище. В противоположность керамике Западного Кавказа в Агубекове обнаружены части сосудов с четко профилированным венчиком; некоторые горшки имели даже ручки в виде просверленных ушек. Можно сказать, что керамика Агубековского поселения, по сравнению с неолитической керамикой Западного Кавказа, более развита. На некоторых сосудах — ручки, имевшие несомненно функциональное значение. А. П. Круглов высказывал предположение, что эти ручки в форме налепа с отверстием служили для подвешивания сосуда. Техника гончарства не отличалась высоким уровнем по сравнению с изделиями гончаров Западного Кавказа. Глиняное тесто невысокого качества, примеси — случайны, а главное — слабый обжиг. Несовершенство гончарного производства естественно, если принять во внимание, что в эпоху позднего неолита гончарство было домашним занятием, т. е. не выделилось в самостоятельное ремесло. Естественно, члены семьи, занимавшиеся лепкой горшков, строго следовали установившейся традиции и не помышляли об усовершенствовании приемов гончарного производства [2].

Как уже указывалось, Агубековское поселение — единственный пока памятник позднего или керамического неолита срединной части

[2] Конечно, консервативность, устойчивость тех или иных технологических и конструктивных приемов в древности объясняется не тем, «помышляли» или «не помышляли» лепщики горшков об улучшении их качества. Как и подчеркивает Я. А. Федоров, причина была в домашнем способе производства. На костре или в примитивной обычной печи невозможно получить высокую и устойчивую температуру, которая необходима для изделий высокого качества. Плохой обжиг компенсировался добавлением крупного песка (дресвы), обломков ракушек, утолщением стенок сосудов и т. п. Это не придавало сосудам ни долговечности, ни красоты и легкости, но для приготовления пищи и хранения жидкостей такие грубые сосуды вполне годились.

Северного Кавказа. И все же, несмотря на его единичность, можно утверждать, что и здесь, в предгорьях Центрального Кавказа, в эпоху позднего неолита уже появилось оседлое земледельческое хозяйство. В то же время, следует отметить, что наряду с производящими формами хозяйства, немаловажную роль у агубековцев (и, очевидно, у их неизвестных нам соседей) продолжали играть охота и собирательство, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел, а также малые терочники, которые служили в древности для растирания съедобных корней, плодов и орехов.

Исследования, проведенные на Агубековском поселении, анализ древностей, сохранившихся в его культурном слое, в том числе керамика, выделяют этот памятник среди других поздненеолитических стоянок и поселений не только собственно Северного Кавказа, но и Кавказа в целом. Дело даже не в том, что Агубековское поселение уникально и стоит особняком среди древнейших памятников неолитического времени, его финальной стадии: в ту пору население Северного Кавказа было чрезвычайно редким, поселки оседлых земледельцев были затеряны в укромных уголках кавказских предгорий, в густой, непроходимой лесной чащобе. Но, как справедливо отмечает Р. М. Мунчаев, мы не знаем другого памятника, с которым можно было бы сопоставить Агубековское поселение в культурном отношении. Где же искать объяснение такому феномену?

Рассматривая истоки этнической истории Северного Кавказа в соответствующем разделе пособия, мы подчеркивали, что Кавказ представляет область древнейшего заселения первобытным человеком. Это относится к раннему палеолиту. В разных частях Кавказского перешейка обнаружены стоянки древних людей на разных этапах, включая памятники позднего палеолита и мезолита, непосредственно предшествующие неолитическим древностям Кавказа. На протяжении сотен тысяч лет развитие человека шло своим порядком, который не нарушался внешними факторами.

Однако переход древних собирателей и охотников к производящему хозяйству послужил причиной передвижения значительных групп населения в поисках новых площадок под посевы. Так, в позднем неолите наметилась миграция части населения Восточной Анатолии на Западный Кавказ. Но в эпоху позднего неолита следы миграции земледельческого населения прослеживаются только в пределах Восточного Причерноморья: здесь обнаружены тяпкообразные орудия, каменные мотыжки, полностью сопоставимые с такими же мотыжками, которые в изобилии находили на Ближнем Востоке. Можно допустить, что в добронзовое время пришлые племена так и не перешагнули через Кавказский хребет и не обогнули его с северо-запада. Так можно объяснить особое положение Агубековского поселения в срединной части Северного Кавказа: его жители были автохтонами в этом краю, потомками древнейшего местного населения эпохи палеолита. Такое предположение не исключает общения агубековцев с соседями.

К сожалению, до сих пор неизвестны погребения, которые можно было бы отнести ко времени существования Агубековского поселения; Нальчикский могильник (как увидим ниже) — памятник другой эпохи. Поэтому мы не располагаем ни антропологическими материалами, относящимися к населению срединной части Северного Кавказа поздненеолитической эпохи, ни характеристикой обряда погребения, бытовавшего у агубековцев и их соседей. А ведь именно такие данные могли объяснить обособленность населения этой части Кавказа накануне открытия меди. Пока что мы можем с уверенностью констатировать, что в позднем неолите население Центральных предгорий твердо перешло к оседлому земледелию.

Можно также утверждать, что не только культура населения срединной части Северного, но и Западного Кавказа генетически связана с местной мезолитической и верхнепалеолитической культурой.

Мы не касались вопросов социальной структуры родовых поселений и стоянок неолитического времени Западного Кавказа. И это не случайно: находки археологов пока не дали никаких поводов даже для поверхностных догадок. Известно, что переход к производящему хозяйству и, прежде всего, к скотоводству, способствовал формированию патриархальных отношений. Видимо, на Западном Кавказе этот процесс находился в начальной стадии.

Агубековское поселение — памятник более поздний; он отражает развитие общества через укрепление власти старейшины. Об этом свидетельствует находка в культурном слое Агубековского поселения каменного навершия булавы. Навершие округлой формы, несколько приплюснуто сверху и снизу. Сверление отверстия производилось снизу, поэтому канал шире внизу и сужается кверху. Отверстие сквозное, и такая форма сама по себе целесообразна, так как препятствует скольжению навершия по рукоятке вниз.

Булава была символом власти старейшины поселка, руководителя всей хозяйственной деятельностью родового коллектива. Вероятно, и само поселение представляло родовой поселок с замкнутым кругом хозяйственной деятельности и ограниченными внешними связями: весь облик памятника отражает автаркию хозяйства агубековцев и его консерватизм.

В заключение отметим, что булава — наиболее ранний образец среди подобных находок на Кавказе. В дальнейшем каменные навершия становятся довольно обычными среди древностей кавказского энеолита и особенно бронзы.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ. ДАГЕСТАН

Ни в Северной Осетии, ни в Чечено-Ингушетии памятники эпохи неолита до сих пор не обнаружены. Отдельные находки, разумеется, не позволяют воссоздать картину хозяйственной деятельности челове-

ка. Мало что дают разведанные в Северо-Западном Прикаспии стоянки неолитического времени. Они обнаружены среди песчаных выдувов, стратиграфия нарушена, а коллекции каменного инвентаря разрозненны. И все же, находки фрагментов керамики, терочников, шлифованных топоров, ножевидных кремневых и обсидиановых пластин, употреблявшихся в древности для уборки урожая, косвенно свидетельствуют о переходе местного населения в эпоху позднего неолита к производящему хозяйству, к земледелию.

Палеоботаника использует в исследованиях споро-пыльцевой метод. Кратко о нем можно сказать так. В то время, как органические ткани, растительные и животные, в течение тысячелетий истлевают полностью, цветочная пыльца и споры папоротникообразных растений сохраняются в погребенной почве, не подвергаясь сколько-нибудь заметным изменениям. Исследуя пыльцу и споры, добытые при археологических раскопках, ботаники могут воссоздать экологический фон, на котором протекала жизнь древнего человека. Пыльцу обычно добывают из грунта, сохранившегося в гончарных сосудах. Тем самым датировка сосуда определяет время произрастания того или иного вида местной флоры.

Исследование пыльцы и спор, обнаруженных на поздненеолитических стоянках Северо-Западного Прикаспия, например, на стоянке Ястак-Худук, показали, что в IV—V тыс. до н. э. на месте нынешних полупустынь шумели широколиственные леса и росли папоротники. Климат был благоприятен для земледелия. А леса доставляли дичь: охота оставалась важной отраслью хозяйства.

Значительно больше данных о хозяйстве неолитического времени в Дагестане. Ученые располагают материалами около 20 местонахождений. К сожалению, большинство из них — остатки мастерских по обработке кремня; кроме того, приморские и предгорные стоянки относятся к раннему, докерамическому неолиту, когда человек занимался собирательством, охотой и рыбной ловлей. Однако исследователю каменного века Дагестана В. Г. Котовичу удалось открыть в горных районах несколько стоянок долговременного типа, свидетельствующих о развитии уже в IV тыс. до н. э. оседлого земледелия.

Характерной особенностью этих стоянок является почти полное исчезновение микролитов. Это говорит об уменьшении роли охоты в хозяйстве горцев. Вместо микролитоидных орудий появляются крупные ножевые пластины, служившие примитивными серпами, и клиновидные топоры — орудие для расчистки леса. И, что очень важно, на горных стоянках обнаружено много фрагментов керамики. Тесто довольно грубое, обжиг слабый. В общем, гончарное производство того времени в Дагестане по своему уровню не отличалось от гончарства Западного Кавказа, но обработка поверхности самобытна. Примером может служить большой горшок со стоянки Малин-карат в горном Дагестане. Форму и особенности обработки поверхности В. Г. Котовичу удалось восстановить по довольно выразительным фрагментам. На-

ружная поверхность верхней части сосуда была заглажена и орнаментирована рядом круглых сквозных отверстий. Они находились под венчиком и располагались на равном расстоянии друг от друга. Низ горшка еще до обжига был обмазан жидкой глиной. Эти особенности древнейшей дагестанской керамики — орнамент из сквозных дырочек под венчиком сосуда и обмазка жидкой глиной нижней части его тулова,— как отмечает В. Г. Котович, неизвестны за пределами Дагестана. Исследователь подчеркивает, что эти признаки гончарного дела прослеживаются и в последующие эпохи, в энеолите и бронзе. Это обстоятельство свидетельствует о генетической преемственности между горскими культурами и о стабильности горского населения Дагестана на протяжении многих тысячелетий. Того же мнения придерживается и М. Г. Гаджиев.

Приведенные данные по горному Дагестану косвенно свидетельствуют о зарождении земледельческих традиций в этой части Кавказа, по крайней мере, в поздненеолитическое время, в IV тыс. до н. э. Следует подчеркнуть, что Дагестан, по заключению выдающегося советского ученого Н. И. Вавилова, находится в ареале Переднеазиатского очага происхождения культурных растений. Здесь и поныне произрастают дикорастущие злаки, которые могли быть основой селекции культурных сортов, прежде всего, пшеницы, ячменя и некоторых бобовых. Таким образом, в Дагестане существовали объективные условия для возникновения важнейшей отрасли производящего хозяйства — земледелия.

Как утверждает зоолог Н. К. Верещагин, в Дагестане сложились объективные условия и для развития скотоводства: здесь с глубокой древности обитали животные, пригодные для одомашнивания. Неолитические стоянки Дагестана, к сожалению, дали очень мало остеологического материала, но среди костных остатков одной из стоянок выделены кости домашнего быка.

Таким образом, как и другие части Северного Кавказа, Дагестан относится к числу стран, где уже в глубокой древности, на исходе каменного века, археологические материалы свидетельствуют о зарождении производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. Близость Дагестана к древнейшим очагам земледельческой культуры Передней Азии, а также Восточного Закавказья, как увидим далее, сыграли свою роль. Более того, по мнению В. М. Массона, некоторые памятники неолита горного Дагестана, имеют много общего с памятниками ранних земледельцев Ближнего Востока и Средней Азии. Добавим, что основной антропологический пласт населения Юго-Восточного Дагестана принадлежит к каспийскому типу, а сам Дагестан является западной периферией ареала этого типа, включающий как южную, так и восточную часть Прикаспия.

* * *

Краткая характеристика неолита Северного Кавказа позволяет сделать некоторые выводы. Именно в позднем неолите в культурно-историческом развитии Кавказа произошли коренные сдвиги: люди перешли к земледелию и скотоводству, и следствие этого — оседлый образ жизни. Поселившись в открытых стоянках по берегам рек, население занималось лиманным земледелием, посевом злаков в поймах рек. Открытия археологов говорят о том, что в это время сложился обряд захоронения и погребальный культ. Именно в позднем неолите возник курганный обряд погребения, который получил широкое развитие на Кавказе в последующие эпохи.

В позднем неолите уже не производят микролитические орудия, характерные для охотничьего хозяйства, и возникает новый вид каменной индустрии — выделка из кремня и обсидиана крупных ножевидных пластин, прототипов серпов и шлифовка каменных топоров, и других орудий, необходимых для расчистки новых площадей для посевов. В Причерноморье появляются тяпкообразные орудия из расколотой вдоль гальки.

Прогресс в производственной деятельности человека вызвал к жизни новую отрасль хозяйства — керамическое производство. Р. М. Мунчаев подчеркивает, что производство кавказской посуды в период позднего неолита не имеет аналогий в сопредельных странах, что свидетельствует о самобытности керамического производства на Кавказе. Напомним особенности керамики Дагестана: орнамент из сквозных отверстий под венчиком сосуда и обмазка жидкой глиной его нижней части до обжига.

Однако было бы ошибочным рассматривать возникновение производящих форм хозяйства изолированным от окружающего мира. Выше говорилось о связях Западного Кавказа с Передней Азией. То же можно сказать и о Дагестане. Особенно ярко это выразилось в энеолитическую эпоху. Основные вопросы этнокультурных связей Северного Кавказа с соседними областями, очагами древнего земледелия, мы рассмотрим в следующем разделе главы.

ЭНЕОЛИТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Энеолит — целая эпоха в истории первобытного общества. Дело не только и не столько в том, что эпоха энеолита ознаменовалась первыми шагами в обработке меди: далеко не все памятники этой эпохи содержат медные изделия. Пройдут тысячелетия, пока металл вытеснит изделия из камня, но открытие удивительных свойств самородной меди: ковкость, возможность плавить и отливать в формах — все это свидетельствовало о наступлении новой эры в истории человечества.

Были сделаны лишь первые шаги в металлургии меди; но они повлекли за собою небывалый расцвет хозяйства и всего быта древнего человека.

Открытие меди заставило первобытного металлурга искать новые ее месторождения (люди еще не научились выплавлять медь из медного колчедана), что приводило к расширению зоны обитания. Осваивались горные районы, благоприятные для развития новых форм скотоводства — яйлажного и отгонного. Так, в энеолите расширяется производственная база и земледелия, и скотоводства. В то же время совершенствуется техника обработки традиционного материала — камня. Высокого уровня достигает производство вкладышей для составных орудий, прежде всего, серпов. Удивительных успехов достигают мастера по обработке каменных изделий, совершенствуются способы формовки, шлифовки, сверления. В свою очередь, совершенствование орудий труда послужило стимулом небывалого развития земледелия.

Открытые археологами поселения энеолитической эпохи являют все признаки прочной оседлости, значительных успехов в домостроительстве, в использовании местных материалов. Расширяются межплеменные связи, возникает обмен изделиями, который производится между племенами, живущими на больших расстояниях друг от друга. Особенно ярко проявляется межплеменной обмен в керамическом производстве: люди заимствуют друг у друга приемы гончарного дела, сохраняя в то же время и традиции, унаследованные от предков.

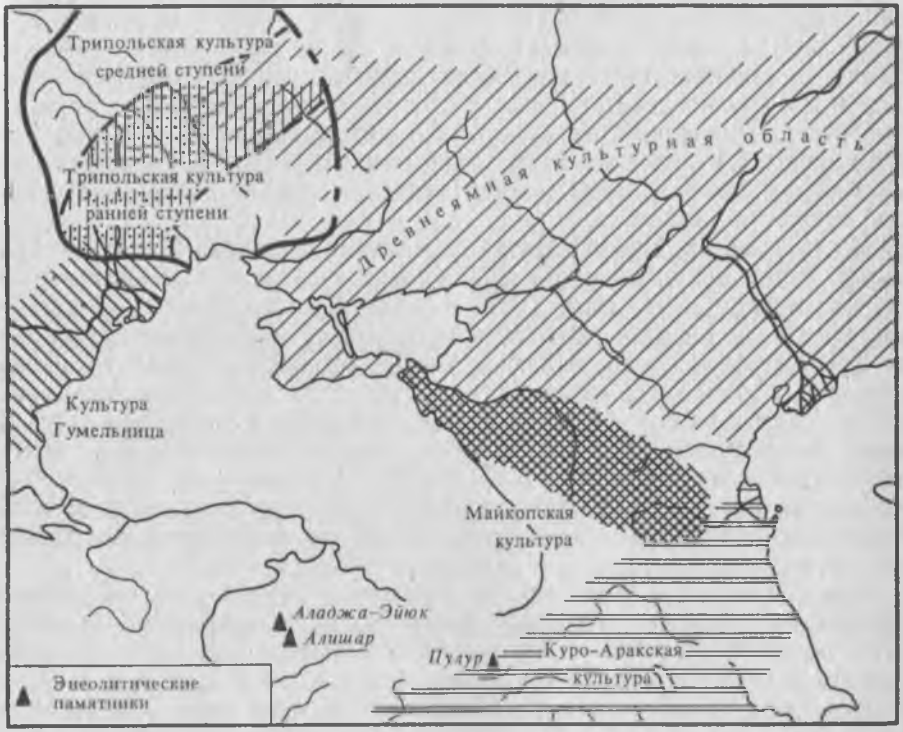
Все эти производственные достижения влекут за собою развитие общественных отношений. В частности, археологические материалы отражают укрепление семьи, родовой общины, усиление роли старейшин. Получают дальнейшее развитие и религиозные представления: появляются зачатки космогонии и, особенно, культа земли и культа предков. В неолите все это лишь намечалось. Теперь же археологи обнаруживают и погребальные сооружения в форме курганов, и тщательно разработанный погребальный ритуал. Сооружение курганов стало традицией не только жителей Северного Кавказа, но и всего Кавказа в целом. Могильники — объект археологических исследований этой эпохи.

К сожалению, большинство исследованных энеолитических памятников относится к Закавказью: Грузии, Азербайджану, Армении. На Северном и Западном Кавказе обнаружены лишь единичные памятники, особенно в срединной части Северного Кавказа, где можно назвать единственный так называемый Нальчикский курган. Бытовых памятников, поселений не обнаружено, а это ограничивает возможности воссоздания быта и условий труда людей того времени.

Лучше представлен энеолит на Западном Кавказе, в Абхазии и прилегающем к ней Сочинском районе Краснодарского края. К северо-западу от Сочи энеолитические памятники тоже пока неизвестны. Однако древности последующей эпохи, а именно майкопской, несомненно, свидетельствуют о тесных связях (в эпоху энеолита) населе-

ния Сочи-Адлерского района с соседями на Северо-Западном Кавказе.

Единственным пока памятником энеолитической эпохи в Дагестане, да и на всем Северо-Восточном Кавказе является поселение Гинчи, исследованное М. Г. Гаджиевым. Древности Гинчи, несомненно, свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом направлении хозяйства населения горного Дагестана в IV тыс. до н. э. Материальная



Археологические культуры энеолита на Кавказе

культура поселения генетически связана с материальной культурой предыдущей эпохи, неолита. Вместе с тем, здесь, в горах Дагестана, уже в то отдаленное время явственно прослеживаются влияния с юга, что позволяет говорить о Дагестане как о северной периферии обширного Прикаспийского ареала древнейшего земледелия.

А теперь перейдем к обзору хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа на самой заре бронзового века, в эпоху энеолита.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Рассматривая памятники позднего неолита Западного Кавказа, мы сопоставляли для их характеристики материальную культуру стоянок и селищ Западной Грузии, Абхазии, южной части Краснодарского края. Как предполагают антропологи (например, В. В. Бунак) здесь пролегал путь, по которому продвинулись ранние земледельцы Малой Азии в пределы Восточного Причерноморья. Это они расширили ареал понтийского антропологического типа в сторону Западного Кавказа; они же, по мнению лингвистов, были носителями протоабхазской речи. В сложном взаимодействии языка пришельцев с языками аборигенов Восточного Причерноморья лежит начало истории языков абхазо-адыгской группы. На более позднем этапе они, по И. М. Дьяконову, совместно с языком малоазийских племен хаттов, составят хатто-абхазо-адыгскую языковую общность.

В этом же ареале находятся памятники энеолита Западного Кавказа. К сожалению, до сих пор число их невелико. В Западной Грузии — поселение Тетрамица (близ города Кутаиси), которое расположено на холме на правом берегу р. Риони. Планомерного исследования Тетрамицы не производилось, но подъемный материал столь многообразен, что удалось воссоздать облик этого древнего поселения.

Археологи нашли большое количество кусков обмазки стен жилищ с отпечатками прутьев. Из этого можно заключить, что жители возводили легкие плетеные постройки и обмазывали их глиной. Местные материалы и климатические условия определили на тысячелетия строительную традицию этих мест. Такие же постройки возводились в XIX в. в Западной Грузии, в Абхазии, в Адыгее.

Как и следовало ожидать, на поселении не обнаружены микролитические орудия геометрических форм, когда хозяйственная деятельность людей была ограничена охотой, собирательством, рыболовством. Впрочем, охота оставалась важной отраслью хозяйства и в энеолите. Об этом говорят многочисленные находки стрел с кремневыми наконечниками. Стрелы черешковой формы тщательно обработаны отжимной ретушью. Нередки находки кремневых наконечников и для метательных дротиков. Однако, не охота определяла направление хозяйственной деятельности населения Западной Грузии в эпоху энеолита.

Древности, обнаруженные на холме Тетрамица, свидетельствуют о значительном расширении производства орудий труда, связанных с земледелием. Все они сделаны из камня и приспособлены для обработки земли под посевы, сбора урожая и его реализации. Тут и крупные мотыгообразные орудия, и мотыжки так называемого сочи-адлерского типа (о нем уже упоминалось) и орудия из камня типа «пик», которые, видимо, служили для рыхления почвы. Для уборки урожая применялись сложные серпы. Найдены тщательно обработанные кремневые вкладыши, которые вставлялись в деревянную или костяную

обойму и образовывали таким образом серпообразное орудие высокой производительности.

Из каменных орудий, пригодных для земледелия, укажем на клиновидные топоры, стамески, долота. Все они тщательно отшлифованы. С использованием продуктов земледелия связаны каменные зернотерки, ступы, песты. Обломки этих предметов в большом количестве найдены на холме Тетрамица.

Керамика представлена на поселении мелкими обломками, что не дает возможности воссоздать форму сосудов. Можно лишь заключить, что гончарные приемы те же, что были у предшественников, неолитических гончаров. Сосуды лепные, толстостенные, тесто включает примесь кварцевого песка.

Особый интерес представляют каменные браслеты из мергеля в виде колец разной формы, но всегда тщательно обработанных. На поселении они обнаружены лишь в обломках; судя по диаметру, эти браслеты женщины носили на запястьях.

Предметы, найденные на поселении Тетрамица, свидетельствуют о более высокой технике обработки камня, а также о развитии земледельческого хозяйства, о повышении его значимости. Вместе с тем, весь облик древней Тетрамицы, техника обработки камня свидетельствуют о преемственности материальной культуры. Очень важно при этом заключение Р. М. Мунчаева, что культура Западной Грузии эпохи неолита и культура энеолита отличны от синхронных культур Центрального и Южного Закавказья. Это мнение вполне сопоставимо с наблюдениями антропологов, которые относят древнее поселение Центрального Закавказья к обширному ареалу переднеазиатского антропологического типа. Видимо, и в этническом, и в культурном отношении развитие человеческого общества в Восточном Причерноморье, а также на всем Западном Кавказе, шло особым путем, отличным от этнического и культурного содержания истории населения Центрального Закавказья.

А теперь сравним материальную культуру поселения Тетрамица с материальной культурой других памятников Западного Кавказа эпохи энеолита. Это — стоянка у селения Гантиади в Абхазии, селище на горе Гуад-Иху близ Сухума и нижний слой поселения Мачара в Абхазии. Эти памятники были обследованы и материалы их опубликованы В. В. Бжания.

Указанные памятники Абхазии представляют поселения оседлых земледельцев. О значительном развитии земледелия в Восточном Причерноморье в эпоху энеолита свидетельствуют находки значительных серий тяпкообразных каменных мотыжек как в Абхазии, так и к северо-западу от нее до Сочи. Мотыжки встречались и в более ранних памятниках позднего палеолита, когда земледелие делало первые шаги. Теперь же мотыжки становятся основным орудием обработки земли, а массовые их находки — доказательство освоения человеком значительных площадей под посевы. Земледелие становится в Причер-

номорье основной отраслью хозяйства. Об этом же говорят и другие находки — зернотерки из гранита, терочники, песты. Все исследователи причерноморского энеолита отмечают своеобразный характер материальной культуры по сравнению с ранненеолитическими древностями Абхазии. Возможно, причина этого лежит в миграции групп древних земледельцев с юга, о чем писал В. В. Бунак. Занималось оседлое население также охотой и рыболовством. Об этом можно судить по находкам каменных наконечников стрел и каменных грузил для рыболовных сетей. Использовали охотники и пращу: ядрища найдены почти на всех памятниках энеолита Абхазии.

В эпоху энеолита дальнейшее развитие получило гончарство. Правда, нельзя сказать, что гончары Западного Кавказа открыли новые приемы выделки посуды: вся она лепная, довольно грубо обработана, тесто содержит крупные зерна гранитного песка, а иногда даже морского гравия, обжиг по-прежнему слабый, но формы сосудов стали более разнообразными, четко выделен венчик, встречаются петельчатые ручки. Как указывает Р. М. Мунчаев, преемственность культуры абхазского приморья прослеживается по ряду признаков. В то же время как абхазские памятники, так и западногрузинская Тетрамица, а также памятники, открытые к северу от Абхазии в районе Адлера-Сочи, свидетельствуют о самобытности развития населения Западного Кавказа, его культуры по отношению к Центральному и Южному Закавказью.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Очень слабо изучены энеолитические древности Центрального Предкавказья. К эпохе энеолита можно отнести один памятник: Нальчикский могильник. Захоронения этого могильника почти не содержат инвентаря, и поэтому судить о хозяйстве жителей окрестностей Нальчика в канун эпохи бронзы очень трудно. И все же, некоторые особенности захоронений, ритуал, вещи-украшения — все это относится к области исторической этнографии, а поэтому нельзя пройти мимо уникального памятника, расположенного к тому же в самом сердце срединной части Северного Кавказа, в нынешней Кабардино-Балкарии.

Если главное направление связей Западного Кавказа ориентировано в сторону Малой Азии и Ближнего Востока (т. е. на юг), то связи Центральной части Северного Кавказа в эпоху энеолита были направлены прежде всего на север, в степи Юго-Восточной Европы. Тут нет ничего удивительного: после усыхания Манычского пролива, соединявшего в глубокой древности Каспийский бассейн с Азовским, степи Предкавказья и прилегающие к ним остепненные участки Кавказских предгорий и Ставропольской возвышенности превратились в южную периферию, в продолжение степных пространств Нижнего Дона и Сальских степей. Манычская водная преграда перестала существовать на грани верхнего палеолита и мезолита, и охотники, и собирате-

ли той далекой эпохи могли свободно расселяться по широким просторам Азовско-Каспийского междуморья. В неолите такие передвижения стали более частыми, а группы мигрантов — более многочисленными.

Наблюдения антропологов (например, Г. П. Зиневича) подтверждают глубокие миграционные процессы накануне эпохи бронзы. Население Приазовья и Предкавказья принадлежало к одному морфологическому типу. Этот тип генетически восходит к палеолитическим неоантропам, древнейшему населению юго-восточной Украины. Расселяясь к югу от Приазовья, они образовали в Предкавказье этнический субстрат контактной зоны между степняками Юго-Восточной Европы, прежде всего Северного Приазовья, и древними кавказскими племенами, потомками верхнепалеолитического населения Центральной части Северного Кавказа. Наиболее ярко эти связи проявились в материальной культуре Нальчикского могильника, его древнейшего пласта.

Могильник (площадью 300 кв. м.) находился в пределах города Нальчика, имел плоскую и низкую, немногим выше полуметра насыпь и был насыщен погребениями, находившимися непосредственно в грунте, т. е. под насыпью. Насыпь же образовалась благодаря постепенной подсыпке грунта при новых захоронениях, частично из культурного слоя древнего поселения, некогда расположенного рядом с могильником. Хронологически это поселение было более древним, чем могильник, и с ним не имело никакой связи. Поэтому фрагменты керамики и кремневые изделия, попадавшиеся при расчистке погребений могильника, по-видимому, не имели отношения к его инвентарю.

Стратиграфия и характер погребений свидетельствуют о длительном пользовании могильником жителей соседнего, неизвестного, к сожалению, поселения. Исследователи Нальчикского могильника различают два хронологических слоя погребений, соответствующих двум эпохам сооружения памятника. В более древней группе погребений костяки ориентированы в основном восток—запад; позднейшие — юг—север. Памятник состоит из двух могильников. Более древний с широтным расположением могильных ям — основной. В свое время древний могильник, уже заброшенный, был снова использован как место погребений позднейшими насельниками района нынешнего города Нальчика. Древний, нижний слой обычно датируется энеолитом, более поздний, верхний слой — ранней бронзой. Мы займемся погребениями нижнего слоя.

Исследователи Нальчикского могильника (А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаевский) отмечали, что древнейшие погребения расположены в пределах могильника группами. Это — важное наблюдение, ибо такая группировка могил отражает родовую организацию общины, хоронившей своих покойников на Нальчикском могильнике. Еще Л. Морган указывал, что в условиях первобытно-общинного строя «общее место погребения» было одним из важных признаков родовой организации. Подобные примеры можно привести из кавказской этнографии. У карачаевцев, например, у кумыков и у многих других

народов Северного Кавказа до сих пор на квартальных кладбищах сохранились патронимические участки, на которых хоронят только членов своего тухума.

Как уже указывалось, наблюдения антропологов, свидетельствуют о древних связях населения степей юго-восточной Украины и Приазовья с населением Предкавказья. Посмотрим, как эти связи отразились на древностях ранней группы захоронений Нальчикского могильника. Для сравнения исследователи этого памятника выбрали аналогичный памятник Северного Приазовья — Мариупольский могильник. Какие же черты сближают их?

Прежде всего, способ захоронения. И в Нальчике, и в Мариуполе — грунтовые погребения. Одинакова ориентировка погребенных: они лежат головой либо на запад, либо на восток. Следует отметить, что, как в том, так и другом могильниках мужские скелеты лежали преимущественно головой на восток, женские — на запад.

Подавляющее большинство скелетов Нальчикского могильника находились в скорченном положении, причем, мужские, как правило, лежали на правом боку, женские — на левом. В Мариупольском могильнике наблюдается устойчивое положение скелетов на спине. Но и в Нальчике обнаружено несколько скелетов, лежавших на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Это — наиболее древние захоронения. В способе положения их в могильную яму уже наблюдается тенденция к переходу к скорченности: ноги у этих костяков согнуты в коленях и повернуты на бок, левый или правый, соответственно полу погребенного. Так же повернуты черепа. Видимо, такую форму погребения следует рассматривать как переходную от вытянутого положения к скорченному. Известно, что скорченные погребения становятся на Кавказе господствующими в период перехода к эпохе бронзы.

В связи с вопросом о положении костяков в сравниваемых могильниках следует отметить, что степень скорченности в Нальчикском могильнике в древнейших погребениях значительно меньше скорченности более поздних захоронений, относимых к эпохе ранней бронзы. И еще одно наблюдение. В Мариупольском могильнике поздние захоронения тоже отражают тенденцию перехода к скорченности. Видимо, и там уже происходил сдвиг в идеологии в сторону представления о «матери земле», принимающей покойного «в свою утробу». Таково одно из наиболее правдоподобных объяснений ритуала скорченного погребения. Мариупольский могильник, по-видимому, более ранний памятник по сравнению с Нальчикским: идея скорченности в Мариуполе только начинает пробивать себе путь в сознании первобытного человека; в Нальчике эта идея уже победила.

К сожалению, серия черепов до сих пор не реставрирована, и Г. Ф. Дебец смог опубликовать в журнале «Палеоантропология» лишь один единственный женский череп. И все же, сравнивая черепа из погребений древнеямной культуры, к которой близко стоит Мариупольский могильник, с характеристикой черепа из Нальчика, нельзя не за-

метить сходных черт. Сходство прослеживается по многим параметрам черепной коробки.

Можно предполагать, что Центральная часть Северного Кавказа представляла собою южную окраину обширной этнокультурной области, включающей восточную часть Левобережной Украины, Нижнее Подонье, Предкавказье. Это, по существу, и есть ареал древнеямной культуры. Известно, что эта культура начала формироваться в эпоху энеолита и достигла расцвета в раннебронзовое время. Периферийное положение Центральной части Северного Кавказа по отношению к основной территории этнокультурной области нашло свое отражение в сопоставимости многих элементов материальной и духовной культуры людей, оставивших Нальчикский и Мариупольский могильники.

Обращаясь к древностям Нальчикского могильника, нетрудно убедиться в архаичности ритуально-надстроечных представлений населения Кабардино-Балкарии. Например, многочисленные находки амулетов — подвесок из зубов и поделки из рога животных говорят о роли быка и, особенно, дикого кабана в местных культах. В этом отношении Нальчикский могильник несомненно сближается с Мариупольским. Речь идет о кабаньих клыках, подвесках, а также о пластинках, вырезанных из клыка кабана. Пластинки имели по концам сверлины и могли служить амулетами-оберегами так же, как подвески из клыков кабана. Характерно, что на концах одной из пластинок-подвесок Нальчикского могильника изображена свернувшаяся змея. Такие изображения типичны для древностей Кавказа последующего времени и не встречаются в степных районах Причерноморья. Впрочем, сами подвески из кабаньих клыков широко распространены в пределах очерченного ареала. Они были обнаружены, например, при раскопках энеолитического могильника в Лысогорье на Левобережной Украине. К более позднему времени, к ранней бронзе, относятся пластинки, обнаруженные на реке Белой, притоке Кубани.

Продолжим обзор вещей, обнаруженных в ранних погребениях Нальчикского могильника. Напомним, что погребальный инвентарь этих погребений целиком состоял из предметов украшений. В этом отношении Нальчикский могильник стоит особняком. В то же время украшения, представленные в Мариуполе, например, бусы из гешира, булавы из порфирита, могли попасть в Приазовье только с Кавказа. Были ли эти вещи предметом обмена, или попали в результате миграций групп населения, сказать трудно: для этого необходимы дополнительные доказательства. Так или иначе, но схожесть украшений и другие факты, в частности отражающие культовые представления, свидетельствуют о тяготении энеолитического населения района города Нальчика к этническому массиву Приазовья и степного Предкавказья. Приведем еще один знаменательный факт. При раскопке И. М. Чеченовым кургана эпохи ранней бронзы в г. Нальчике были обнаружены антропоморфные стелы. Они были использованы при сооружении подкурганной гробницы. И. М. Чеченов полагает, что это — вторичное их

использование. Ранее они стояли в отдельности, отмечая погребения, и возвышались над землей метра на три. По своей форме и отделке стелы близки к примитивным антропоморфным изваяниям древнеямной культуры южной части Украины.

Из украшений, обнаруженных в погребениях Нальчикского могильника нижнего слоя (т. е. наиболее древних), обращают на себя внимание каменные браслеты, сработанные из мергеля. Напомним, что такие браслеты обнаружены среди вещей энеолитического поселения Тетрамица в Западной Грузии. Известны такие браслеты и из памятников ранней поры майкопской культуры, из Северо-Западного Кавказа. Можно полагать, поэтому, что такие украшения были широко распространены в рассматриваемую эпоху. Р. М. Мунчаев ссылается на древности той же эпохи Ближнего Востока; авторы раскопок Нальчикского могильника утверждают, что подобные браслеты характерны для древностей Западной Европы эпохи неолита.

Для датировки Нальчикского могильника большое значение имеет находка в одном из древних погребений медного колечка. Это, безусловно, самая древняя находка медного изделия на Северном Кавказе.

Как видим, инвентарь погребений Нальчикского могильника не позволяет судить о хозяйственной деятельности людей, оставивших этот памятник. Но так как по соседству было открыто поселение позднеолитического времени — Агубеково, где явно отражены занятия земледелием и скотоводством, можно полагать, что и Нальчикский могильник, его основная часть, принадлежал древним скотоводам и земледельцам Центральной части Северного Кавказа. У них, помимо культа тотемных животных, был развит культ предков, о чем свидетельствует сам погребальный обряд Нальчикского могильника.

Носители культуры энеолита, представленной в Нальчикском могильнике, жили, по-видимому, и в других районах Северного Кавказа. Р. М. Мунчаев указывает на два интересных в этом плане погребения на территории Чечено-Ингушетии. Одно у сел. Баму, другое — в самом городе Грозном. Удивительно, что и в этих погребениях были обнаружены предметы, сопоставимые с древностями Мариупольского могильника. Хронология энеолита Северного Кавказа недостаточно разработана. Специалисты относят рассмотренные нами памятники к концу IV—началу III тыс. до н. э.

ДАГЕСТАН

Как и повсюду на Кавказе, прогресс в развитии хозяйственной деятельности в Дагестане отчетливо прослеживается на материалах энеолитической эпохи. К сожалению, и здесь по-настоящему исследован только один памятник — Гинчи.

Поселение Гинчи находится глубоко в горах Дагестана и расположено на высоте 1600 м над уровнем моря. Памятник отражает жизнь земледельческо-скотоводческой общины на протяжении двух

эпох: нижний слой относится к позднему неолиту, верхний — к энеолиту и датируется IV тыс. до н. э.

Поселение Гинчи располагалось на речной террасе небольшой горной реки. Это было самое благодатное место горного Дагестана. Многочисленные речные террасы обеспечивали стойкий урожай, прекрасные пастбища — круглогодичный выпас скота. Исследователь Гинчи М. Г. Гаджиев вскрыл во время раскопок остатки каменных строений прямоугольной формы с мощными стенами, сложенными из камня без раствора. Обнаружены ямы-хранилища, очаги. Поселение представляло собою родовое селище оседлых земледельцев-скотоводов. Эти отрасли были основой хозяйства обитателей Гинчи. Посевы производились, по-видимому, на речных террасах, а также в самой пойме реки. М. Г. Гаджиев указывает, что смываемая во время дождей с горных склонов часть почвенного слоя задерживалась на террасах, постоянно возобновляла их плодородие.

К сожалению, в Гинчи не найдены орудия для обработки почвы. Вероятно, они изготовлялись из дерева, но в распоряжении археологов находятся неопровержимые доказательства довольно развитого земледельческого хозяйства. Это и отпечатки зерен пшеницы и ячменя на тарной керамике; и кремневые вкладыши для серпов в форме удлиненных ножевидных пластин. Среди находок в Гинчи такие вкладыши составляли 17% всех кремневых орудий, а это уж само по себе говорит о значении земледелия в хозяйственной деятельности населения горного Дагестана. Серпы, изготовлявшиеся местными земледельцами, были изогнутой формы, что свидетельствует о высокой технике изготовления жатвенных орудий. Такие серпы известны из памятников древнейшей земледельческой культуры Передней Азии, в частности, из Шому-тепе и Хассуны. Прогресс в земледелии отражают и орудия для размола зерна, обнаруженные в Гинчи. Это — ладьевидные зернотерки больших размеров с сильно заглаженной рабочей поверхностью. Такие зернотерки часто встречаются среди находок на поселении Гинчи.

Скотоводство было второй главной отраслью хозяйства населения Гинчи. Многочисленные находки костей домашних животных неоспоримо свидетельствуют, что главным поголовьем были овцы и козы, т. е. мелкий рогатый скот. Соотношение остатков крупного и мелкого рогатого скота на поселении выражается отношением 1 : 9. Крупный рогатый скот, видимо, разводился как молочный; об этом можно судить по обнаруженным в Гинчи специальным гончарным сосудам для переработки удоя молока. В частности, это — цедилки, представленные несколькими типами.

Немалое значение в хозяйстве Гинчи имела охота. Охотились на оленей, диких козлов: костные остатки этих животных в большом количестве обнаружены на поселении. Автор раскопок М. Г. Гаджиев приводит в отчете любопытное наблюдение: если в ранних слоях количество костей диких животных составляет около 40%, то к концу существования поселения этот процент падает до 30. Это говорит о зна-

чительном развитии скотоводства в горном Дагестане в энеолитическое время. Состав стада при высоком удельном весе мелкого рогатого скота свидетельствует о переходе от придомного содержания животных к пастушескому. Это был значительный прогресс в скотоводческом хозяйстве горного Дагестана, яркое отражение которого мы наблюдаем на Гинчинском поселении.

Об окрепших связях населения горного Дагестана с окружающим миром древних земледельцев Закавказья и Передней Азии свидетельствуют многочисленные находки керамики в культурном слое поселения Гинчи. Впервые мы сталкиваемся с фактом импорта керамических изделий в отдаленные горные селения Северо-Восточного Кавказа. Привозная керамика резко выделяется среди многочисленных образцов местной посуды.

Местная керамика представлена мисками, большими плоскодонными сосудами шаровидной формы, горшками, чашками, кружками и др. Вся керамика грубой выделки и толстостенная. Обращает внимание орнамент на некоторых сосудах — круглые сквозные отверстия, расположенные рядами ниже края венчика. Вторая особенность — обмазка жидкой глиной нижней части тулова некоторых сосудов. Оба приема характерны для древнейшей керамики горного Дагестана, собранной на стоянках поздненеолитического времени. Из этого можно заключить, что гончары энеолитического времени сохраняли традиции своих далеких предков. Известно, что подобные приемы обработки сосудов характерны только для жителей Дагестана.

Местная керамика Гинчи, оставаясь продуктом домашнего производства, как по разнообразию форм, так и по отделке (ангоб, лощение) шагнула далеко вперед по сравнению с неолитической гончарной посудой [3]. Особо следует упомянуть о таком изобретении, как ручки сосудов. В Гинчи мы видим не только вертикальные ручки с круглым отверстием, но и в виде выступа с отверстием. Очевидно, сосуды в некоторых случаях подвешивались на плетеных из травы веревках. На гинчинской посуде появляется и примитивный орнамент — елочный и защипами. Р. М. Мунчаев подчеркивает оригинальность орнамента в виде рельефной полосы с защипами, неизвестный на керамике соседнего с Дагестаном Закавказья.

Такова самобытная керамика Гинчи. Но помимо ее на поселении собраны черепки совершенно иного качества. И обжиг иной (при более высоких температурах), и звонкость, и чистота теста, почти лишен-

---

[3] Приемы ангобирования (покрытие стенок глиняного сосуда дополнительным слоем тонкорастертой и хорошо отмученной глины), лощения сосудов, когда их поверхность затиралась специальными лощилами (костяными или каменными), придавали глиняным изделиям более завершенный вид. Но главная задача таких приемов была чисто функциональной, а не эстетической. И ангобирование, и лощение уменьшали пористость сосудов. Это было важное техническое достижение, если учесть несовершенство способа обжига.

ного ненужных примесей. Керамика этой группы красного цвета, поверхность залощена порой до блеска и с обеих сторон. Большая часть обломков принадлежит миниатюрным тонкостенным сосудам; некоторые из них были снабжены налепными ручками. М. Г. Гаджиев справедливо рассматривает эту посуду как импортную.

Еще несколько слов о керамике. При раскопках поселения Гинчи обнаружено десять фрагментов расписной керамики. Шесть из них также отличаются качеством отделки и должны быть отнесены к импортной посуде. Четыре других — грубой выделки, толстостенные, серо-коричневого цвета. Это — местная посуда, попытка собственных гончаров повторить роспись импортных образцов.

Привозная керамика в горах Дагестана — прямое свидетельство связей с его южными районами Восточного Закавказья и дальше — с Переднеазиатским миром древнего земледелия. Исследователи Гинчи справедливо считают, что материальная культура, представленная на поселении, сложилась на местной неолитической основе, но под сильным влиянием с юга.

Мы рассмотрели памятники энеолита Северного Кавказа и убедились в том, что эпоха энеолита качественно отличается от предыдущей, а именно позднего неолита. Если в позднем неолите производящее хозяйство делает первые шаги, а вместе с тем назревает перелом в общественной жизни древнего человека, в энеолите мы наблюдаем перестройку всей деятельности его, закрепление и утверждение основ этой деятельности на новых началах. В энеолите рождается новое общество оседлых земледельцев, укрепляются связи с окружающим миром, образуются обширные культурно-исторические области, и все это под знаком общего прогресса культуры.

Наблюдается дальнейший процесс расселения земледельческих племен, вызванный ростом населения и необходимостью освоения новых территорий. Передвижение населения в эпоху энеолита нашло отражение в распространении идеологии, повторении погребального обряда, связанного с культом предков, в пределах широких пространств Средней и Передней Азии, Закавказья и, как видим, Дагестана. Это выразилось, между прочим, в обычае хоронить покойника в пределах самого поселения. Обычай этот широко распространен в районах древнего земледелия Востока, образец такого погребения зарегистрирован и на поселении Гинчи.

Для данного региона очень характерна расписная керамика, совершенно неизвестная на Западном Кавказе. В этом отношении находки импортной расписной керамики в Гинчи и попытки тамошних гончаров воспроизвести такую керамику собственными средствами показывают, что Дагестан входил в широкий ареал ранних земледельцев наравне с Восточным Закавказьем. Антропологические исследования серий черепов, собранных в погребениях Гинчи, подтверждают это: и дагестанские, и восточнозакавказские черепа принадлежат одному антропологическому типу.

И еще одно, последнее, наблюдение, которое обосновал в своей монографии «Кавказ на заре бронзового века» Р. М. Мунчаев. Для нас это наблюдение особенно важно. Дело в том, что данные даже немногих памятников энеолита Северного Кавказа свидетельствуют о самостоятельном развитии и на самостоятельной основе хозяйства и материальной культуры двух частей Кавказа. Первая включает Западный Кавказ и Предкавказье; вторая — Дагестан и Восточное Закавказье. На западе заметно влияние Восточного Средиземноморья в широком смысле этого понятия; на востоке — Передней Азии, включая Месопотамию. Как увидим дальше, эти связи пронизывают всю эпоху бронзы.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ НА ЗАРЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

К середине III тыс. до н. э. закончился самый длинный период в истории человечества — каменный век. Он длился многие тысячелетия, а последний его этап — энеолит — стал преддверием освоения нового сырья в хозяйственной деятельности человека — металла, и именно меди. Новый материал с его свойствами, коренным образом отличавшимися от камня, — пластичность, ковкость — обусловил подъем производительных сил. К этому времени обработка камня достигла совершенства. Особенно это заметно на изделиях из кремня и обсидиана. Возможности дальнейшего развития каменной индустрии были исчерпаны. И тут человек делает поразительное открытие. Оказывается, самородную медь можно плавить, можно добавлять к расплавленному металлу другие металлы (так называемую лигатуру), в результате чего получается сплав, обладающий новыми свойствами. Это — бронза. Она несравненно тверже исходного сырья — меди, она более легкоплавка и поэтому легче поддается обработке. Открытие бронзы определило целую эпоху в истории человечества[4], дало его хозяйству новое направление: орудия труда из бронзы были более разнообразны, их форма и отделка определили их высокую продуктивность. Изделия из бронзы — орудия труда, оружие, украшения быстро усовершенствовались и стали важной частью бытового инвентаря.

---

[4] Современная археология дает достаточное количество фактов, которые говорят о широком распространении медных и бронзовых изделий даже там, где не было месторождений соответствующих руд. Однако при самых благоприятных условиях, т. е. вблизи металлургических центров, ни медь, ни бронза не заменяют большинство орудий труда. И конечно, «виновны» здесь не традиции, хотя они на стадии эмпирического накопления знаний играли огромную роль в жизни людей. Причины в том, что затраты труда на добычу и выплавку цветных металлов очень велики, а месторождения необходимых руд редки, и изделия из меди и бронзы не всегда и не везде могли заменить каменные. Камень, кость, дерево (доступность и простота обработки) успешно конкурировали с цветными металлами. Не случайно были попытки называть эпоху бронзы бронзокаменным веком.

Еще долгое время, однако, каменная индустрия оставалась непременной отраслью хозяйственной и производительной деятельности человека, а орудия из камня — обязательной частью его снаряжения. Такова сила традиций, унаследованных десятками поколений тружеников от их предков.

Нужно заметить, что все, или почти все изобретения того времени были направлены на усовершенствование основных отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства, на всемерное расширение возможностей использования продуктов этой решающей области приложения

Археологические культуры эпохи ранней бронзы

труда. Подсобными оставались охота и рыболовство. Но и в их практику вторглись новые орудия из металла, в основном, правда, повторявшие традиционные изделия из камня.

В сельском хозяйстве произошли большие изменения. Они явились следствием повышения производительности труда земледельца и скотовода. Если в энеолите обе ведущие отрасли хозяйства развивались взаимосвязанно и дополняли друг друга, то уже в начале бронзового века намечается размежевание: у разных племен, в зависимости от природных условий их обитания, происходит выделение ведущих форм сельского хозяйства. Одни продолжают заниматься земледелием (причем скотоводство остается подсобным занятием), другие — становятся скотоводами: земледелие — вспомогательная отрасль в хозяйственной деятельности таких племен.

Так было и на Кавказе. Несмотря на то, что земледелие оставалось ведущей отраслью в большинстве его районов, особенно в Закавказье, в некоторых местах, при благоприятных условиях, скотоводство становится господствующим способом обеспечения населения необхо-

димыми продуктами. Речь идет здесь не о степных пространствах Предкавказья; там скотоводство очень рано стало главной отраслью сельского хозяйства. Имеются в виду предгорья Северо-Западного Кавказа, покрытые густыми широколиственными лесами, обеспечивавшими кормовую базу для придомного содержания скота. Земледелие же требовало больших затрат труда на расчистку площадей под посевы.

В то же время на противоположной стороне Кавказа, в Дагестане жили уже знакомые нам по энеолитическому поселению Гинчи горские племена исконных земледельцев. В эпоху бронзы скотоводство у этих племен приобретает новую форму — отгонную или яйлажную. Земледелие в Дагестане продолжает развиваться, но и поголовье скота увеличивается. Держать скот в селении нет смысла: неподалеку великолепные высокогорные пастбища. Туда на все лето жители горных долин перегоняли отары овец; на зиму скот возвращался в селение. Соответственно, изменился состав поголовья. Основной породой стали овцы; горцам удалось вывести особую породу коровы — очень малого роста, приспособленную для выпаса на горных пастбищах. Для зимнего содержания скота заготовляли корм, в основном сено. Это делается в горах Дагестана и в настоящее время. Еще сравнительно недавно в Анди (горный Дагестан) траву не косили, а жали слабо изогнутыми серпами или косами на коротких ручках: по крутым склонам косить очень трудно, а иногда просто невозможно. Жали траву женщины. Такая заготовка сена очень трудоемка, зато нет необходимости привозить сено издалека: заготовку ведут по ближайшим к селению склонам, неудобным для земледелия.

Уход за скотом целиком лежал на мужской части населения.

Да и в земледелии роль мужчины становится ведущей: он расчищает лес под посевы, отвечает за подготовку посева и уборку урожая. Естественно, именно у племен с развитым сельским хозяйством патриархально-родовые отношения вызревают раньше, и процесс выдвижения на первый план старейшины в большой семье, затем в роде, в племенной организации в эпоху бронзы становится универсальным и приобретает форму законченной организации.

Сельскохозяйственное производство, особенно разведение скота, не только обеспечило население необходимыми продуктами, но и способствовало накоплению избытков. Новые формы хозяйства привели к коренным изменениям в общественной жизни. Поскольку скотоводство и металлургия целиком оказались делом мужчин, новые формы семейно-родовых отношений стали базироваться на патриархальной основе. Имущественная, а впоследствии и социальная дифференциация в родовом обществе разлагала коллективное начало хозяйства и жизни. Особенно ярко проявилось выделение патриархальных семей у скотоводов. Власть вождя рода, племени стала наследственной, и сам он принадлежал к определенной семье[5].

---

[5] В ту далекую эпоху совсем не обязательно сын наследовал отцу, как это ста-

Памятники неолита и энеолита были представлены главным образом стоянками и поселениями, расположенными в Восточном Причерноморье, в частности, в Западной Грузии и в Абхазии. В эпоху бронзы эти районы вступили уже со сложившимся земледельческим укладом. Скотоводство значительно уступало (по своему удельному весу) другим формам сельского хозяйства Причерноморья. По-видимому, не были еще освоены высокогорные пастбища, и содержание скота здесь носило придомный характер. Об этом свидетельствует, например, преобладание в стаде крупного рогатого скота. Исследование костных остатков на селище Очамчире показало, что большинство костей домашних животных принадлежало низкорослой домашней корове. Охота играла в хозяйстве незначительную роль — костей диких животных найдено немного. Зато было распространено рыболовство, не только речное, но и морское. Охота на дельфинов и ловля камбалы доказываются присутствием их костных остатков.

Гончарное дело все еще оставалось домашним ремеслом. Несмотря на тщательное археологическое обследование селища, проведенное Л. Н. Соловьевым, остатков гончарных печей не найдено. Сосуды ручной лепки, служившие для приготовления пищи и хранения ее запасов, имели баночную и чашеобразную формы; многие снабжены ручками. Часть сосудов украшена незатейливым орнаментом из ромбиков, косых насечек.

В культурном слое селища обнаружены остатки жилищ. Об этом говорят слегка обожженные глиняные утрамбованные площадки. По-видимому, эти площадки были когда-то полом плетеных жилищ. Плетеные стены также обмазывались глиной. Об этом можно судить по кускам глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Жилища были расположены группами. Поэтому культурный слой местами прерывается метров на 20 и лежит как бы отдельными небольшими пятнами. Можно представить себе селище как патронимический поселок, а группы жилищ, как жилые комплексы больших семей.

Никаких оборонительных сооружений в пределах селища не обнаружено. Здесь жили и работали мирные земледельцы; таковыми же были и их соседи. Земледелие было основной отраслью хозяйства, об этом мы можем судить по огромному количеству находок. Прежде всего, это вкладыши для серпов весьма тщательной отделки, причем рабочий край вкладыша был намеренно зазубрен: так повышалась продуктивность жатвенного орудия. Обнаружено много мотыжек, таких же, какие употреблялись земледельцами в предыдущую эпоху, т. е. из

ло в обычае у многих народов Европы в средние века. Вначале стремились избирать вождем человека из того же рода, той же семьи, что и его предшественник. Таким образом выделялись семьи, роды, из которых традиционно избирались вожди племен. В такой практике были и свои преимущества, так как навыки управления, как и любые другие навыки, скорее всего постигались на примере старших родственников.

крупной гальки, обкатанной морем или рекой. Такие плоские овальные камни раскалывались вдоль и снабжались выступом для насадки на древко. Много на селище обнаружено зернотерок и пестов.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Совсем другой хозяйственный тип сложился по другую сторону хребта, за Белореченским перевалом, в бассейне левых притоков Кубани. Здесь Кавказский хребет представляет собою средневысокие горы со сравнительно мягким рельефом. Предгорная полоса постепенно переходит в степи Предкавказья. Горы, так же, как и предгорья и прилегающая к ним равнинная часть Северо-Западного Кавказа в былые времена были сплошь покрыты широколиственными лесами. Преобладали дуб, клен, бук, ясень. В нижнем ярусе произрастали дикая груша, яблоня, лесной орех. Сама природа обеспечивала богатые кормовые ресурсы. Желуди, орехи, дикие фрукты — все это прекрасный корм для парнокопытных, и прежде всего свиней. Лесной травостой и кустарники — для крупного рогатого скота. Именно в таком составе представляется домашнее стадо поселения Мешоко эпохи ранней бронзы в верхнем течении р. Белой.

Как в Мешоко, так и в других памятниках Северо-Западного Кавказа до 50% костных остатков принадлежит свинье. На втором месте — крупный рогатый скот, и сравнительно незначительное количество костей домашних животных принадлежит мелкому рогатому скоту. Состав стада свидетельствует, что в ту пору (т. е. в III тыс. до н. э.) на Северо-Западном Кавказе полностью оформилось пастушеское оседлое скотоводство. Земледелие играло здесь второстепенную роль. Ведущей отраслью хозяйства было и оставалось скотоводство, корни которого уходят в пору позднего неолита. Например, среди костных остатков в неолитическом слое Каменномостской пещеры, наряду с костями диких животных, найдены кости домашних — быка, свиньи, собаки, овцы или козы. Нужно иметь в виду, говоря о хозяйстве Северо-Западного Кавказа, особенно позднего неолита, влияние хозяйственных традиций Передней Азии, в частности Месопотамии, на развитие производительных сил Западного Кавказа. На это указывал А. А. Формозов, один из исследователей памятников неолитической и майкопской культуры. По его мнению, развитие животноводства в пределах Западного Кавказа следует поставить в связь с тем влиянием, которое оказали страны Передней Азии вообще на развитие производящих отраслей хозяйства в этой части Кавказа. Ведь зачатки животноводства в Месопотамии, например, прослеживаются еще в мезолите. Зоолог Б. И. Цалкин, исследовавший костные остатки поселений ранней бронзы Северо-Западного Кавказа, считает, что развитие животноводства здесь могло возникнуть только путем заимствования домашних животных из южных соседних с Кавказом стран.

Известно, что скотоводческие племена всегда были особенно агрессивны по отношению к соседям, а имущественное и социальное неравенство у них развивалось быстрее, чем у земледельцев. Грабительские набеги становятся обычным явлением, а оборона собственных поселений — насущной необходимостью. Не зря поселение Мешоко окружали необычайно мощные для того времени каменные стены: за ними укрывали в случае опасности домашний скот, свое основное богатство.

В условиях широкого развития животноводства в лесистых горах и в долинах Северо-Западного Кавказа выделяются наиболее зажиточные семьи, а из их среды — предводители грабительских походов, племенные вожди. Так можно объяснить появление в эпоху ранней бронзы на Северо-Западном Кавказе группы «больших кубанских курганов»: в них были погребены с небывалой по тому времени пышностью вожди-военачальники. Один из наиболее грандиозных курганов, некогда возвышавшийся в самом городе Майкопе, был раскопан еще в прошлом веке Н. И. Веселовским. Потому и культура этих курганов и других памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа, которые она объединяет, названа майкопской.

Большой Майкопский курган представлял собою уникальное явление среди древностей этой культуры второй половины III тыс. до н. э. Высота его 11 м, диаметр — более 50 м. Над основным погребением воздвигнут роскошный, украшенный золотыми бляшками балдахин. Его поддерживали серебряные трубки с навершиями в виде фигурок бычков, отлитых из золота. Примечательно, что такие же надгробные балдахины возводились для царских гробниц в Уре (Месопотамия). Отмечены и другие аналоги Уры погребальному инвентарю Майкопского кургана. Это — золотые головки львов, золотые ленты с розетками — налобные украшения покойного вождя. В майкопском кургане обнаружены серебряные и золотые сосуды явно месопотамского происхождения. Орудия труда из бронзы содержали примесь никеля. Такой бронзы мы не знаем на Кавказе. Зато, как указывает Е. Н. Черных, никелистые бронзы характерны для изделий древней металлургии Малой Азии. Все это говорит о реальных кавказско-переднеазиатских связях на ранних этапах майкопской культуры. Истоки ее следует искать в местном неолите; формирование же культуры в целом происходило под неослабным влиянием с юга, из Малой Азии. Но обратимся к Большому Майкопскому кургану. Его уникальность и необычайно богатое погребение, заупокойный ритуал и богатейший погребальный ритуал сразу привлекли внимание ученых.

Интересна в этнографическом отношении гипотеза, предложенная В. М. Массоном, который поддерживает общепринятое мнение, что в главном отсеке погребального сооружения покоилось тело вождя племени, а может быть, и племенного объединения. В. М. Массон выделяет обычай, характерный для периода распада первобытно-общинного строя; уже на раннем его этапе происходит выдвижение военного предводителя, причем решающие факторы — личные заслуги и происхож-

дение. Речь идет, очевидно, о выдвижении целых семей, поставлявших вождей, руководителей грабительских набегов на соседние скотоводческие племена.

Можно предположить, что уже на ранней стадии развития майкопской культуры (т. е. в середине III тыс. до н. э.) предводитель племени был вождем-конником. В самом деле, кому, как не ему, в то время могла принадлежать лошадь. Ведь конь был такой редкостью на Северо-Западном Кавказе. Например, на раннемайкопском поселении Мешоко встречены кости лишь двух особей лошади. В то же время, другая находка говорит, что лошадь у майкопцев служила для верховой езды: в насыпи одного из курганов близ г. Майкопа, одновременного со знаменитым Большим Майкопским курганом, были обнаружены псалии, сделанные из бронзового прута. Это — самые ранние свидетельства о появлении лошади на Северо-Западном Кавказе. Известно, что в то же время праиндоевропейские племена в Юго-Восточной Европе, носители древнеямной культуры, не только использовали лошадь для верховой езды, но и впрягали ее в колесницы.

Существенны достижения гончаров на Северо-Западном Кавказе в эпоху ранней бронзы. Керамика майкопской культуры не однородна: ее можно условно разделить на два вида. К первому из них относятся изделия, технология изготовления которых мало отличается от технологии предыдущей эпохи: недостаточный и неравномерный обжиг, случайный состав теста; вероятно, эту керамику по-прежнему изготовляли в домашних условиях. Характерная особенность другого вида — красно-оранжевый цвет, сосуды тщательно заглажены, часто покрыты ангобом. Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины, хорошо обожжена. Многие сосуды, как это недавно установили А. А. Бобринский и Р. М. Мунчаев, изготовлены на гончарном круге. Даже немногие данные свидетельствуют, что гончарное ремесло на Северо-Западном Кавказе в эпоху ранней бронзы выделилось в самостоятельную отрасль хозяйственной деятельности и постепенно вытеснило домашнее гончарство. Этому, безусловно, способствовало увеличение прибавочного продукта у скотоводов и укрепление оседлости.

Экономический подъем и общий культурный прогресс на Северо-Западном Кавказе ярко отразился в облике майкопской культуры. Если на ранней стадии майкопской культуры мы наблюдаем пастушескую форму содержания скота и выпас его на пастбищах вокруг поселений, то впоследствии крупный рогатый скот и свинья уступают место мелкому рогатому скоту, прежде всего — овце. Однако прокормить резко увеличившееся поголовье на одном месте невозможно. Вот почему рост овцеводства послужил важной причиной освоения скотоводами высокогорных пастбищ.

Вырабатывается новая форма скотоводческого хозяйства — отгонная. На летнее время скот перегоняли на горные луга; зимой содержали в загонах вблизи поселений. Овцеводство определило и новую отрасль хозяйственной деятельности — использование шерсти для пря-

дения, а возможно, и примитивного ткачества. Многочисленные находки пряслиц говорят о том, что веретено стало необходимым домашним орудием. Отпечатки плетенки на некоторых сосудах показывают, что принцип ткачества был известен в пору ранней бронзы на Северном Кавказе.

Продвижение человека в глубь Кавказских гор для освоения высокогорных пастбищ в свою очередь способствовало открытию месторождений меди, как самородной, так и в рудах. Началась новая эра в истории человечества — медно-бронзовый век, изменился археологический облик майкопской культуры. Если ранние памятники, в том числе Майкопский курган, содержали импортный металл, то в последующее время появляются изделия собственной металлургии. Кавказские племена приобретают новый обменный эквивалент — металлические орудия производства, оружие, украшения. С этой поры изделия из металла кавказских мастеров широким потоком устремляются в степи Предкавказья и дальше — в Юго-Восточную Европу. Угасание связей с Передней Азией, наблюдающееся на втором этапе майкопской культуры, по мнению некоторых исследователей, было обусловлено развитием собственной металлургии.

Можно выдвинуть и другое предположение. Именно во второй половине III тыс. до н. э. в этнической истории Западного Кавказа произошли существенные перемены, связанные с образованием обширного ареала дольменной культуры. Носители дольменной культуры внедрились в местный этнос земледельцев Причерноморья, в частности, нынешней Абхазии. На первых порах пришельцы и племена Северо-Западного Кавказа — майкопцы жили мирно. Так можно объяснить заимствование дольменной строительной техники при возведении погребальных сооружений на р. Белой, так называемые дольмены Новосвободненского кургана и его соседей. Новосвободненский курган — памятник позднего этапа майкопской культуры.

Мирные отношения между племенами дольменной и майкопской культур продолжались недолго: новосвободненские курганы были последними памятниками пребывания майкопцев в бассейне р. Белой; в то же время майкопская культура распространяется на восток вдоль предгорий вплоть до современной Чечено-Ингушетии. В. И. Марковин высказал предположение, что началом этого движения явилось давление пришлых племен, носителей дольменной культуры, на коренных жителей Северо-Западного Кавказа. «Майкопцы» принуждены были потесниться и продвинуться к востоку за пределы Прикубанья. Именно тогда, по выражению Е. Н. Черных, «могучая волна майкопских скотоводов выкатилась на север, на предкавказскую равнину». Вероятно тогда началось размежевание протоабхазского и протоадыгского этносов, и обособление диалектов этих языков. С конца III тыс. до н. э. протоабхазский этнос продолжал свое развитие неотделимо от Закавказья и Малой Азии, адыгский — со степным миром Предкавказья и северокавказскими аборигенами.

Продвижение майкопских племен на восток вдоль северных предгорий Центрального Кавказа отчетливо прослеживается на памятниках конца III — начала II тыс. до н. э. Это поздние погребения Усть-Джегутинского могильника в Карачаево-Черкессии, подкурганная гробница в Нальчике, майкопские погребальные комплексы у селения Чегем I, Чегем II в Кабардино-Балкарии, наконец, Бамутские курганы в Чечено-Ингушетии. Здесь майкопцы встретились с племенами куро-аракской культуры, продвинувшимися сюда из Закавказья через Дагестан. На Северо-Восточном Кавказе куро-аракские племена продолжали развивать земледельческую культуру, сохраняя традиции земледельцев энеолитической эпохи и совершенствуя их в новых условиях эпохи раннего металла.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ

Выше говорилось о том, что майкопские племена Северо-Западного Кавказа были по преимуществу скотоводами. Скотоводство, сначала в его пастушеской форме, затем — отгонное, было основной отраслью сельского хозяйства в Прикубанье в эпоху ранней бронзы. Разведение крупного и мелкого рогатого скота обусловило накопление богатств отдельными семьями, а затем — родами; следствием этого явилось возникновение имущественного неравенства, выделение родовых и племенных вождей и грабительские войны с соседями.

Исследователей майкопской культуры всегда поражала архаичность каменных орудий труда, в огромном количестве найденных не только на поселениях, но и в курганах майкопского времени. В некоторых памятниках сохранились даже образцы неолитической каменной индустрии, не говоря уже об энеолитических традициях производственной техники, унаследованных и законсервированных у майкопцев.

Другую картину наблюдаем мы у племен куро-аракской культуры, основной ареал которой был в Закавказье. Эти племена не только унаследовали, но и приумножили достижения древних земледельцев, своих предков. Развитие земледелия наблюдалось и на периферии куро-аракского ареала — на Северо-Восточном Кавказе, включая предгорья Дагестана.

Интенсивное изучение бытовых памятников эпохи ранней бронзы в Чечено-Ингушетии и в Дагестане дало результаты. Прояснилась картина хозяйственной деятельности населения этого края. Обращают на себя внимание размеры культурного слоя поселений Северо-Восточного Кавказа и предгорного Дагестана. Мы можем утверждать, что прочная оседлость и связанный с нею характер хозяйственной деятельности, — особенность этого региона. Напомним, что Дагестан испокон веков представлял собою периферию области древнейшего земледелия Закавказья и Передней Азии. Традиции древних земледельцев продолжали развиваться и в эпоху бронзы.

Как археологические данные, так и данные палеоботаники и палеозоологии свидетельствуют, что основой хозяйства оставалось земледелие. Недаром поселения расположены в плодородных долинах равнинной и предгорной части. Долины хорошо обводнены, защищены от суховеев. Здесь возделывали ячмень, твердую пшеницу средиземноморского происхождения. Остатки такой пшеницы открыты при изучении растительных примесей в глиняной массе, из которой изготовлена керамика куро-аракского облика, например, Каякентского поселения. Обуглившиеся зерна ячменя найдены на многих поселениях. В одном из помещений Галгатлинского поселения в Дагестане было обнаружено около 20 кг обуглившегося зерна.

Поражает разнообразие видов злаков, которые культивировали земледельцы Северо-Восточного Кавказа, включая Дагестан, в эпоху ранней бронзы. Кроме упомянутой твердой пшеницы, сеяли мягкую голозерную пшеницу, различные сорта ячменя — двурядный и шестирядный, а также просо. На одном из дагестанских поселений найдены, наряду с голозерным и пленчатым ячменем, обуглившиеся зерна льна. Прядение и ткачество населению были известны. Об этом свидетельствуют находки керамических пряслиц от веретен и отпечатки ткани на некоторых образцах керамики. Р. М. Мунчаев подчеркивает, что эти отпечатки имели характер льняного плетения.

Разнообразие сортов злаков доказывает активный характер земледельческой культуры, стремление добиться больших урожаев. Некоторые исследователи древнего земледелия предполагают, что в некоторых случаях применялся способ смешанного посева. Это ни в какой мере не умаляет достижений древних земледельцев Северо-Восточного Кавказа.

О развитии земледелия свидетельствуют и археологические находки. На одном из поселений Северо-Восточного Кавказа, в Чечено-Ингушетии найдены роговые мотыги, большие серии кремневых вкладышей для серпов, зернотерки и терочники. Серпы из бронзы уже применялись в это время в Закавказье, но до Северного Кавказа они, видимо, еще не дошли.

О значительных урожаях зерновых свидетельствуют большие керамические сосуды, открытые на поселениях, а также многочисленные зерновые ямы. Те и другие служили зернохранилищами.

Мы привели ряд данных, доказывающих ведущую роль земледелия в хозяйстве куро-аракских племен, обитавших в эпоху ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе. Земледельческие навыки и традиции Северо-Восточного Кавказа неотделимы от навыков и традиций соседнего Азербайджана, да и всего Закавказья. Это — единая в историко-культурном отношении область, отличная от рассмотренной выше области Западного Кавказа, где земледелие стояло на более низкой ступени. Там, как мы видели, главной отраслью сельского хозяйства было скотоводство, разведение крупного рогатого скота и свиней. Лишь к концу бытования майкопской культуры на Западном Кавказе

начали преобладать овцы и козы, а форма скотоводческого хозяйства приняла черты отгонного или яйлажного содержания скота.

Здесь, на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане, поголовье домашнего скота носило другой характер: преобладал мелкий рогатый скот, а содержание его носило все черты, свойственные отгонному скотоводству. Одна из причин раннего развития яйлажного содержания скота и его сезонного перегона на летние пастбища, зимой — в Прикаспийскую низменность заключается в особенностях природных условий региона. В Прикаспийской низменности скот мог содержаться на подножном корму всю зиму, летом же здесь было очень жарко и сухо. Трава выгорала, надо было искать места, где бы скот можно было выпасать, не опасаясь бескормицы. Так началось освоение высокогорных пастбищ. Кроме того, общий подъем земледельческой культуры способствовал освоению значительных площадей в равнинной и предгорной части Северо-Восточного Кавказа. Летом здесь зрел урожай злаковых, и уборка его заканчивалась до засушливого периода. Таким образом, летом на равнине и в предгорьях негде было содержать значительные стада овец и баранов. Осенью стада перегонялись вниз, где в их распоряжении были не только ожившие после первых осенних дождей травы, но и стерня, содержавшая довольно много питательных веществ.

Так создались условия для освоения не только горных, но и высокогорных зон на востоке Кавказа. Тогда же были открыты залежи полезных ископаемых — меди, мышьяка, сурьмы, олова. Образовалась база для развития металлургии меди и открытия бронзы. В то время, как большинство населения занималось земледелием на равнинах и предгорьях, скотоводство стало профессией сравнительно небольшой части мужского населения, большую часть года оторванного от дома, семьи. Но эта небольшая часть населения производила прибавочного продукта больше, чем земледельцы. Зато земледелие обеспечивало население основными продуктами питания и в обычное время, и в случае несчастья, например, эпизоотии, которые были частыми в горах.

Земледелие и мирный пастушеский труд на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане определили социально-экономический уклад жизни этого региона. Археологи не наблюдают здесь столь углубленного социального и имущественного неравенства, которое характерно для представителей майкопской культуры. На западе и в Центральной части Кавказа одиноко возвышаются грандиозные погребальные сооружения — курганы. Они хранят останки представителей родовой знати или военных предводителей, заслуживших при жизни почет и уважение сородичей. Наряду с курганами, ученые открыли и исследовали обычные захоронения с очень скромным инвентарем. Так вырисовывается картина имущественной и социальной дифференциации в среде майкопских племен, у которых скотоводство было главной отраслью хозяйства, а набеги на стада соседей стали нормой общественной жизни.

Полную противоположность составляют погребальные комплексы на Северо-Восточном Кавказе. Для раннебронзового времени не харак-

терны ни огромные курганы, ни выделяющиеся своей роскошью погребения. Это не значит, конечно, что среди племен куро-аракской культуры не наблюдалось имущественное расслоение: оно было неизбежным при накоплении излишков прибавочного продукта. Но нет никаких данных о воинствующих предприятиях и грабительских тенденциях в земледельческом обществе. Его уклад носил мирный характер, столь свойственный прочной оседлости земледельческого населения. Грабительские набеги, вероятно, заменяли мирные обменные отношения. Все это отразилось на облике поселений куро-аракской культуры: жилища расположены компактно, сохранились следы улиц, отсутствуют оборонительные сооружения.

Мирная жизнь земледельческого поселка способствовала довольно раннему выделению домашних ремесел в самостоятельные отрасли хозяйства. В этом отношении особенно показательно керамическое производство — гончарство.

По сравнению с предыдущей эпохой, энеолитом, уже в начале бронзового века наблюдается большой прогресс в гончарном деле. Керамика куро-аракссской культуры, как и майкопская, качественно отличается от глиняной посуды энеолита. Значительно усовершенствовалась сама технология гончарного производства, разнообразны стали формы и назначение керамических сосудов.

Керамика на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане эпохи ранней бронзы изготовлена из тщательно приготовленной глиняной массы с примесями, необходимыми для прочности изделия. Почти вся керамика покрыта снаружи тонким ангобом, на внутренней стороне сосуды имели своеобразную «подкладку» красного цвета. Лощение доведено до металлического блеска. Вся керамика ручной лепки, но в ее формовке гончары достигли небывалого мастерства. Изготовлялись и миниатюрные кубки, и прочная кухонная посуда, и большие сосуды для хранения запасов, в том числе — зерна. Некоторые сосуды украшены выпукло-вогнутыми и рельефными изображениями в форме спиралей, концентрических кругов или геометрическим орнаментом. Ничего подобного мы не наблюдаем на Западном Кавказе у Майкопских гончаров.

Такую посуду можно было изготовлять, только достигнув необходимого режима обжига готовых изделий. Основным условием была высокая температура, ровный обогрев всего изделия. А для этого необходима гончарная печь. Археологам удалось открыть такую печь на поселении Великент в Дагестане. Интересно, что печь находилась не в самом селении, а в стороне и была устроена на небольшом, по-видимому, искусственном холме, на западном его склоне. Печь сооружена в яме диаметром около 3,5 м. Стенки гончарной печи выложены из речного булыжника на глиняном растворе и обмазаны с двух сторон глиной. Печь имела свод, который также был выложен булыжником и опирался на каркас из прутьев. Перед нами довольно сложное сооружение, специально построенное для ремесленного произ-

водства. Можно полагать, что некоторая часть посуды все еще производилась домашним способом, но основная ее масса стала уже продуктом ремесла. Можно представить себе маленький поселок гончаров за околицей селения Великент, где археологи обнаружили остатки гончарной печи. Гончары построились на небольшом холмике, а по его скату соорудили гончарные печи. С раннего утра дымилось топливо, а в верхней печи рядами блестели уже подсохшие сосуды. До нас не дошли устройства, с помощью которых удавалось поднять температуру до нужной отметки. Можно, однако, не сомневаться, что такие устройства были, иначе гончарам не удалось бы добиться ровного и достаточного обжига, который свойственен керамической посуде ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Очень возможно, что продукция великентских мастеров не только удовлетворяла потребности селения, но и сбывалась соседям.

ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН

Уже в эпоху ранней бронзы в горном Дагестане наметился качественно новый этап в развитии производящего хозяйства. Если в эпоху энеолита поселения возникали по долинам рек, а сами долины использовались для посевов, то теперь (III—II тыс. до н. э.) поселения возникают во всех природных зонах, включая высокогорья внутреннего Дагестана. Они располагались вдоль больших рек и на крутых склонах, в труднодоступных местах, на плато и даже на горных вершинах. Характерно, что в эту эпоху поселения нередко бывали защищены естественными условиями, часто окружались каменными стенами. Очевидно, и здесь, как на Западном Кавказе, имущественное неравенство повлекло за собою социальное расслоение, выделение богатых родов, а как следствие — практику грабительских набегов.

Освоение высокогорий было первым следствием роста населения. Производящее хозяйство продвинулось в горные районы. Здесь условия хозяйствования были совсем иными, чем в долинах. Посевные площади настолько увеличились, что потребовали применения примитивных, на первых порах, пахотных орудий. При этом впервые для пахоты была использована тягловая сила животных. В. Г. Котович в исследовании, посвященном древнему хозяйству Дагестана, предположил использование деревянной сохи. Надо только учесть, что такая соха могла применяться при распашке заранее окультуренной почвы. Первоначальная ее обработка производилась, как и прежде, мотыгой.

Даже теперь, через много веков и тысячелетий, сохранились в горном Дагестане целые амфитеатры террас, спускающихся гигантскими ступенями по склонам гор. Это — следы террасного земледелия, возникшего в эпоху ранней бронзы. Сооружение террас происходило путем длительного распахивания горного склона, причем пахотное орудие направлялось поперек покатости, сдвигая культурный слой сверху вниз. При этом терраса расширялась и поверхность ее становилась все бо-

лее горизонтальной. Это было очень важно, ибо с крутых склонов летние ливни снесли бы весь пахотный слой до каменного основания. «В Дагестане, — писал Н. И. Вавилов, — можно выделить интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли... Можно учиться умению рационально использовать клочок ценной земли. В Дагестане можно видеть изумительные земледельческие террасы, расположенные применительно к рельефу огромными многоэтажными амфитеатрами»[6].

Наибольшее число террас находится в районах горного Дагестана, заселенных еще в глубокой древности. Ближе к Главному Кавказскому хребту террасные поля не встречаются. Здесь земледелие занимало второстепенное место в хозяйственной деятельности горцев; основой хозяйства было скотоводство, разведение мелкого рогатого скота. На зиму скот перегоняли в долины среднего Дагестана, где он содержался на подножном корме.

Другой скотоводческий район находился в Приморской низменности. Жаркий, засушливый климат не позволяет здесь заниматься земледелием без искусственного орошения.

* * *

Второе тысячелетие до н. э. на Северном Кавказе ознаменовалось расцветом культуры бронзового века. Особое значение приобрела знаменитая кобанская культура, ареал которой распространялся от верховьев Кубани до современной Чечено-Ингушетии. Ученые выделяют несколько вариантов кобанской культуры. Уже на позднем ее этапе появляются признаки использования нового металла — железа. Пока оно служит в качестве украшения бронзовых изделий, их орнаментации, но постепенно железо вытеснит бронзу, превратится в основное сырье и даст мощный импульс нового подъема цивилизации.

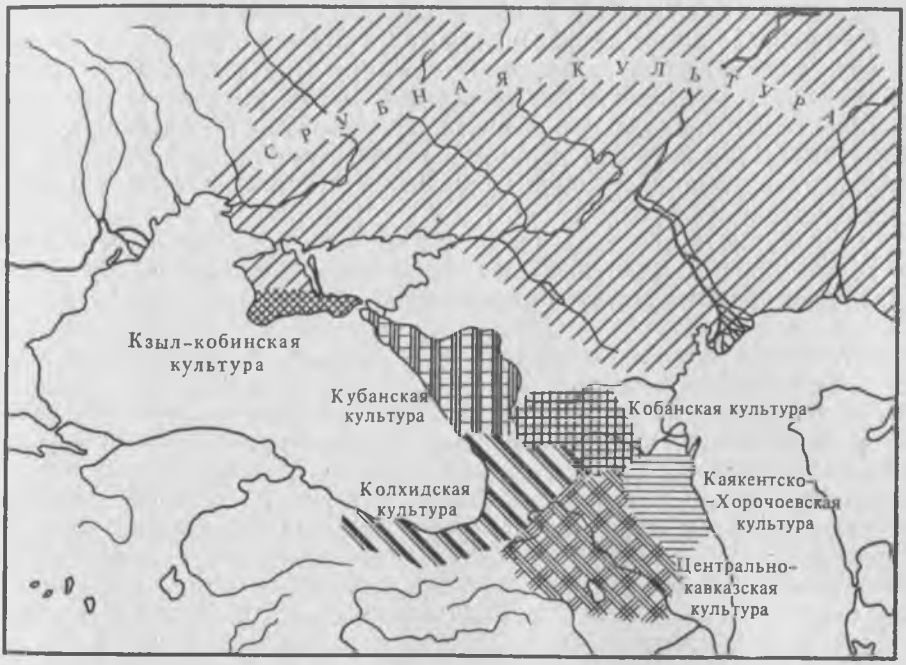
Кобанская культура была вершиной медно-бронзовой металлургии. Оружие, орудия труда, украшения — непревзойденные образцы высокохудожественного и продуманного производства. Они и сейчас украшают музеи и собрания не только нашей страны, но и за рубежом.

Металлургия была только одной из отраслей производственной деятельности кобанских племен. Общий подъем хозяйства и развитие производительных сил обусловили большие перемены в земледелии и скотоводстве. И то, и другое сохраняли свои позиции: первое в предгорьях и на равнинах, второе — в горных районах. Земледельческое производство обогатилось рядом новых орудий, значительно повысивших производительность труда земледельца. Вместо деревянного серпа с кремневыми вкладышами появился бронзовый серп. Мотыжное земледелие все еще господствовало в горах; но в предгорьях и на равнине

---

[6] Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. — Природа, 1936, № 2, с. 80.

стал применяться пусть примитивный, но более продуктивный (по сравнению с мотыгой) плуг. Эти два орудия неотделимы друг от друга. В самом деле, если мотыжное земледелие обеспечивало обработку сравнительно небольших участков, то и деревянный серп по своей производительности вполне удовлетворял требованиям жатвы — с его помощью жнецы вполне справлялись с небольшими площадями. Но



Археологические культуры эпохи бронзы

убрать урожай с площадей, обработанных плугом (т. е. вспашкой с применением тягловой силы крупного рогатого скота), деревянным серпом с кремневыми вкладышами стало не под силу самым опытным жнецам. Понадобился металлический серп, в данном случае бронзовый. Изменения произошли и в оснащении орудий труда по обработке зерна: на смену зернотеркам появились первые, пока что ручные, жернова. В пользу распространения пашенного земледелия у кобанцев говорят и многочисленные находки костей крупного рогатого скота на поселениях. Характерно, что крупный рогатый скот преобладает в стаде в предгорьях и на равнине. В горах, где площади под посевы были незначительны, продолжало существовать мотыжное земледелие.

В конце II — начале I тыс. до н. э. скотоводство в горных районах

Центрального Кавказа приобретает формы отгонного содержания скота. Здесь преобладали овцы и козы. Есть данные, свидетельствующие, что в зимнее время скот содержался на подножном корме в степях Западного Прикаспия; в I тыс. до н. э. здесь простиралась разнотравная степь, росли широколиственные леса, край был хорошо обводнен. В зимние месяцы скот находил подножный корм. В таких условиях животноводство древнего северокавказского общества было ведущей отраслью хозяйства. Но оно стало таковым только после освоения отгонной формы, т. к. заготовка сухих кормов на зиму в условиях горной природы была невозможна. Что же касается крупного рогатого скота, то его содержание оставалось придомным.

Отгонное скотоводство трудно представить без лошади. Находки бронзовых фигурок лошади среди кобанских древностей, а также деталей верховой упряжи свидетельствуют о широком развитии коневодства у горцев.

Уже кобанские металлурги научились изготовлять из железной руды довольно чистый металл. Наряду с традиционными бронзовыми топорами кобанского типа, все чаще попадаются железные орудия производства, в том числе — железные топоры, секиры, скребки и др. Накопление богатств усилило процесс имущественного расслоения.

IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

На рубеже новой эры в степях и равнинных предгорьях Кавказа установилось полное политическое господство сармато-аланских племен. Местное население было вынуждено либо откочевать в горы, либо подчиниться власти пришельцев и постепенно ассимилироваться в их среде. Лишь потомки меотов, в которых ученые видят предков современных адыгов, сумели не только удержаться на местах прежнего обитания, но и сохранить свою самостоятельность.

Начало I тыс. н. э. для народов Европы и Азии ознаменовалось бурными политическими событиями. Нередко это время называют «Великим переселением народов». Кавказ не остался в стороне от этих процессов. В конце IV в. здесь появились кочевники-завоеватели под главенством гуннов. Пало Боспорское государство, разгромлены в степях аланы (аланский племенной союз), и значительной части этого ираноязычного населения пришлось искать убежища в горных районах Кавказа от р. Лабы и Урупа до р. Ассы в Чечено-Ингушетии. Подобное массовое переселение народов существенно повлияло на процессы иранизации горного населения этого района, которое, как мы видели, могло начаться несколько ранее, т. е. в эпоху междоусобных войн за политическое господство между скотоводческими племенами степей общего сармато-аланского круга.

Появление и распространение железных орудий труда резко подняло производительные возможности общества. Еще в раннем железном веке у народов Кавказа патриархально-общинные отношения стали сменяться феодальными. Бытовавшее здесь рабство в его первоначальной, «домашней» форме нигде, кроме государства синдов, не играло существенной роли. В первой половине I тыс. н. э. феодальные отношения приобрели устойчивость.

Укреплению классовых отношений способствовали и внешние условия — появление мощных потоков завоевателей, которые не только смещали многие группы населения со своих традиционных мест жительства, но и ставили их в положение зависимых, неполноправных групп. Увеличились возможности стремительного обогащения за счет грабежа и насилия над соседями. В этой сложной обстановке происходят процессы формирования большинства современных народов Северного Кавказа, их этнического своеобразия и самобытности.

АДЫГИ

Адыги, живущие на Северном Кавказе, в настоящее время образуют три ветви: собственно адыгейцы — в Адыгейской автономной области Краснодарского края, кабардинцы — в Кабардино-Балкарской автономной республике, черкесы — в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Самоназвание этих народов — адыге.

Существует несколько гипотез о происхождении народов адыге. Одни исследователи (Л. И. Лавров) придерживаются версии о северном происхождении адыгов, т. е. предками адыгов считают племена киммерийцев (предшественников скифов), издавна заселявшие Нижнюю Кубань и Таманский полуостров. Это была та часть киммерийцев, которые составляли коренное население Северо-Западного Кавказа. Эти же киммерийцы якобы были генетически связаны с носителями катакомбной культуры. Последние исследования археологов и антропологов (по материалам степных культур Юго-Восточной Европы) свидетельствуют, что киммерийцы связаны с племенами срубной культуры и относятся к числу древних протоиндоевропейцев.

Некоторые ученые (например, А. Намиток) связывают этногенез адыгов с фракийцами, сарматами, теми же киммерийцами. Наконец, существует гипотеза (Н. Я. Марр, И. А. Джавахишвили) о так называемом «южном» происхождении адыгов — и скифы, и сарматы принадлежат к древним племенам абхазо-адыго-чеченского круга. Продвинувшись из Малой Азии, скифы и сарматы заселили степи Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа. Адыги — остатки древнего населения Предкавказья. Такое предположение противоречит современным взглядам на скифо-сарматскую проблему.

Большинство исследователей придерживается теории автохтонного происхождения адыгских народов. Существенный вклад в изучение этого вопроса внес археолог-кавказовед Н. В. Анфимов, который установил генетическую преемственность адыгской культуры и наследия меотских племен — обитателей Нижнего Прикубанья в эпоху раннего железа. Об этом говорилось ранее. Таким образом, археологические материалы достаточно убедительно свидетельствуют о местном, автохтонном происхождении современных адыгов: т. е. адыги — исконные жители Северо-Западного Кавказа. Мы убедились, что меоты и их предки по антропологическим признакам относились к понтийскому типу средиземноморской расы. К этому же типу (в том или ином варианте) относятся и современные адыги.

Если ранний период этнической истории Северного Кавказа характеризуется данными археологии, антропологии и лингвистики, то эпоха раннего железа представлена дополнительно письменными источниками, свидетельствами античных авторов и эпиграфическими памятниками Боспорского государства.

Археологические исследования памятников Нижнего Прикубанья показали, что адыгские древности раннего средневековья генетически

связаны с позднемеотскими. Это относится как к погребальному обряду, так и к материальной культуре могильников и поселений. Доказано, что даже в X—XIII вв. не прекращается жизнь на многих поселениях Причерноморья и Закубанья, которые возникли еще в античное время.

Археологи установили, что курганные могильники X—XIII вв. домонгольского времени имеют много общего с адыгскими курганными могильниками XIV—XVI вв. На протяжении более полутысячелетия облик адыгских погребений почти не менялся. Создается впечатление, что в конце IV в. н. э. после гуннского вторжения хозяйство степного Предкавказья пришло в упадок. Уцелевшее население Нижнего Прикубанья ушло в закубанские земли и в предгорья. Часть адыгов скрылась в верховьях Кубани. Здесь, среди аланских памятников раннего средневековья, выделяются погребальные сооружения, которые, по мнению археологов (Е. П. Алексеева, В. А. Кузнецов), можно отнести к числу адыгских древностей. Это — наземные и подземные гробницы, наземные дольменообразные склепы. К сожалению, все они почти полностью разграблены. Лишь некоторые погребения сохранились. Так, Нижне-Архызский и некоторые другие могильники сохранили древние меото-адыгские традиции: обычай класть под голову покойника каменную плитку. О присутствии в Верхней Кубани адыгского этнического элемента говорят и наблюдения антропологов: генетическая картина современного адыгского населения запечатлелась на краниологическом материале могильника Мощевой балки. Даже вариации антропологического типа современных адыгейцев (по наблюдениям В. П. Алексеева) повторяются в краниологическом материале XIV—XVI вв. Е. И. Крупнов считал, что формирование древних народностей Северного Кавказа, в том числе адыгской, тесно связано с развитием материальной культуры I тыс. до н. э. в ее локальных вариантах. Таким вариантом была меотская культура в Нижнем Прикубанье. В античную эпоху консолидация меотских племен продолжалась в рамках Боспорской и Синдской держав, после гибели которых этот процесс возобновился уже в конце I тыс. н. э.

Некоторые исследователи (например, Л. И. Лавров) полагают, что в раннем средневековье консолидация адыгских племен продолжилась при главенстве приморского племенного союза зихов. Однако такое предположение не согласуется со свидетельством римских писателей о народах Северо-Западного Кавказа в начале I тыс. н. э. Римские хронисты перечисляют ряд племен, объединенных собирательным именем меоты. Это были прямые предки адыгов. Другие же народы — зихи, ахеи, керкеты — представлялись античным авторам отдельными этническими образованиями, не связанными с меотами. В следующем разделе мы вернемся к этому вопросу, а сейчас обратим внимание на то, что уже во второй половине I тыс. н. э. литературные источники упоминают на Северо-Западном Кавказе косогов одновременно с зихами. Арабские авторы называли косогов кешак — кашак-

кашк. Аль Масуди, например, всех адыгов именует кашак и говорит о них как о едином народе с единым языком; по его мнению, они жили в горах к западу от р. Лабы. Единым народом считали касогов и русские летописи. Только в XIV в. под влиянием татар и крымских турок термин «касог» сменяется названием «черкес» [1].

В самом начале XIII в. в степях, прилегающих к Северному Кавказу, появляются монголо-татары. Новые завоеватели изменили этнополитическую карту степного и горного Северного Кавказа, так как их целью было не просто сокрушить противников на своем пути, не только пограбить местное население, но и установить свое политическое господство в этом регионе.

Заключив временный политический союз с местными тюркоязычными группами (половцами и др.), моноголо-татары нанесли аланам, аланскому племенному союзу сокрушительное поражение, после которого значительная часть алан была вынуждена бежать в горы, в ущелья Кубани и Терека. На новых местах расселения аланы потеснили горцев, с которыми их связывало длительное общение.

Но теперь предгорья от р. Лабы до Терека оказались безлюдными. Сюда и устремились адыги, которые расселились на широких просторах новых пастбищ и пахотных участков. Так, во второй половине XIV в. началось заселение кабардинцами нынешнего Пятигорья и Кабарды. От основного адыгского массива отделилась восточная часть, и со временем образовался особый народ — кабардинцы. Западные же адыги так и остались в бассейне средней Кубани, они снова заселили Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье, оттеснив к югу потомков зихов — абазин. Развитие феодальных отношений у западных адыгов шло значительно медленнее, чем у кабардинцев. Даже в середине XIX в., западные адыги делились на множество племен. Во главе одних стояли княжеские династии, другие были вольными, т. е управлялись выборными старшинами. В начале второй половины XIX в. значительные группы адыгов переселились в Турецкую империю в разные ее части вплоть до Болгарии.

---

[1] Я. А. Федоров исходит из представления, что адыге на рубеже I—II тыс. н. э. представляли уже достаточно сплоченную этническую общность, которая имела одно название, один этноним — кашаг-касог. Другие этнонимы он считает либо поздними, либо не адыгскими (например, зихи). Такое решительное противопоставление не совсем справедливо. Даже для этого времени адыгская этническая общность была крупным объединением. Естественно, что такое объединение внутри общности распадалось на отдельные части, подразделения, племена, каждое из которых могло иметь свое имя, что мы и видим на примере керкетов и более поздних черкесов. Подобные локальные этнонимы не попадали на страницы письменных источников, и в этом нет ничего необычного для тогдашнего понимания сути политической принадлежности. Имело значение и называлось в письменных документах лишь имя, этноним главного племени, главного подразделения всего сообщества народов или его этнографических групп.

КАБАРДИНЦЫ

Ближайшими соседями адыгов были аланы. Аланы занимали обширные пространства в предгорьях и на равнинах Северного Кавказа к востоку и юго-востоку от левого притока р. Кубани—Лабы вплоть до Дагестана. Аланы занимались скотоводством и пашенным земледелием. Им были известны и способы получения меди и железа. К концу I тыс. н. э. у алан сложились раннефеодальные отношения; образовалось объединение племен с двумя центрами: на западе большой город в верховьях притока Кубани на р. Архыз, на востоке — город на р. Сунже.

В 1222 г. со стороны Закавказья через Дагестан в пределы Алании вторглись отряды монголо-татар. Походы Батыя завершили разгром Алании и установили власть монголов как в Предкавказье, так и на всем Кавказе. Значительная часть алан была истреблена, некоторые укрылись в Крыму, Молдавии, Венгрии, где слились с местным населением. Уцелевшие племена алан ушли в горы, в верховья Кубани и Терека и расселились между аборигенами-горцами, потомками кобанской культуры. Часть алан продолжала жить в степной зоне.

Еще в начале XI в. в Предкавказье стали проникать кочевники-тюрки, сначала печенеги, потом половцы. Под их давлением часть адыгов начала продвигаться вдоль северных предгорий Кавказа — на юго-восток. Не только вторжение тюрок заставляло адыгские племена бросать насиженные места: в процессе становления феодальных отношений господствующая племенная верхушка адыгов стремилась расширить пастбищные и пахотные угодья. Продвижение сопровождалось вооруженной борьбой с аланами и другими коренными жителями территории Северного Кавказа по Кубани и к востоку от нее.

Разгром аланского объединения монголо-татарами способствовал продвижению определенной части адыгских племен в Приэльбрусье. Адыги заняли пастбищные и пахотные земли на обширных пространствах в предгорьях Центрального Кавказа. Это привело к некоторому обособлению этих племен от адыгов, оставшихся на Северо-Западном Кавказе, к образованию различий в языке. Ассимиляция с частью коренного населения Центрального Кавказа привела к образованию особого народа абхазоадыгской группы — кабардинцев, которые унаследовали развитые феодальные отношения.

Вторая половина XIV в. была для народов Северного Кавказа едва ли не самой трагичной и кровавой. На территории стареющего конгломерата государств, оставшихся после Чингисхана, появился новый завоеватель — Тимур. Укрепив свое владычество в Средней Азии, он нанес несколько сокрушительных ударов Золотой Орде, захватил и разграбил ее столицу, после чего появился со своими войсками на Северном Кавказе. Местные народы старались отстоять самостоятельность, но Тимуру удалось сломить их сопротивление и не только опустошить и покорить степные пространства, но и продвинуться

в глубь гор, куда прежние завоеватели заходить не отваживались. Все эти походы Тимура отличались особой жестокостью; целые области опустошались, население истреблялось или уводилось в плен.

Но в то же время такая жестокость заставляла отдельные группы кабардинцев сплачиваться и объединяться, что способствовало укреплению власти князей (как руководителей военного сопротивления), ускоряло и процессы слияния с кабардинцами тех мелких групп местного населения, которые жили здесь раньше. Хотя кабардинцы сохранили с адыгами общность языка и культуры, их жизнь в новых условиях, в отрыве от западных адыгов, неизбежно привела к обособлению. К XV в. они закрепились на землях, которые населяют и теперь: на равнинах и в предгорьях по левым притокам р. Терека до входа в горные ущелья и на землях по правому берегу р. Терека до р. Сунжи. Между Кубанью и Лабой жили бесленеевцы, а по верхней Кубани — абазины.

АБАЗИНЫ

Самоназвание абазин — абаза. По языку абазины делятся на две этнические группы — тапанта и ашкарауа. Оба языка — по существу диалекты одной из крупных языковых общностей — абхазской. При этом язык или диалект ашкарауа особенно близок абхазскому языку; тапантинский диалект (под влиянием адыгского) несколько отдалился от абхазского.

Абазины живут в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края в бассейне рек Кубани и Кумы. Однако абазины Северного Кавказа не теряют связей с абхазами; среди абхазов у них немало родичей. Языковая общность абазин и абхазов явилась одной из причин появления нескольких версий по поводу этнических взаимоотношений этих двух народов.

Наиболее распространены три точки зрения на происхождение абазинского народа. А. Н. Генко и другие считают, что северокавказские абазины в прошлом составляли с абхазами одну народность. Абазины выделились из этой народности, переселившись на северные склоны Кавказского хребта.

Вторую точку зрения, по которой абазины и в древности были самостоятельной народностью, поддерживает Л. И. Лавров, который считает, что близость абазинского языка к абхазскому возникла благодаря этно-культурному влиянию абхазов, по соседству с которыми жили абазины до выселения из Восточного Причерноморья на Северный Кавказ.

Абазины — часть абхазов, но их обособление произошло еще на прежней родине — в Причерноморье (абхазский ученый Ш. Д. Инал-ипа, Е. П. Алексеева и другие). Эта версия наиболее подкреплена фактами. Согласно этой теории, еще до переселения на Северный Кавказ абазины являлись частью общеабхазского этнического массива. При этом абхазы занимали южную часть территории и граничили с юга

с Мегрелией; абазины в составе многих племен населяли северо-западную горную область Абхазии и побережье Черного моря от р. Бзыби до территории адыгов. С адыгами абазины граничили на Северо-Западном Кавказе. Граница часто менялась, но судя по топонимам, когда-то проходила в районе Новороссийска. На рубеже н. э. в пределах нынешней Абхазии и к северо-западу от нее вдоль побережья Черного моря и в прилегающих горах обитали родственные племена. По свидетельству античных авторов, это были апсилы, абазги, саниги, зехи или зихи. Именно зихи образовали первый крупный племенной союз, вокруг которого объединились другие здешние племена, с которыми связаны генетически протоабазины.

Древнее племенное название зихи еще недавно употреблялось грузинами в форме джики для обозначения племен Малой Абхазии, расположенной к северо-западу от собственно Абхазии за р. Бзыбь. Малая же Абхазия еще в средневековье была населена древними абазинскими племенами. «Азыгьа» и до сих пор известно у адыгов для обозначения абхазов-абазин. Поэтому вряд ли уместно приписывать зихам роль ведущего племени, вокруг которого после разгрома меотов гуннами началась консолидация протоадыгов. Такой точки зрения придерживается Л. И. Лавров и некоторые другие исследователи. В то же время эти ученые приписывают консолидирующую роль и касожскому племенному союзу в Закубанье. Византийские авторы упоминают зихов и косогов (косогдиан), не смешивая их. Косоги упоминаются и в русских летописях именно как адыги-черкесы. Средневековые авторы так и называют адыгов — «керкеты». По-видимому, следует все же зихов рассматривать как предков абазин, а керкетов-касогов-кашаг как предков адыгов. Тем более, что зихи населяли именно ту часть Восточного Причерноморья, где в средние века было главное место обитания абазинских племен. В связи с этим можно привести еще одно свидетельство. Дионисий Периегет (конец I — начало II в. н. э.) сообщает о племенах, населявших Восточное Причерноморье в его время. Счет идет с северо-запада на юго-восток. Это были (по его словам) синды, керкетии, тореты. За ними — гениохи и зигии; дальше — колхи. В X в. н. э. Константин Багрянородный называет область Восточного Причерноморья к северо-западу от р. Бзыбь Авазгией. Надо полагать, что Авазгия и была той местностью, где формировалась абазинская народность.

Е. П. Алексеева предлагает интересную гипотезу, основанную на наблюдениях археологов. Известно, что в горной Абхазии, откуда переселились на Северный Кавказ абазины ашкарауа, в раннем средневековье бытовала так называемая цебельдинская культура, характерным признаком которой является кремация покойников. Этот способ погребения совершенно не свойствен абхазам и их предкам. Е. П. Алексеева высказала идею, что погребения с кремацией принадлежат предкам абазин. Она прослеживает этот обряд на многочисленных памятниках средневековья вдоль всего побережья Черного моря от Туапсе и

далее на северо-запад до Анапы. Имеются погребения с трупосожжением и среди адыгских погребальных сооружений — курганов в Закубанье. Датируются трупосожжения V—XIV—XV вв. Е. П. Алексеева выявляет определенную связь найденных погребений с кремацией с направлением движения предков абазин из пределов Восточного Причерноморья на Северный Кавказ — в Закубанье, где абазины известны уже по письменным источникам и по архивным документам.

Абазины переселялись на Северный Кавказ из Причерноморья в течение многих десятилетий. Первые сведения об абазинах на северных склонах Кавказа относятся к рубежу XIII—XIV вв. Сначала абазины — жители прибрежной полосы Черного моря, перегоняли скот на летние пастбища в верховья рек: Лабы, Урупа, Зеленчуков, Кубани. До недавнего времени абхазы использовали скотопрогонные маршруты через Красную поляну, Санчарский, Марухский и Клухорские перевалы. Надо полагать, что эти маршруты были освоены абазинами-скотоводами еще в древности. Главный путь шел по Кодорскому ущелью, которое издревле соединяло Абхазию с Северным Кавказом. Это был так называемый Мисимийский или Абхазский путь — от берегов Черного моря, через Северный Кавказ — к Каспию. Собственно абхазским был отрезок пути от Черного моря до Кубани. До сих пор сквозь тюркскую топонимику Карачая просвечивают реликты абхазо-абазинской топономики, оставленной жившими здесь абазинскими переселенцами. Толчком к заселению абазинами левых притоков верхней и средней Кубани послужил разгром Алании монголо-татарами в 1221—1223 гг. Запустели земли Западной Алании, жители ушли в горы Верхней Кубани. На их место хлынули абазинские переселенцы, давно освоившие высокогорные пастбища по Урупе, Лабе, Зеленчукам, они поселились в предгорьях, в частности, в ущелье Архыза. По карачаевским преданиям здесь карачаевцы столкнулись с переселенцами-абазинами. По сведениям самих абазин, они занимали и ущелье Теберды. Там, кстати, тоже сохранились абхазские топонимы-реликты. Часть абазин заселила водораздел Кумы и Кубани. О том, что в монгольское время абазины уже обитали на Верхней Кубани и ее притоках в XIV в., можно судить по сообщению историка походов Тимура Низам ад-Дин Шами, который в хронике пишет, что исходным плацдармом Тимура до его нашествия на верхнюю Кубань служили «местность Абаза», т. е. абазинские земли. Вероятно, речь шла о равнине по среднему течению Зеленчуков, левым притокам Кубани. Здесь обитали в то время первые переселенцы-абазины; они относились к группе тапанта, что на восточноиранском наречии означает «равнинные».

Переселение основной массы абазинских племен из Восточного Причерноморья (Новороссийск — Туапсе) дало возможность части прикубанских адыгов выйти к морю. Это были шапсуги, которые и теперь обитают в районе нынешнего Краснодара. Не все абазины покинули исконные земли на побережье. Живя бок о бок с переселенцами-адыгами на общеадыгской территории, они постепенно «очеркеси-

лись», утратили свой язык и даже обычаи, целиком вошли в состав так называемых «черноморских шапсугов». Как предполагает Л. И. Лавров, этот процесс нашел отражение в соответствующем антропологическом типе, который по основным показателям не отличается от антропологического типа южных соседей абхазов.

В XVII—XVIII вв. последними переселились на Северный Кавказ из горной Абхазии (урочищ Псоу, Ахчипсоу, Мдовей) абазины. Сначала они занимали глухие ущелья левых притоков Кубани. В XIX в. царская администрация, стремясь укрепить кавказскую линию против «немирных горцев», переселила «мирных» абазин на равнины в пределы нынешней Карачаево-Черкесии.

В результате такого переселения абазины оказались в меньшинстве среди черкесского населения области. Черкесы Верхней Кубани — это кабардинцы, пришедшие сюда сравнительно поздно, в XVII в. В конце XVIII — начале XIX в. на территорию Карачаево-Черкесии прибыли новые переселенцы из Кабарды — представители сословия, зависимого от феодалов. Здесь, среди сравнительно немногочисленного абазинского населения, они заняли пустовавшие земли и нашли свою вторую родину. Много позднее, уже в советское время, в пределах Карачаево-Черкесии образовалось современное черкесское население области. Абазины же сохранили свою обособленность, как сохранили они и языковое деление на тапанту и ашкарауа. Живут они и теперь в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края в одних селениях с черкесами.

КАРАЧАЕВЦЫ, БАЛКАРЦЫ

К тюркоязычным народам Центрального Кавказа относятся карачаевцы и балкарцы. По своему происхождению, по языку, по материальной и духовной культуре эти народы столь близки, что рассматривать их этногенез раздельно нет смысла. Не должно смущать то обстоятельство, что ныне карачаевцы и балкарцы живут административно разобщенными — одни в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, другие —в Кабардино-Балкарской автономной республике. Географически оба народа также разделены: между Карачаем и Балкарией находится целая система высокогорных хребтов и плоскогорий Приэльбрусья. И все же, исторически оба народа восходят к одному корню.

Антропологически и карачаевцы, и балкарцы — ярко выраженные представители горнокавказского, так называемого кавкасионского типа. Карачаево-балкарский язык относится к половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков алтайской языковой семьи. В сравнительно недалеком прошлом оба народа составляли единую этническую группу в горах Приэльбрусья.

Существует несколько гипотез о происхождении карачаевцев и балкарцев. Наиболее аргументирована теория, согласно которой ос-

новным компонентом процесса формирования карачаевцев и балкарцев являлись коренные кавказские племена. По мере развития карачаево-балкарского этноса в него включались сначала ираноязычные аланские элементы, затем — тюркоязычные булгары и кыпчаки.

Многолетние исследования проблем Центрального Кавказа показали, что истоки этногенетических связей ведут к коренным племенам, носителям кобанской культуры бронзовой поры. В. И. Абаев убедительно показал, что в языке и фольклоре как карачаевцев и балкарцев, так и осетин имеется много общего. Это не продукт поздних заимствований: они отражают реликты глубоко автохтонной кавказской этнокультурной среды. Таковы многие географические названия (топонимы), связанные с материальной культурой, названиями растений, культовые термины. В карачаево-балкарском эпосе, преданиях, в языческих верованиях мы находим много общего с эпосом и древними верованиями других народов Северного Кавказа. Общий для них — культ бога охоты. Так, божество, покровительствующее охоте и охотникам, у осетин имеет название Афсати, у абхазцев — Абсат, у карачаевцев и балкарцев — Апсаты. Этот культ существовал еще в кобанское время. На одном из топоров, относящихся к кобанским древностям, изображена сцена борьбы воина с семью змеями. Согласно карачаевскому преданию, это — один из подвигов бога охоты Апсаты. Распространен на Северном Кавказе и культ покровителя скотоводства. У карачаево-балкарцев его имя Аймуш, у адыгов — Емыш, у кабардинцев — Аймыш.

Этнографические исследования показали, что как материальная культура, так и искусство карачаевцев и балкарцев близки общекавказским традициям. Элементы кобанской и даже докобанской эпох характерны для некоторых мотивов резьбы по дереву, шитья золотом и для орнаментов килимов — войлоков с узором. Археологи отмечают многие общие черты погребального обряда в ранних домусульманских могильниках карачаевцев и могильниках западно-кобанского круга. Можно полагать, поэтому, что как у осетин, так и у карачаево-балкарцев были общие предки — носители кобанской культуры.

Мы уже касались тех процессов, которые предшествовали гуннскому нашествию. В конце IV в. сармато-аланские племена были вынуждены уйти из прикавказских степей и укрыться в предгорьях и горных долинах Кавказа. В горах аланы оказались в окружении местных коренных племен, потомков создателей кобанской культуры, и, естественно, вступили с этими племенами в тесные взаимоотношения. В связи с этим большой интерес представляет один раннесредневековый этноним, упоминаемый в «Армянской географии» VII в. и относящийся к населению горных районов Центрального Кавказа. Это — аш-дигор. Несомненно, в основе этнонима лежат два названия: аш(-ас) и дигор. На дигорском диалекте осетинского языка говорит часть современных осетин-горцев. В далеком прошлом ас-дигоры занимали значительно бо́льшую территорию — Балкарию, верховья Кубани и Б. Лабы. По

мнению В. И. Абаева, этноним дигор также состоит из двух частей — диг и ор. Название диг (адиг) не переводится с помощью осетинского (аланского) языка. Вероятно, это название доаланское, возможно восходит к языку древних кобанцев. Тогда этноним ас-дигор мог быть самоназванием смешанного населения Приэльбрусья, образовавшегося в результате расселения части алан-асов в среде коренных кавказских племен.

Подтверждением того, что аланы-асы заселяли некогда большую территорию, в пределах которой впоследствии проходил этногенез тюркоязычных народов Центрального Кавказа, карачаевцев и балкарцев, могут служить многочисленные языковые и этнографические сходства, наблюдаемые у карачаево-балкарцев и осетин-дигорцев. Именно здесь, в Приэльбрусье, в горах Западной Алании, далекие предки карачаевцев и балкарцев смешались с здешними обитателями — аланами-дигорцами.

При таких условиях начался этногенез тюркоязычных народов Приэльбрусья. Имеются неоспоримые данные о том, что аланы приняли непосредственное участие в формировании этих народов.

Исследуя карачаево-балкарский язык, В. И. Абаев доказал, что в нем сохранились иранские (-аланские) элементы. Это реликтовый пласт, свидетельствующий об участии аланского компонента в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Не менее убедительны и данные этнографии. Е. Н. Студенецкая, изучая орнаменты карачаево-балкарских войлоков, а также золотого шитья, пришла к заключению, что в мотивах этих орнаментов отразились традиции аланского прикладного искусства. Некоторые элементы резного орнамента на деревянной утвари также восходят к аланской изобразительной традиции. Интересно наблюдение Е. П. Алексеевой относительно обычая карачаевцев и балкарцев вырезать на ручках деревянных чаш изображения козлов и баранов. По ее мнению, этот обычай сохранился как пережиток сармато-аланской традиции, для которой характерны зооморфные ручки.

В грузинских источниках упоминаются «басианы» — население ущелий Приэльбрусья, в частности, Баксанского, а также притоков Терека. Этноним басиане не что иное, как асы — ветвь аланского союза племен. Впоследствии, согласно некоторым источникам (Ламберти, Гербер), название асы прочно утвердилось за балкарцами, аланы — за карачаевцами. И теперь еще, обращаясь к незнакомому человеку, карачаевцы окликают его — алан.

Е. П. Алексеева справедливо приходит к выводу, что в распоряжении исследователей накопилось достаточно данных (языковых, археологических, антропологических, а также письменных источников), свидетельствующих, что аланы были одним из компонентов этногенеза карачаевцев и балкарцев. Письменные источники прямо говорят, что балкарцы и карачаевцы — последние носители этнонимов аланы и асы (ясы русских источников).

Другим пришлым компонентом в составе карачаевцев и балкарцев были, конечно, тюрки, которые проникали на Северный Кавказ в ранний период средневековья. Среди этих тюркских групп надо особо выделить болгарские племена[2], часть которых пришла из Зауралья вместе с гуннами, т. е. в конце IV в. Болгары составляли основу населения Хазарского каганата. После разгрома хазарами Великой Болгарии с центром на Таманском полуострове часть болгар двинулась на Северный Кавказ, где жили аланы. Болгарские древности известны в Пятигорье, в Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкесии. Речь идет, в частности, о Верхней Кубани и левых притоках Терека, где ныне живут балкарцы и карачаевцы.

Некоторые исследователи сопоставляют этнонимы болгар и болкар — балкарцы. Во всяком случае, с проникновением на территорию современной Балкарии и на Верхнюю Кубань докыпчакских тюрок начался процесс тюркизации аланского и доаланского населения. Трудно определить степень участия древних болгар в происхождении этих народов. Однако, есть свидетельства хорезмского ученого Аль Бируни (973—1048), что часть алан-асов говорила на смешанном языке — иранско-тюркском. О тюркизации населения Верхней Кубани в раннем средневековье говорят и рунические надписи, открытые при раскопках Хумаринского городища близ Карачаевска. Можно полагать, что в результате проникновения алан в Предгорья Центрального Кавказа и смешения их с аборигенами там установилось двуязычие. Языковая неустойчивость способствовала укреплению позиций тюркского языка, распространившегося на Северном Кавказе в хазарскую эпоху.

Исследования лингвистов показали, что кыпчакский язык был основой формирования языка карачаевцев и балкарцев. Разительно сходство этих языков с языком известного памятника XIV в. — Кодекса Куманикус кыпчакско-латинско-венгерского словаря. Немало примеров кыпчакского наследия в Приэльбрусье дают исследования этнографов. Е. Н. Студенецкая утверждает, что именно кыпчакские

---

[2] Этноним болгар (булгар, българ) появляется в письменных источниках 1 тыс. н. э. для обозначения кочевых скотоводческих племен, живших на довольно обширной территории от р. Иртыш до современной Болгарии. Большая часть исследователей считает их наиболее ранними группами тюркского (по языку) населения, появившегося в Восточной Европе. Собирательное название «болгары» включало группу племен (сарагуры, оногуры, савиры и др.). По-видимому, далеко не все они находились в родственных отношениях с основными племенами, которые использовали свое военно-политическое влияние. Древнеболгарские племена играли заметную политическую роль и в жизни разных районов Восточной Европы и Северного Кавказа. В VII в. часть древних болгар во главе с Аспарухом участвовала в походе кочевников на Запад, и дойдя до современной Болгарии, осела там и полностью растворилась в среде местного населения. О роли древнеболгарских племен на Северном Кавказе Я. А. Федоров писал в своем предыдущем исследовании (Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978). Не следует путать болгар Кавказа, аспаруховых болгар и булгарское царство в Поволжье, несмотря на то, что в формировании населения всех этих этнических образований принимали участие различные группы древнеболгарских племен.

элементы составляют орнаментальные мотивы аппликативных войлоков, изготовляемых карачаевцами и балкарцами. Напомним, что сам обычай изготовления войлоков, особенно узорных, совершенно не характерен для горских народов Кавказа, зато часто встречается у кочевников. По данным археологии, кыпчаки появились в Приэльбрусье на Верхней Кубани и в Балкарии в XIII в. По свидетельству Ибн ал Асира, часть кыпчаков, разгромленных монголами в 1222 г. в степях Предкавказья, ушла в горы и поселилась среди аланского населения. Надо полагать, что расселение тюркских племен среди коренного населения Приэльбрусья и было завершающим актом тюркизации по языку предков карачаевцев и балкарцев.

Следует отметить, однако, что тюркизация в Приэльбрусье не сопровождалась резкими изменениями в жизни и культуре населения: появление кочевников-тюрок не изменило антропологического типа, сам процесс формирования карачаево-балкарского народа происходил на базе коренного кавказского субстрата, и карачаевцы, и балкарцы по материальной и духовной культуре — коренные кавказские горцы. Этнографические исследования показали, что некоторые элементы кочевничества сохранились у них в форме пережитков.

К сожалению, до XVII в. мы не имеем сведений ни о карачаевцах, ни о балкарцах под их собственными этнонимами. Первые письменные сведения об этих народах мы встречаем в русских и западноевропейских источниках XVII в. Первое упоминание — в статейных списках московских послов в «Дадианскую землю» — Мегрелию Ф. Елчина и П. Захарьева. В 1639—1640 гг. на пути в Мегрелию и обратно они проходили через «Карачаеву Кабарду». По-видимому, речь идет о ветви карачаевского народа, обитавшего в Баксанском ущелье в современной Балкарии. Следующее упоминание о карачаевских черкесах мы находим в отписке терского воеводы М. И. Волынского (1643 г.). Примерно к тому же времени относится свидетельство Ламберти. В «Описании Колхиды» он помещает карачаевцев в верховьях Кубани. По устным преданиям карачаевцев, их предки заселили верхнюю Кубань в XIV в. Это предание вполне соответствует археологическим данным. Что касается балкарцев, то о них, как древних жителях левых притоков Терека, мы имеем свидетельства грузинских средневековых источников, которые полностью подтверждаются археологическими данными.

Изложенная выше гипотеза о присхождении карачаевского и балкарского народов наиболее аргументирована. Это необходимо отметить потому, что тюркский язык поставлял главный аргумент в пользу различных гипотез о происхождении этих народов где-то «на стороне». Привлеченные данные свидетельствуют об их автохтонном происхождении, т. е. и карачаевцы и балкарцы — коренные народы Северного Кавказа.

ОСЕТИНЫ

Осетины населяют центральную часть Кавказа по обеим сторонам Главного Кавказского хребта. Основной территорией формирования осетинского народа была нынешняя Северная Осетия. Настоящее деление Осетии на Северную (в пределах РСФСР) и Южную (в пределах Грузинской ССР) сложилось несколько позже, в эпоху средневековья.

Климатические и географические условия Осетии разнообразны. Северная, равнинная часть республики относится к зоне степей. Климат здесь умеренно теплый, засушливый; в предгорьях—более мягкий и влажный. Смена погоды подчинена закономерностям вертикальной зональности — чем выше в горы, тем прохладнее и суровее. В высокогорье раскинулась зона альпийских лугов. Колыбель осетинского народа находилась в горной части края, где труднодоступные ущелья не рез помогали осетинам защищать свою землю от врагов. Суровость горного края отразилась на многих сторонах жизни народа, сказалась и на процессах его этнического формирования.

Изучение проблем происхождения осетинского народа еще в начале XIX в. получило правильное направление. Известный путешественник и ученый Потоцкий, посетивший Осетию в 1802 г., первым выдвинул идею о родстве осетин с ираноязычными племенами и народами древности (скифами, сарматами, аланами). Эта теория, претерпевшая за долгие годы много изменений и уточнений, и сейчас остается доминирующей.

В конце XIX и, особенно, в первой половине XX столетия споры о происхождении осетин получили фактическую основу: лингвисты, археологи, этнографы, антропологи предоставили в распоряжение ученых-кавказоведов огромное количество проверенных данных, сложилась стройная теория этногенеза осетинского народа как части этнической истории Северного Кавказа.

Осетины говорят на двух основных диалектах: иронском и дигорском. На иронском говорит большинство северных осетин, в том числе осетины, живущие на плоскогорье. На дигорском диалекте говорят осетины высокогорной части, а именно, живущие в Дигорском ущелье на западе Осетии, а также в западной части плоскостной Осетии. Дигорский диалект наиболее архаичен. Грузины с древнейших времен называли осетин осами и овсами; русские — яссами; византийские авторы — аланами. Сами же осетины называют себя: на востоке — ир, на юге — туал, на западе — дигор.

В конце 60-х годов XIX в. близ осетинского селения Верхний Кобан впервые были открыты памятники позднебронзовой культуры, получившей название кобанской. Многие десятилетия ученые рассматривали кобанскую культуру как культуру специфически осетинскую. Однако советские археологи, и прежде всего Е. И. Крупнов, доказали, что эта культура имела широкое распространение на Северном

Кавказе — от современной Чечено-Ингушетии до Верхней Кубани и ее левых притоков — Урупа, Б. Лабы. Были установлены хронологические рамки культуры — конец II — начало I тыс. до н. э. Расцвет кобанской культуры падает на XI—XIII в. до н. э. Здесь эпоха кавказской бронзы сливается с эпохой раннего железа, скифо-сарматским временем.

Начиная с VII в. до н. э., после вторжения скифов на Кавказ, начинается угасание кобанской культуры. Это не значит, однако, что «кобанцы» ушли с территории Северного Кавказа, кобанская культура приобрела новые черты, в нее вошли скифские элементы. Влияние иранской среды на аборигенов, носителей кобанской культуры, было столь значительным, что после VII в. эта культура получила название «позднекобанской». Большое значение в этой связи имеют исследования Е. П. Алексеевой. Работы археологов во главе с Е. И. Крупновым убедительно показали преемственность культуры народов Центрального Кавказа по отношению к прославленной кобанской культуре.

Ученые доказали, что горная Осетия была одним из локальных центров развития кобанской культуры. Здесь формировались древние племенные объединения носителей этой культуры. Черты культуры древнего аборигенного населения ясно прослеживаются как в материальной, так и в духовной культуре современных осетин. Особенно ярко сказалось влияние кобанской культуры в осетинских вышивках, их орнаменте.

Сильное влияние оказала местная, кобанская среда на развитие осетинского языка. По мнению В. И. Абаева, кавказский элемент вошел в осетинский язык как самостоятельный. Стоит отметить, что многие топонимы Северной и Южной Осетии не поддаются расшифровке на основе иранского языка и имеют несомненно доиранское происхождение.

Уже отмечалось, что осетинская орнаментика содержит кобанские мотивы. Можно привести несколько примеров: вся богатейшая кобанская зооморфная орнаментика в виде бараньих, турьих, оленьих рогов нашла широкое отражение не только в ковровой аппликации, аппликации по коже, в орнаментальных узорах золотошвейного мастерства осетин, но и в прикладном искусстве соседних народов — кабардинцев, балкарцев, карачаевцев. Это следует иметь в виду при решении этногенетических вопросов всего Северного Кавказа. Поэтому споры вокруг роли кавказско-кобанского наследства в культуре и в генетическом процессе формирования народов Центрального Кавказа, в частности, осетин — чистейшая схоластика. А ведь эти вопросы всерьез дискутировались на сессии, посвященной происхождению осетинского народа (1967 г.). Сейчас можно утверждать, что кавказский компонент в этногенезе осетин представляет собою реальную основу, на которой развивался осетинский этнос.

Вторым (и во многих отношениях решающим) компонентом этногенеза осетин были племена Юго-Восточной Европы: скифы, сарматы,

наконец — аланы. Скифы впервые пришли на Кавказ в VII в. до н. э. Скифские полчища проникали в Закавказье несколькими путями. Один из них проходил через Дарьяльский перевал. Об этом можно судить по памятникам позднекобанской культуры, находящимся в ущелье Терека и в его окрестностях.

Позднекобанская культура являет все признаки скифского влияния. Вряд ли скифы оказали влияние на формирование осетинского этноса: их пребывание в горах Центрального Кавказа было связано с вторжением в Закавказье, а не со стремлением каких-то групп кочевников поселиться среди оседлого населения предков осетин. Влияние скифской культуры связано прежде всего с обменом и приобретением местным населением более совершенного оружия.

Иной характер приобрели взаимоотношения аборигенного населения Северного Кавказа с ираноязычными степняками в сарматское время. Вторжение сарматов в пределы Центрального Кавказа и Приэльбрусья произошло в III—II вв. до н. э. Сарматские племена сираков и аорсов заняли степные пространства Предкавказья. Отдельные группы их проникали в глубь предгорий и даже высокогорных районов. Из аорсского племенного союза выделились северокавказские аланы.

Высказывалось мнение, что этноним аланы означает целый племенной союз, в который в свое время включились другие, не ираноязычные племена. Некоторые исследователи предложили даже версию, что в этот союз входили тюркоязычные племена и что они-то и были исконными аланами. Тот факт, что после образования средневековой Алании в ее составе были не только собственно аланы, но и тюрки, например, болгары, никто не оспаривает. Но это не значит, что аланы не были реальным народом, носителем иранской речи. Аланы — одно из сарматских племен аорсского племенного союза. По свидетельству хрониста Иосифа Флавия, племя алан появилось на Северном Кавказе в I в. н. э. До гуннского нашествия аланы обитали в степях Предкавказья. Гунны заставили алан искать убежище в предгорьях и горах Кавказа. Тогда же они оказались и в горах Центрального Кавказа — в верховьях Кубани и Терека. Есть данные, свидетельствующие, что тогда же аланы заселили и южные склоны Центрального Кавказа; это были предки южных осетин.

Археологические исследования показали, что аланы проникли вглубь труднодоступных ущелий. Они поселились и в горах нынешней Северной Осетии, и в Кабардино-Балкарии, и в Карачаево-Черкесии, вплоть до Зеленчуков, левых притоков Верхней Кубани. Поселения алан в горах представляли собою небольшие поселки, возможно родовые или патронимические. Большая часть этих поселков укреплена (сохранились остатки стен), некоторые имели облик средневековых замков. Остатки такого замка можно видеть на скале над Большим Зеленчуком в Карачаево-Черкесии. Это поселение VI в. в урочище Адиюх.

Древности Северной Осетии свидетельствуют, что в то же время аланы поселились в самых высокогорных районах Главного Кавказского хребта, например, в Дигорском ущелье. Это городища Задалиск, Донифарс, Кумбулта, Комунта. Много памятников сохранилось в Алагирском ущелье, например, в высокогорных селениях Архен и Саден. Есть аланские памятники и в других районах Северной Осетии. Большое количество их исследовано в Куртатинском ущелье близ селения Лац. Датируются эти памятники VII—IX вв. Памятники древности Осетии свидетельствуют, что территория средневековой Алании отличалась большой плотностью населения; в Алании было несколько городов, множество замков. Об этом говорят сообщения арабского хрониста Масуди (X в.). По словам Масуди, аланский царь обладал большим могуществом и мог выставить против врага до 30 тыс. вооруженных всадников. Масуди рисует красочную картину аланского царства, густой заселенности горных ущелий. «Когда утром в одном месте запоют петухи, им отвечают другие из отдаленных частей царства ввиду близости селений».

Исследования археологов показали, что селения Алании обычно располагались в пределах их видимости. В случае опасности соседи быстро оповещались сигнальными огнями и дымом. По свидетельству монаха-миссионера Юлиана, в XIII в. Алания была раздроблена на множество мелких феодальных владений. «Сколько местечек, столько князей, — пишет Юлиан, — из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянные войны; князья с князьями, местечко с местечком».

Средневековая Алания делилась на Западную и Восточную. Центр Западной Алании — большой город вблизи Архыза в Карачаево-Черкесии. Здесь находилась Аланская епархия, на городище сохранилось до 13 церквей; из них три — фундаментальные храмы (в настоящее время реставрируются) В. А. Кузнецов исследовал много жилых зданий, могильников с типично аланскими вещами и обрядом захоронения. Восточная Алания была расположена в нынешней Осетии и Чечено-Ингушетии. Развалины центра Восточной Алании находятся на р. Сунже в нынешней Чечено-Ингушетии. В. Б. Виноградов раскопал обширные оборонительные сооружения, а также жилые постройки и большой могильник.

Территория, заселенная аланами в раннем средневековье, была гораздо шире, чем та, которую занимают их потомки — осетины, а также карачаевцы и балкарцы. Большая часть Алании была расположена в предгорьях и горах Центрального Кавказа. Но и в степных районах были аланские поселения. На северо-востоке Алания граничила с Хазарским каганатом, затем — с Половецкой степью — Дешт-и-кыпчак. Живя по соседству с хазарами, затем с половцами, аланы находились с ранними тюрками то в мирных, то во враждебных отношениях. Письменные источники и осетинские нартские сказания свидетельствуют, что аланы-горцы перегоняли отары овец в Прикаспийские степи

на зимовку. Да и в тяжелую годину монголо-татарского нашествия в начале XIII в. аланы и половцы на первых порах выступали заодно в борьбе с захватчиками.

По сообщениям древних авторов, аланы продолжали сопротивление захватчикам даже после разгрома половцев на Северном Кавказе. Население Западной Алании ушло в глубь горных ущелий Верхней Кубани и ее притоков. Восточная Алания подверглась жестокому разгрому. Об этом говорят следы пожарищ на городище Алхан-кала и на других поселениях аланского времени.

Укрывшиеся в горах аланы долго сопротивлялись монголам. По рассказу Плано Карпини, одна аланская гора (очевидно, город или замок) оборонялась 12 лет. Аланские жители совершали набеги на равнины Предкавказья. Чтобы обезопасить себя от набегов горцев (по словам другого путешественника, Гильома де Рубрука) монголы были вынуждены охранять выходы из ущелий. Напряженная обстановка в горах сохранялась в течение многих десятилетий. Золотоордынские ханы так и не смогли сломить волю горцев к свободе и независимости.

Окончательному разгрому Алания подверглась во время походов Тимура на Кавказ (1395—1396). Полчища Тимура разгромили алан в верховьях Кубани, опустошили аланские поселения в современной Кабардино-Балкарии, проникли в горную Осетию, в Дигорское ущелье. В 1395 г. Тимур преодолел Крестовый перевал и вторгся в ущелье Терека, в дарьяльские теснины. Особенно пострадали западные аланы— дигорцы. Восточные — иронцы нашли убежище в недоступных горных ущельях верхнего течения Терека.

Тогда же стало известно новое название алан — овсы, овсети, отсюда — осетины. Этот этноним, несомненно, грузинского происхождения и заимствован русскими от грузин. Но древние этнонимы — дигор, ирон, туал — осетины унаследовали от алан; этимологически эти этнонимы восходят к языку доаланского населения Центрального Кавказа — носителей кобанской культуры.

Уцелевшие от погрома аланы-осетины раздробились на мелкие группы. Живя в горных малодоступных ущельях, как иронцы, так и дигорцы и двалы сохраняли свою племенную обособленность. Сохранили они и свои диалекты — дигорский и иронский. На этих диалектах говорят и современные осетины.

Присоединение Осетии к России произошло в конце XVIII в. Это было крупным событием в истории осетинского народа. Впоследствии часть горских осетин переселилась на равнину Северного Кавказа. Здесь возникли крупные поселения представителей разных обществ, а это привело к ликвидации их былой обособленности. Новая эпоха в истории осетин началась после победы Советской власти в Осетии.

ЧЕЧЕНЦЫ, ИНГУШИ

Чеченцы и ингуши — основное население Чечено-Ингушской АССР. Самоназвание чеченцев — нохче, ингушей — галган. По языку оба народа, а также бацбийцы, жители северо-восточной Грузии, относятся к нахской или вейнахской ветви кавказских языков. Некоторые лингвисты объединяют нахскую ветвь с дагестанской. Как отмечалось, для этого есть основания: и вейнахи, и дагестанцы формировались в кругу племен — носителей каякентско-хорочоевской культуры эпохи поздней бронзы.

Территория, заселенная чеченцами, занимает центральную и восточную часть республики. От Ингушетии Чечня отделена течением р. Фортанга — в горах; на плоскости их разделяет Сунженский казачий район. Ингуши живут в западных районах Чечено-Ингушетии, в предгорной и плоскостной полосах, а также в ущельях Главного Кавказского хребта по соседству с осетинами.

По рельефу Чечня делится на четыре зоны — предгорье, горная, высокогорная, плоскогорье. Южная и юго-восточная части Чечни труднодоступны, пересечены отрогами Главного Кавказского хребта и глубокими ущельями, поросшими лесом. Климат Чечено-Ингушетии определяется вертикальной зональностью: на плоскости господствует довольно засушливый континентальный климат с жарким летом, умеренно холодной зимой; в горах значительно прохладнее летом, а зимой, особенно в высокогорье, стоят довольно суровые морозы. Как и всюду на Кавказе, основное занятие горцев — отгонное скотоводство. На плоскогорье — пашенное земледелие. Но и здесь достаточно развито скотоводство; разводят преимущественно крупный рогатый скот. В былые времена и в горах, и на плоскости чеченцы и ингуши разводили в большом количестве лошадей.

Этническая история чеченцев и ингушей до сих пор мало исследована. В предыдущей главе мы рассмотрели вопросы ранних этапов развития этноса в горах Восточного Кавказа. Мы установили, в частности, что и вейнахи, и дагестанцы имеют своих предков в среде горных племен дагестана и чечни эпохи бронзы — раннего железа. В. И. Марковин выделил варианты, территориально соответствующие нынешнему расселению коренных народов Дагестана и Чечено-Ингушетии. Надо полагать, что именно носители этих культур и были далекими предками народов Восточного Кавказа, в том числе — чеченцев и ингушей. Характерно, что ареал каякентско-хорочоевской культуры занимает горные районы, в том числе горы Чечни. Именно там, в недоступных горах, и происходило становление чеченского и ингушского этносов. Существенно наблюдение археологов: западную часть предгорной Чечни, а также Ингушетию занимали в эпоху поздней бронзы племена — носители кобанской культуры. По-видимому, и эти племена приняли некоторое участие в этногенезе вейнахов, но только на пери-

ферии их этнического ареала. В целом каякентско-хорочовская культура стоит особняком по отношению к другим аналогичным культурам Северного Кавказа.

Если основываться на свидетельствах античных авторов первых веков н. э., этнонимы вейнахских народов восходят к эпохе раннего железа, к эпохе господства в степях Северного Кавказа сарматов. Так, Страбон (I в. н. э.) упоминает в «Географии» племя гаргареев и помещает их на северном склоне центральной части Северного Кавказа. Ряд ученых сопоставляют древний этноним гаргареи и самоназвание ингушей — галган.

Правомочность сопоставления этих этнонимов убедительно доказал Е. И. Крупнов, который на материале второй половины I тыс. до н. э. установил преемственность материальной культуры эпохи раннего железа и средневековья и этнографических особенностей некоторых украшений современных чеченцев и ингушей. Добавим, что и в средние века армянский историк Моисей Хоренский (VII в. н. э.) упоминает среди племен предгорных районов современной Чечено-Ингушетии гаргареев, а также нахчаматьянов. Этнографические наблюдения показывают, что термин гаргар до наших дней бытует у вейнахов в значении родня, родственники, при этом звучит гаргар по-ингушски и гергер — по-чеченски.

Антропологи также отмечают преемственность современного антропологического типа чеченцев и ингушей по отношению к антропологическим древностям того же района Северо-Восточного Кавказа.

В грузинских хрониках XI в. предки вейнахов именуются дзурдзуками. Из более поздних грузинских источников XVIII в. можно заключить, что это название относится именно к чеченцам и ингушам, там чеченцы и ингуши названы дзурдзуками, а местообитание их — горы Северо-Восточного Кавказа, а также горные районы современной Грузии. В горах восточной Тушетии и сейчас живут бацбийцы, также относящиеся к вейнахам. По народным преданиям предки чеченцев и ингушей также были горцами. Переселение горцев в предгорья, а затем на плоскость началось только в XIV в., т. е. после распада Золотой Орды и походов Тимура, когда обстановка в плоскостной Чечне стала более спокойной. Эта дата не противоречит археологическим материалам: коренные жители плоскостных и предгорных районов Северо-Восточного Кавказа уже в гуннское время принуждены были искать убежище в горах. Позднее исконные земли вейнахов в предгорьях оказались в руках хазар и других тюрков, а также алан. Только в XIV—XV вв. предки современных вейнахов, выходцы из горных районов, основали в верховьях рек Аксай и Гумо ряд селений. Характерно, что эти селения носили патронимические названия. Первоначально чеченцы заселили долины, орошаемые реками Сунжей, Аргунем и их притоками, затем постепенно заняли всю плоскость Большой Чечни. Несколько позже, в XVI—XVII вв., началось переселение с гор ингушей. Часть ингушей расселилась в плоскостной полосе

по р. Сунже и прилегающей к ней долине Терека. Так образовалось население современной Чечено-Ингушской АССР.

Сведения по этногенезу вейнахских народов можно объединить. Исследование языковых особенностей этих народов позволило ученым выдвинуть гипотезу о существовавшем некогда общенахском языке, который состоял из родственных диалектов и входил в общую нахско-дагестанскую праязыковую форму. Вероятно, нахский праязык был средством общения племен — носителей горной части ареала каякентско-хорочоевской культуры.

Лингвисты пришли к заключению о родстве древних диалектов, составлявших нахско-дагестанский праязык, с древними языками Передней Азии — хурритским и урартским. Эти выводы подтверждают данные антропологов, основываясь на которых В. В. Бунак определил, что Северный Кавказ заселялся по двум направлениям — в обход Кавказского хребта и через его перевалы. Один поток обогнул Кавказ с запада, двигаясь вдоль побережья Черного моря; другой — с востока по западному Прикаспию. Оба потока оставили родичей в Малой Азии и в Закавказье. Встреча двух потоков произошла на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют и некоторые памятники археологии западной Чечни. О контактах двух потоков в пределах Северо-Восточного Кавказа говорят сходства адыгских и нахских языков.

Далекие отголоски урартского религиозного культа можно обнаружить в ингушском культе Тушоли, связанном с весенним праздником возрождающейся природы, с божеством плодородия. Культ Тушоли у ингушей открыл известный этнограф-кавказовед Е. М. Шиллинг. Лингвисты З. К. Мальсагов и Ю. Д. Дешериев сближают ингушского Тушоли с хурритским Тешубом и урартским Тейшебом. Так выявляются сложные культурные связи вейнахов с народами Закавказья и Восточной Анатолии.

НАРОДЫ ДАГЕСТАНА

Этническая история Приморского Дагестана, особенно Прикаспийского «коридора», была очень сложной, что отразилось на формировании кумыкского народа. Совсем в ином положении были предгорный и особенно горный районы Дагестана. В Приморье передвигались многочисленные разноэтнические массы. Особенно интенсивными эти передвижения стали после гуннского нашествия IV в. н. э. Однако первый же хребет, протянувшийся вдоль приморской низменности, покрытый густым лесом, стал преградой при попытке этих кочевых групп проникнуть в горную страну. Естественно, что в горных районах Дагестана, замкнутых труднодоступными и большею частью лесистыми хребтами, развитие родоплеменных коллективов в течение столетий протекало в условиях замкнутости и значительной изоляции от внешнего мира. Однако иноэтничные и культурные влияния спорадически проникали и сюда. Замедленные темпы жизни племен привели

к тому, что (по словам А. А. Миллера — одного из первых исследователей горного Дагестана) «археологически реставрируемая история ущелий, ныне занятых разноязычными элементами, совершенно едина в основных и существенных чертах». Это единство хорошо прослеживается на памятниках каякентско-хорочоевской культуры. Ареал этой культуры в начале I тыс. до н. э. включал всю территорию современной Дагестанской АССР, за исключением ее Присулакской части. Памятники каякентско-хорочоевской культуры известны и в горах, и в предгорьях, и в Прикаспийской низменности. Наличие памятников этой культуры эпохи поздней бронзы в самом Приморье свидетельствует, что на закате палеометаллической эпохи даже в самом «коридоре» ритмы жизни не менялись. Но уже в скифское время этой самобытности существования был нанесен удар: ираноязычные полчища скифов, а затем сарматов прорвались в Закавказье именно через дефиле Западного Прикаспия.

В течение всей эпохи бронзы развитие племен внутреннего Дагестана, а отчасти и предгорного, носило автохтонный характер. Проникавшие в горы иноэтничные элементы, как это было, например, на заре бронзового века, очень быстро ассимилировались коренным населением. Единство каякентско-хорочоевской культуры, ее стабильный облик отражает высказанную выше мысль о замкнутости процесса развития населения в Дагестане вплоть до эпохи раннего железа. Носителями этой культуры были, очевидно, племена, говорившие на диалектах общедагестанского языка, реконструкцией которого занимаются наши лингвисты, в частности, Е. А. Бокарев.

Но и эта, сравнительно однородная, культура, по заключению одного из ее исследователей В. И. Марковина, содержит ряд локальных вариантов. Однородность каякентско-хорочоевской культуры — пережиток медленного темпа развития этноса и культуры в палеометаллическую эпоху; вариантность — результат ускорения развития на закате эпохи бронзы и перехода к раннему железу. На этом этапе началось расхождение диалектов общедагестанского языка — основы и формирования языков локальных этнических групп, носителей вариантов каякентско-хорочоевской культуры. Границы локальных вариантов этой культуры примерно совпадают с границами ареалов основных этнических общностей современного Дагестана. Можно, следовательно, считать, что уже тогда, на исходе бронзового века, в самом конце II тыс. до н. э. начался процесс формирования народов андоцезской, аваро-дидойской, даргинской и лезгинской групп.

Чрезвычайно показательны результаты исследований антропологов. Наиболее стройную картину антропологической ситуации в пределах собственно Дагестана дает А. Г. Гаджиев. Сопоставляя палеоантропологические материалы на разных этапах и данные современных обследований, Гаджиев показал исконную однородность антропологических типов горного населения Дагестана. Вместе с тем, им выделены три варианта — западный, южный и восточный. К западному относят-

ся все горцы, за исключением лезгин, к южному — лезгины и другие этнические группы Самурского бассейна, к восточному — кумыки, частично даргинцы. Самый «кавказский» вариант — западный. Но и особенности южного варианта, по мнению А. Г. Гаджиева, не обнаруживают признаков интенсивного внешнего влияния на основной антропологический тип: южный вариант образовался в результате воздействия факторов биологического и социального порядка.

Иное дело восточный вариант. Он, несомненно, сформировался при определенном внешнем влиянии, смешение разноэтнических элементов при этом сыграло решающую роль. Это понятно: восточный вариант характерен прежде всего для населения приморской полосы и соседних с ней предгорий. А здесь прокатилась не одна волна завоевателей.

Даже сарматы, которые прочно освоили степи плоскостного Дагестана, проникали в предгорья только по долинам некоторых рек. В глубине предгорной зоны мы обнаруживаем памятники лишь смешанного облика: аборигены ассимилировали пришельцев.

Не изменилось положение и в период вторжения гуннов. Гунны прошли приморским «коридором», не проникая в горы. Однако, сопутствовавшие им группы прочно осели как в Приморье, так и в прилегающих к ним предгорьях. С этого времени начинается тюркизация некоторой части населения Дагестана, племен, обитавших в Западном Прикаспии. Но на протяжении всей первой половины I тыс. н. э. дагестанские племена в горах продолжают жить самостоятельно. События в Приморье почти не коснулись внутреннего Дагестана. Только арабам удалось проникнуть в глубь гор. Борьба с арабскими захватчиками способствовала этнической консолидации и ускорила формирование феодальных отношений в Дагестане. Именно к концу I тыс. н. э. относится возникновение первых феодальных образований в пределах Дагестана. (В письменных источниках того времени упоминаются Серир-Авария, Кумух или Гумик, Ах-Кадж-Акуша, Филан, Лакэ, Джидан).

В процессе феодализации формировались и современные дагестанские народности. Одновременно, на базе локальных диалектов, складывались и языки этих народностей — аварцев, лакцев, даргинцев, лезгин и других более мелких этнических групп.

Лишь в приморских районах и в прилегающих к ним предгорьях продолжался процесс тюркизации аборигенов. Он начался еще в эпоху Западнотюркского каганата, продолжался в хазарское время и завершился в эпоху Золотой Орды. Это было время господства ранних тюрок на Юго-Востоке Европы.

КУМЫКИ

Кумыки — один из коренных народов Дагестанской АССР. Занимаемая ими территория географически делится на три части: Сулакская низменность, иначе называемая Кутыкская плоскость, она засе-

лена кумыками сравнительно недавно — с XVII в.; северные предгорья Дагестана — районы Буйнакский, Ленинский, Махачкалинский; это — коренная территория, где происходило становление кумыкской народности; южные предгорья — районы Кайтакский и Каякентский; эти районы также могут быть отнесены к числу коренных, заселенных кумыками с давних времен. Одновременность заселения кумыками этих районов способствовала консолидации кумыкской народности, начавшейся задолго до Октябрьской революции.

Кумыки — тюркоязычный народ, поэтому выдвигались различные версии об их происхождении. Некоторые исследователи рассматривали кумыков как пришлый народ. Большинство же придерживается мнения об автохтонности процесса формирования кумыков и считает их коренным народом Дагестана. Известный востоковед В. В. Бартольд считал кумыков «отюреченными лезгинами», подразумевая под «лезгинами» коренных дагестанцев. С этих позиций, очевидно, и следует рассматривать вопрос происхождения кумыкского народа. В самом деле, антропологическая характеристика, материальная культура, особенности языка говорят в пользу местного происхождения кумыков.

Наблюдения лингвистов показывают, что в языке кумыков содержится много лексического материала, сопоставимого с даргинским; даже в словарном фонде кумыкского языка множество даргинских слов коренного значения, а не просто заимствованных. На территории, ныне занятой кумыками, сохранилось много топонимов даргинского происхождения. Можно было бы привести и другие примеры, но это потребовало бы специального исследования. С. Ш. Гаджиева справедливо указывает на связи кумыкского и даргинского языков, которые по своему характеру восходят к раннему периоду их развития. Другими словами, есть все основания предполагать, что в основе здешнего населения лежит даргинский субстрат, что позволяет относить кумыков к числу аборигенов Дагестана.

Чтобы ответить на вопрос, когда началось отюречивание части племен, общих предков кумыков и даргинцев, нужно вспомнить некоторые факты истории предгорного Дагестана.

Уже в эпоху Западнотюркского каганата (VI в. н. э.) в степном и отчасти в предгорном Дагестане начинают оседать тюрки. Это болгарские племена барсилов, савир[3], позже — хазар. В эпоху Хазар-

---

[3] Насколько сложной и пестрой была обстановка среди скотоводов степей Причерноморья, хорошо видно из приведенного Я. А. Федоровым списка тюркских племен. Среди них он называет и племя савир. Среди языковедов давно отмечено, что этот этноним переводится убедительнее всего с иранских языков, где обозначает черный. С этими терминами связывают и название летописной северы — одного из древнерусских племен, также легко сопоставить и самоназвание чувашей—чаваш-суваз-сувар. Среди кочевников южнорусских степей хорошо известны черные клобуки. Все эти факты свидетельствуют лишь о том, что процессы ассимиляции языков нередко включали различные исходные этнические компоненты. Савиры, появившиеся в предгорьях Дагестана в VI в., конечно, уже были тюркоязычны, хотя их этноним восходит еще к скифо-сарматским временам.

ского каганата в северо-восточном Дагестане, там, где находится основная кумыкская территория, образовалось раннефеодальное княжество Джидан преимущественно с тюркоязычным населением. Видимо, тогда же начались процессы ассимиляции ранними тюрками и местных прадаргинских племен. Во второй половине X в. усилился напор кочевников на Хазарский каганат. По следам печенегов в степи Восточной Европы, а также Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия устремились кимаки, западная часть половцев-кыпчаков. В XI в. половцы освоили степные пространства Юго-Восточной Европы, затем — степи Предкавказья. Во всяком случае, уже в домонгольское время какие-то группы кыпчаков кочевали и в степях Дагестана. По свидетельству арабского автора Ибн-эль-Асира, войска Чингисхана обнаружили в приморском Дагестане какие-то тюркские племена.

Хотя проникновение тюркских этнических элементов в северо-восточный Дагестан, возможно, произошло уже в дохазарское время, однако процесс отюречивания тамошнего населения вступил в решающую фазу лишь в половецкую эпоху. Потому и язык кумыков относится к кыпчакской группе тюркских языков. Отсюда можно заключить, что в процессе отюречивания половецкий язык постепенно вытеснил местные племенные языки, а это, в свою очередь, несомненно способствовало консолидации племен и заложило основу для образования кумыкской народности. Влияние тюркской среды в этой части Дагестана усилилось в связи с тем, что прилегающие к Каспийскому приморскому «коридору» районы Дагестана (в пределах которых формировалась кумыкская народность) находились на оживленном торговом пути, который связывал Половецкую степь — Дешт-и-Кыпчак — с Восточным Закавказьем, где господствовали тюрки-огузы.

При вторжении войск Чингисхана на территорию Дагестана и далее в степи Предкавказья кыпчаки-половцы влились в дагестанскую этническую среду. Часть разбитых монголо-татарами кыпчаков нашла убежище в горах и предгорьях Северо-Восточного Кавказа, т. е. в Дагестане. Об этом прямо свидетельствует уже упомянутый Ибн-эль-Асир: «Когда татары овладели землею кыпчаков, кыпчаки разделились: одна часть их пошла на Русь, другая рассеялась в горах, а большая часть собралась и пошла в Дербент». Далее автор говорит о неудачном походе кыпчаков в страну «Курджи», т. е. в Грузию, и о возвращении и их в Дагестан: «...испугавшись, кыпчаки ушли по направлению Ширвана, а потом перешли в страну лакзов». Под лакзами следует понимать народы Дагестана. Укрывшиеся в горных трущобах кыпчаки-половцы нашли убежище в северных и восточных отрогах Кавказского хребта. Здесь они и расселились среди горских племен, смешались с ними. Наши рассуждения позволяют отнести кумыков к числу коренных народов Кавказа: их формирование протекало на территории Дагестана. Завершение этногенеза следует приурочить к концу половецкой эпохи — к XIII в. Именно в это время усилилась консолидация племен северо-восточного Дагестана, непосредственных

предков кумыкского народа, испокон веков занимавших предгорные и, отчасти, плоскостные районы — область древнейшего земледелия. Замечательно, что, несмотря на бурные события средневековья, земледельческие традиции сохранились и в последующие века.

Итак, история кумыкского народа уходит корнями в глубокую древность. Сам процесс захватил не одно коренное и пришлое племя; они вошли в народообразование в качестве существенных этнических и исторических компонентов; а язык одного из них стал языком кумыков.

НОГАЙЦЫ

Мы рассмотрели вопросы происхождения народов Северного Кавказа, связанных с коренным этническим субстратом. В их числе были народы, говорящие на собственно кавказских языках, соответственно, западной и восточной ветви. Другие — на языке иранском и на тюркском. Однако в местном их происхождении сомневаться не приходится: процесс формирования протекал в пределах ныне занимаемой ими территории или, во всяком случае, в пределах Северного Кавказа и Дагестана.

Есть, однако, среди коренных народов нашего региона народ, происхождение которого не связано непосредственно с Кавказом. Но история этого народа в течение столетий была неотделима от истории коренного населения Северного Кавказа. Это — ногайцы. Ныне ногайцы занимают лишь незначительную часть территории степей Предкавказья; в прошлом их предки были полными хозяевами степных пространств Юго-Восточной Европы, включая Северный Кавказ. И численность ногайцев за последние полтора столетия значительно сократилась; часть их влилась в состав древних, родственных им по языку и происхождению, народов, часть в 60-х годах XIX в. эмигрировала в Турцию. В наши дни ногайцы давно перешли к оседлому образу жизни и, живя по соседству с коренными кавказскими народами, переняли у них и хозяйственные навыки, и традиции быта.

Самоназвание ногайцев — ногай. Язык их относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. В соответствии с расселением, отдельные группы ногайцев сохранили свои местные диалекты. Это — караногайский диалект ногайцев, живущих в Караногайском и Кизлярском районах Дагестанской АССР; кубанский диалект ногайцев, проживающих в северо-восточных районах Карачаево-Черкессии и ачикулакский диалект ногайцев, населяющих Ачикулакский район Ставропольского края.

Начало формирования ногайского народа связано с эпохой распада Золотой Орды в конце XIV в. В это время из ее состава выделился так называемый Мангытский юрт. Во главе его стоял Едигей, происходивший из тюркизированного монгольского племени мангытов. Отсюда и название юрта. В состав Ногайской орды включились и другие тюр-

кизированные племена, например кунграты, а также кыпчакские племена, составлявшие основное население Золотой Орды.

Сейчас трудно восстановить племенной состав Ногайской Орды того времени. Некоторые данные, в основном фольклорные, а также тюркские летописные предания проливают некоторый свет на этот вопрос: в состав ногайского объединения вошли племена кенегес, аргын, керент, конграт, найман, кыпчак и другие. Некоторые из этих племенных названий дожили до наших времен в фамильных прозвищах — Керейтовых, Кыпчаковых, Наймановых.

Когда именно Мангытская Орда получила название ногай — неизвестно. В русских документах это название встречается уже в XV в. Известно лишь, что Мангытский улус выделился из состава Золотой Орды в период борьбы Тохтамыша с Тимуром (1391—1396 гг.). Самоназвание ногай связано, по-видимому, с именем одного из монгольских темников Ногая. Однако согласно «Родословной книге татарских ханов», первым «князем» ногайцев был Оказ, сын Нуратдина.

Формирование ногайцев происходило в условиях кочевого феодального общества. Ногайская орда подразделялась на улусы — феодальные образования, возглавляемые наследственными правителями — мурзами. Несмотря на кочевой образ жизни и разобщенность улусов территориально, уже в то время население Ногайской Орды сознавало свою принадлежность к ногаям.

К середине XVI в. ногайцы занимали огромную территорию от Волги до Иртыша и от берегов Каспия и Аральского моря до границы лесостепной полосы Юго-Восточной Европы. В середине XVI в. в Ногайской Орде начались феодальные междоусобицы. Часть входивших в орду родоплеменных объединений вошла в состав казахов, другая — в состав узбеков, часть соединилась с башкирами. В то же время Ногайская Орда разделилась на Больших и Малых ногаев. Во второй половине XVI в. от Большого ногая отделилась часть родов и откочевала в степи Северо-Западного Прикаспия. Так была заложена основа образования караногаев.

Малая Орда кочевала в степях Северного Причерноморья, в Крыму и в Предкавказье. Согласно данным русских документов середины XVII в., ногайцы распространили свои кочевья в пределы Верхней Кубани. Здесь они оказались соседями кабардинских князей. Кочевья Малых ногаев Касаева улуса, по документам середины XVII в., находились в современной Карачаево-Черкессии. Это и были предки кубанских и ачикулакских ногайцев. Он кочевали в бассейне левых притоков Кубани — на Малом Зеленчуке, а также на Кумско-Кубанском водоразделе.

Сюда же перекочевали некоторые роды Большого ногая из северо-западного Прикаспия. Это произошло под давлением калмыков, занявших в начале XVII в. низовья Волги и прилегающие к ним степи Прикаспия. Таким образом, современные ногайцы Ставропольского края и Дагестана — потомки Большого и Малого ногая. В то же вре-

мя началось оседание кочевых групп ногайцев и постепенный переход их к земледельческому хозяйству, совмещавшемуся со скотоводством. Но оно было уже не кочевым, а отгонным[4].

С победой Великой Октябрьской социалистической революции в истории ногайцев, как и всех народов нашей страны, открылась новая эра. Советская власть дала всем народам СССР возможность строить новое бесклассовое общество, развивать национальную культуру. Народы Северного Кавказа навсегда избавились от феодального и капиталистического гнета, они живут и работают в условиях советского общественного и государственного строя.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эта книга — последний труд в жизни ныне покойного Якова Александровича Федорова. Мы считаем своим долгом хотя бы коротко рассказать о ее авторе — кандидате исторических наук, известном кавказоведе, старшем научном сотруднике кафедры этнографии исторического факультета Московского университета.

Он родился 20 августа 1902 г. в семье потомственных военных моряков. Семья его принадлежала к числу тех русских людей, для которых служение Родине было всегда главным в жизни. Видимо, не случайно его отец ушел в отставку в 1906 г. (после известных событий на

---

[4] История становления ногайцев — одного из народов Северного Кавказа, фактологически изложена Я. А. Федоровым совершенно правильно и последовательно. Следует только иметь в виду, что в разные исторические периоды менялось содержание понятий: ногаец, ногайская общность, ногайский улус, а позднее Ногайская Орда. Самоназвание их действительно связано с личным именем одного из чингизидов Ногая, который в XIII в. правил делами обширнейшего улуса, простиравшего свои владения от Дуная до Иртыша. Разумеется, в составе населения этого улуса были самые различные по происхождению, по языку, по социальному положению группы населения, завоеванного монголо-татарами. Ни о каком этническом единстве этих ногайцев в XIII—XIV вв. не могло быть и речи. И вряд ли факт выделения в XIV в. особого юрта, объединения во главе с Едигеем, можно принимать за начало формирования народа. Наши сведения позволяют думать (часть этих фактов изложена Я. А. Федоровым), что в течение всего средневекового периода состав Ногайской Орды менялся как за счет внутренних перемещений отдельных кочевых групп, так и за счет включения в число ногайцев групп того местного населения, среди которых им приходилось разбивать свои кочевья. Последнее обстоятельство было достаточно типично для тех групп ногайцев, которые кочевали в степях и предгорьях Северного Кавказа.

Два толкования термина «ногайцы» (определенного народа, этноса и как политического объединения, улусной земли) постепенно преобразуются в преобладание этнического содержания этого термина. Насколько сложно протекали эти процессы, еще и в XVIII и даже XIX вв., говорят материалы, содержащиеся в работе Н. Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века». М., 1974.

Черноморском флоте) и стал работать штурманом на коммерческом флоте. Детство и юность А. Я. Федорова прошли на берегу Черного моря.

В 1918 г. он получил среднее образование в гимназии (г. Гагра) и в 1921 г. поступил на военную службу в качестве флаг-офицера. В годы Советской власти нес военную службу на флоте и его отец, командовавший военно-морским кораблем. В 1928 г. Я. А. Федоров был зачислен на исторический факультет Воронежского педагогического института, который закончил через два года.

Дальнейшая судьба Я. А. Федорова связана с двумя профессиями — со становлением научно-популярного кинематографа, совершенно новой для того времени областью, и историей. Еще на службе в армии он закончил курсы по кино и фото, а после окончания педагогического института работал сценаристом и ассистентом режиссера в различных организациях, создававших научно-популярные и учебные фильмы. В 1933 г. он стал студентом Всесоюзного государственного института кинематографии (отделение сценаристов); одновременно работал переводчиком. Создавая сценарии научно-популярных фильмов, Яков Александрович отдавал предпочтение фильмам на исторические сюжеты и темам, связанным с историей Кавказа. В 1939 г. на экраны страны вышел фильм о древнем Урарту под редакцией Б. Б. Пиотровского. Сценарий этого фильма должен был стать диссертацией А. Я. Федорова на степень кандидата искусствоведения, но Великая Отечественная война помешала завершить работу.

С первых дней войны Я. А. Федоров снова в строю, выполняя поручения по формированию резервов Советской Армии. С 1942 по 1945 г. он — сотрудник Всеславянского Комитета. С 1945 г. и до конца жизни Я. А. Федоров работал в Московском университете им. М. В. Ломоносова.

Его деятельность в МГУ началась с организации научно-популярного и учебного кино и внедрения его в учебный и научно-исследовательский процесс. Я. А. Федоров организовал для студентов разных факультетов теоретические и практические занятия по кино- и фотосъемке, снимал научно-методические и учебные фильмы, постоянно выезжая в экспедиции. За короткий срок им были созданы фильмы о Новогороде Великом (1946—1948 гг.) по материалам археологических раскопок под руководством А. В. Арциховского. Однако по-прежнему ему ближе всего история и этнография Кавказа. Он работал в экспедиции Б. А. Рыбакова на Тамани, создал несколько фильмов по этнографии народов Северного Кавказа (в 1946—1948 гг. по этнографии Дагестана, в 1953 г. о жилище кумыков).

Будучи человеком уже зрелого возраста, Я. А. Федоров поступил на заочное отделение Исторического факультета МГУ, который и закончил в 1958 г. Защитив успешно диссертацию (1962 г.), он начал работать на кафедре этнографии МГУ в качестве старшего научного сотрудника.

Краткое перечисление фактов биографии Я. А. Федорова достаточно ярко характеризует его как человека, ученого, гражданина. О многом из его интересной жизни его ученики и сотрудники узнавали случайно. Скромность его органически сочеталась с высокой культурой и личным обаянием. Я. А. Федоров постоянно вел большую научную работу по истории и этнографии народов Северного Кавказа, регулярно публикуя ее результаты. В 1978 г. вышла его книга «Ранние тюрки на Северном Кавказе» в соавторстве с Гаджи Саидовичем Федоровым. Ежегодно Я. А. Федоров возглавлял археологические и этнографические экспедиции, в которых принимали участие не только студенты МГУ, но и учащиеся северокавказских вузов, для многих из которых эти экспедиции стали первой ступенькой в науку. Для молодежи Я. А. Федоров был старшим другом, наставником, строгим и требовательным, но всегда благожелательным. Ученики Я. А. Федорова — представители разных народов Северного Кавказа; они стали учеными, благодаря бескорыстной помощи Якова Александровича.

доцент Г. Г. Громов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.

Анфимов И. В. Зихские памятники Черноморского побережья Северного Кавказа.— В сб.: Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент. 1928.

Баскаков И. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Бжания В. В. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Брук С. И. Население мира. Этнографический справочник. М., 1981.

Бунак В. В. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительно-историческом освещении.— Сб. МАЭ. Л., 1958.

Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Он же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Гаджиев М. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

Генко А. Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. Тр. Абхазского ин-та языка литературы и истории. Вып. 28. Сухуми, 1957.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Калоев П. А. Осетины. М., 1971.

Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965.

Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике. МИА, 1941, № 3.

Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960; Он же. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.

Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе.— В сб.: Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. I—III. М. 1881—1887.
Народы Кавказа. Т. I. сер. «Народы мира». М., 1960.
Плетнева С. А. От кочевий — к городам. М., 1967; Она же. Хазары. М., 1976.
Студенецкая Е. Н., Сергеева Г. А. Карачаевцы.— В кн.: Народы Кавказа Т. I., М., 1960.
Студенецкая Е. Н. Культура и быт карачаевцев.— В кн.: Очерки истории Ка рачаево-Черкессии. Т. I. Ставрополь, 1967.
Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.
Трубачев О. Н. О синдах и их языке.— Вестник языкознания, 1974, № 4 Он же. Таврские и синдо-меотские этимологии.— В кн.: Этимология. М., 1979
Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме.— Вестник языкознания 1958, № 1.
Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1977 Федоров Я. А. Этно-культурные связи Западного Кавказа и Передней Ази в эпоху позднего неолита. Вестн. МГУ. сер. ист., № 5, 1973; Он же. О дольмен ной культуре Западного Кавказа и ее носителях. — Вестн. МГУ, сер. ист. № 4 1974; Он же. Место «майкопцев» в этнической истории Западного Кавказа.- Вестн. МГУ, сер. ист., № 5, 1975. Он же. Горы и степь. Вестн. МГУ, сер. ист № 6, 1977; Федоров Я. А., Федоров Г. С. К вопросу о южной грани Хазарии. Вестн. МГУ. сер. ист., № 3, 1970; Они же. Ранние булгары на С верном Кавказе.— В сб.: Из истории Карачаево-Черкесии. Тр. Карачаево-Че кесского НИИ истории языка и литературы. Вып. VI. Ставрополь, 1970.
Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
Чикобаева А. С. К вопросу об отношении картвельских языков к индо-европе ским и северо-кавказским языкам.— Вестник языкознания, 1970, № 2.

Иллюстрации в книге даны по:

1. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 33, 47, 1 153 (рис. 2, 4, 5, 6).
2. Вестник Московского университета, сер. 8. История, 1980, № 2, с. 66 (рис. 1).
3. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 71 (рис. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.

Анфимов И. В. Зихские памятники Черноморского побережья Северного Кавказа.— В сб.: Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент. 1928.

Баскаков И. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Бжания В. В. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973.

Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Брук С. И. Население мира. Этнографический справочник. М., 1981.

Бунак В. В. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительно-историческом освещении.— Сб. МАЭ. Л., 1958.

Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; Он же. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Гаджиев М. Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

Генко А. Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. Тр. Абхазского ин-та языка литературы и истории. Вып. 28. Сухуми, 1957.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948.

Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Калоев П. А. Осетины. М., 1971.

Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965.

Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике. МИА, 1941, № 3.

Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960; Он же. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.

Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе.— В сб.: Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. I—III. М. 1881—1887.
Народы Кавказа. Т. I. сер. «Народы мира». М., 1960.
Плетнева С. А. От кочевий — к городам. М., 1967; Она же. Хазары. М., 1976.
Студенецкая Е. Н., Сергеева Г. А. Карачаевцы.— В кн.: Народы Кавказа Т. I., М., 1960.
Студенецкая Е. Н. Культура и быт карачаевцев.— В кн.: Очерки истории Ка рачаево-Черкессии. Т. I. Ставрополь, 1967.
Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.
Трубачев О. Н. О синдах и их языке.— Вестник языкознания, 1974, № 4 Он же. Таврские и синдо-меотские этимологии.— В кн.: Этимология. М., 1979
Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме.— Вестник языкознания 1958, № 1.
Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1977 Федоров Я. А. Этно-культурные связи Западного Кавказа и Передней Ази в эпоху позднего неолита. Вестн. МГУ. сер. ист., № 5, 1973; Он же. О дольмен ной культуре Западного Кавказа и ее носителях. — Вестн. МГУ, сер. ист. № 4 1974; Он же. Место «майкопцев» в этнической истории Западного Кавказа.- Вестн. МГУ, сер. ист., № 5, 1975. Он же. Горы и степь. Вестн. МГУ, сер. ист № 6, 1977; Федоров Я. А., Федоров Г. С. К вопросу о южной границ Хазарии. Вестн. МГУ. сер. ист., № 3, 1970; Они же. Ранние булгары на Се верном Кавказе.— В сб.: Из истории Карачаево-Черкесии. Тр. Карачаево-Чер кесского НИИ истории языка и литературы. Вып. VI. Ставрополь, 1970.
Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
Чикобаева А. С. К вопросу об отношении картвельских языков к индо-европей ским и северо-кавказским языкам.— Вестник языкознания, 1970, № 2.

Иллюстрации в книге даны по:

1. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, с. 33, 47, 15 153 (рис. 2, 4, 5, 6).
2. Вестник Московского университета, сер. 8. История, 1980, № 2, с. 66 (рис. 1).
3. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 71 (рис. 3).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Природные условия 10
Этнолингвистическая характеристика . . . 12
Антропологическая характеристика 17

II

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (КРАТКИЙ ОЧЕРК)

Заселение Кавказа 24
Неолитическая революция 27
Западный Кавказ 27
Восточный Кавказ. Дагестан 31
Центральный Кавказ 36
Горы и степь 42
Ранний железный век на Северном Кавказе . . . 44
Западный Кавказ 45
Центральный Кавказ 48
Восточный Кавказ 49

III

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОРУ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

Неолит Северного Кавказа 52
Западный Кавказ 53
Средняя часть Северного Кавказа 56
Северо-Восточный Кавказ. Дагестан 60
Энеолит на Северном Кавказе 63
Западный Кавказ 66
Центральное Предкавказье 68
Дагестан 72

Северный Кавказ на заре бронзового века 76
Западный Кавказ 79
Северо-Западный Кавказ 80
Северо-Восточный Кавказ 84
Горный Дагестан 88

IV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Адыги 93
Кабардинцы 96
Абазины 97
Карачаевцы, балкарцы 100
Осетины 105
Чеченцы, ингуши 110
Народы Дагестана 112
Кумыки 114
Ногайцы 117

Вместо заключения 119

Список литературы 122

ЯКОВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ФЕДОРОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Заведующий редакцией
Сидорова Н. М.

Редактор Белугина В. В.

Художник И. С. Клейнард

Художественный редактор
М. Ф. Евстафиева

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры И. Л. Демин,
Л. А. Кузнецова

Тематический план 1983 г. № 34
ИБ № 1530

Сдано в набор 17.11.82. Подписано к печати 24.03.83. Л-95208. Формат 70×90 1/16. Гарнитура Литературная. Высокая печать. Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 8,93. Тираж 3650 экз. Зак. 563. Цена 30 коп. Изд. № 2076

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009 Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета»
издательства МГУ.
Москва, Ленинские горы

В 1984 году

в Издательстве Московского университета

выйдет в свет книга

Э. С. Львовой
«ЭТНОГРАФИЯ АФРИКИ»
(20 п. л.)

В учебном пособии обобщаются последние научные данные по классификации народов Африки, исследуются проблемы этнической истории, материальной и духовной культуры, тенденции национального и культурного развития африканских народов.

Для студентов-востоковедов и исторических факультетов государственных факультетов.

Яков Александрович Федоров
(1902–1982) –
кандидат исторических наук,
специалист по проблемам этнографии
народов Северного Кавказа,
автор ряда статей и монографии
„Ранние тюрки на Северном Кавказе“
(в соавторстве с Г. С. Федоровым).
Предлагаемое издание –
результат многолетнего кропотливого
труда автора.
В основе работы – курс лекций,
прочитанных автором
на историческом факультете МГУ.

Цена 30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА